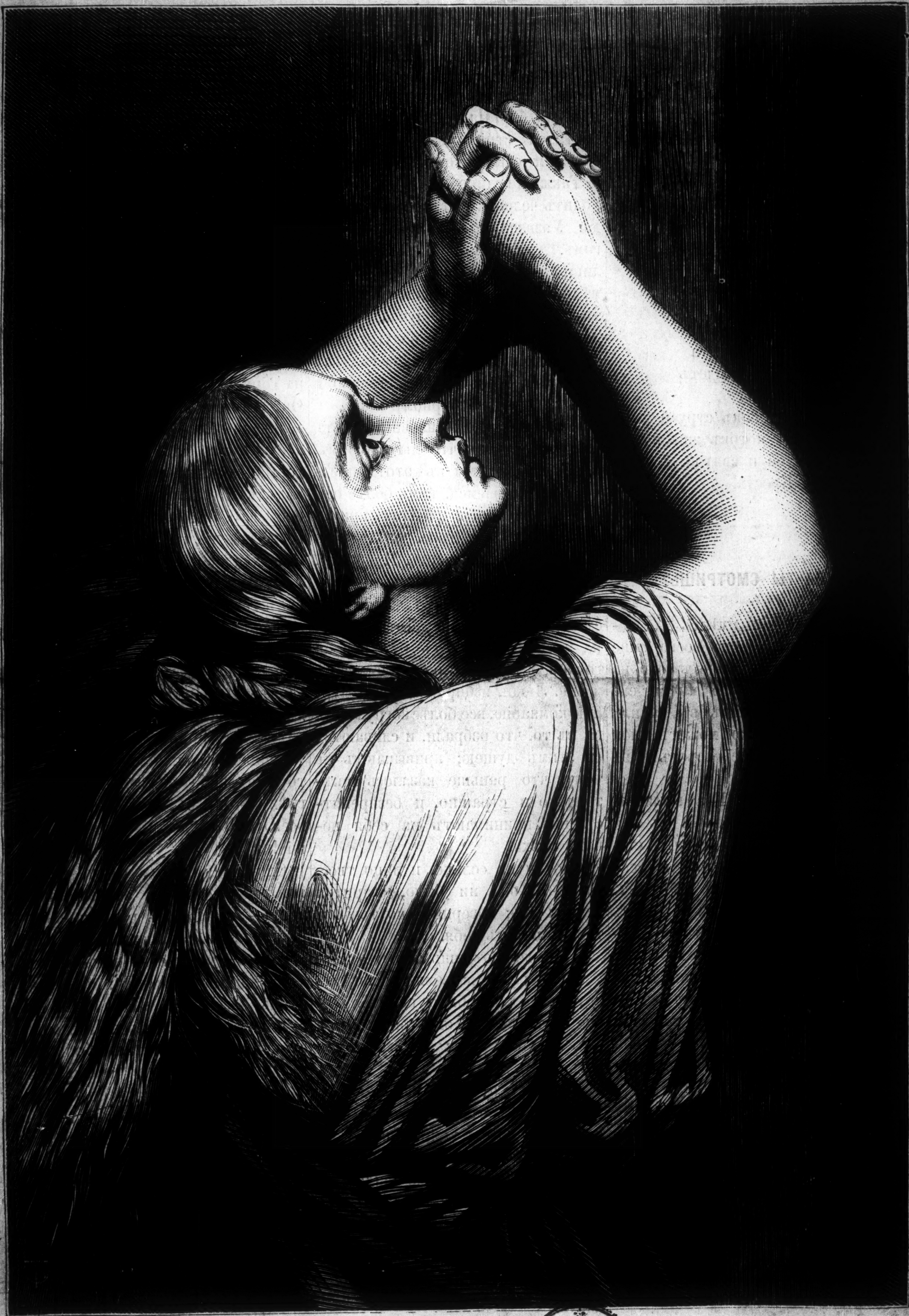

— 28
— 10

№ 1. 1885 г.

РУССКІЙ РАБОЧИЙ.

Цѣна 5 коп.

У КРЕСТА.

У КРЕСТА.

Есть для плачущихъ земли
Мѣсто у Креста;
Грѣшный, страждущій, займи
Мѣсто у Креста.
Скорбь лежитъ въ твой груди,
Ты къ Спасителю приди,
И покой душѣ найди
У Его Креста.

Вѣчная любовь зоветъ
Всѣхъ васъ со Креста
И для каждого найдетъ
Мѣсто у Креста.
О, взгляните, какъ струей
Льется тамъ потокъ живой
Крови чистой и святой.
Крови со Креста!

КУДА ТЫ СМОТРИШЬ?

Много значенія имѣетъ для человека то, на что онъ всего чаще смотритъ; сильно влияетъ оно на него, направляетъ его мысли, его сердце. Одинъ взглядъ въ ту или другую сторону, какой можетъ, иной разъ, произвести переворотъ и въ душѣ и въ жизни.

Праматерь наша Ева **взглянула** на запрещенный плодъ и въ ней возгорѣлось желаніе вкусить его. Сама увлеклась похотью и весь міръ увлекла за собою въ грѣхъ. Люди, которыхъ послалъ Иисусъ Навинъ для обозрѣнія земли Ханаанской, **взглянули** на укрѣпленные города, на рослыхъ, сильныхъ жителей, и пришли въ ужасъ, даже въ отчаяніе. „Не можемъ мы идти противъ народа сего“, говорили они и распускали худую молву про землю, которую обѣщалъ имъ Богъ. Уныніе свое они передали всему народу, „и подняло все общество вопль и плакалъ народъ всю ту ночь“.

Давидъ **взглянулъ** на женщину и это повлекло его, какъ и многихъ другихъ, къ паденію.

Апостоль Петръ, по повелѣнію Иисуса, шелъ по водамъ, но **взглянулъ** на бурныя волны и духъ его смутился страхомъ; онъ поколебался и сталъ тонуть.

Также и великое благо часто приходитъ человеку отъ одного взгляда. Узвѣленный, наказанный Богомъ, умирающій Израилѣтянинъ лишь только подымалъ взоръ къ мѣдному змѣю, вознесенному въ пустынѣ, немедленно получалъ исцѣленіе отъ страшнаго недуга.

Апостоль Петръ, покуда глядѣлъ на Иисуса Христа, шелъ твердо и безбоязненно по бурному морю.

Да, очень много значенія имѣетъ для насъ то, на что мы смотримъ, и чѣмъ болѣе мы въ этотъ предметъ вглядываемся, тѣмъ болѣе онъ на насъ вліяетъ: радость приноситъ намъ или горе, свѣтъ или тьму, жизнь или смерть. Наконецъ, сами того не замѣчая, мы становимся похожи на то, что часто имѣемъ передъ глазами. Дитя, глядя на мать, перенимаетъ отъ нея ея голосъ, взглядъ, привычки, выраженіе. Люди, избирающіе себѣ дурную компанію, все болѣе погружаются въ то, что избрали, и сливаются съ этимъ душою; привыкаютъ къ тому, что раньше казалось какъ-то дико и страшно, и безпрепятственно принимаютъ на себя печатъ грѣха.

Смотри на солнце, и лицо твое, какое-бы оно ни было, озарится лучами его; повернись ко тьмѣ, и тьма охватитъ тебя.

Куда-же смотришь ты?

Жилъ разъ на землѣ человекъ, которому дано было видѣть чудное зрѣлище и онъ описываетъ его, начиная такъ: „**взглянулъ я и вотъ**“... ¹⁾...

Человѣкъ этотъ былъ апостоль Іоаннъ, тотъ самый, который стоялъ подлѣ креста умирающаго Господа, и раньше того ходилъ за нимъ повсюду три года „видя славу Его, какъ Единороднаго отъ

Отца.“ Оставшійся одинъ, изгнанникомъ на пустынномъ островѣ, онъ **взглянулъ** на что-то неземное и ясно, живо, что-то увидалъ.

„**Вотъ Агнецъ** стоитъ!“ Къ самому небу поднялъ Іоаннъ взоръ свой, и тамъ Агнецъ—Иисусъ Христосъ, стоитъ—Агнецъ за грѣхи закланный, Агнецъ кроткій, непорочный;—Агнца увидалъ онъ передъ собою и взоръ его приковался. Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ; Тотъ Самый, Который когда-то съ трудомъ, въ изнеможеніи, подымался на гору—Голгофу, къ мѣсту казни, Онъ стоитъ прославленный, возвеличенный, на горѣ Сіонѣ. Радостное зрѣлище для того ученика, который такъ любилъ Его, который видѣлъ Его скорбь, и понималъ любовь Его. Радостное зрѣлище! Онъ вознесенъ на горѣ Сіонѣ, окруженный хвалою; однако-же, Онъ все таки Агнецъ: помнить Свою жертву и тѣхъ, за которыхъ Онъ ее принесъ. Іоаннъ продолжаетъ глядѣть, и радость его усиливается: Агнецъ **не одинъ** стоитъ на горѣ Сіонѣ; съ Нимъ тамъ множество людей, и Имя Отца сіяетъ на челахъ ихъ. Наши-же братья, когда-то жившіе на нашей землѣ, когда-то глядѣвшіе на земное горе и грѣхъ—они **съ Нимъ** стоятъ, отъ всего освобожденные, все побѣдившіе!

Слышится шумъ, шумъ неземной, непохожій на земныя ликованія—это звучитъ радость небесная, громкая, торжественная: „какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома“, и святая пѣснь раздается! Пѣснь эта на землѣ уже была вложена въ душу этихъ людей. Когда они были еще странниками, въ мірѣ грѣха, они заплѣли эту пѣснь въ сердца своемъ, пѣснь хваленія Господу, пѣснь любви къ Нему, преданности Ему, послушанія Ему. Плѣли они эту пѣснь и въ ясные и въ мрачные дни, среди бури и непогоды, среди испытаній и трудностей пути, плѣли ее, иной разъ, сквозь слезы, а

¹⁾ Откр. 14 1.

все таки пѣли непрестанно. Не заглушили этой пѣсни ни земное шумное веселье, ни насмѣшки людскія, не застыла она въ сердцѣ, не смотря на то, что его часто охватывало холодомъ.

И теперь, когда путь пройденъ, когда всѣ узы разрѣшены, всѣ слезы отерты, когда видятъ Господа лицомъ къ лицу тѣ, которые, „не видѣвъ Его, любили Его и радовались о Немъ радостью неизрѣченною“²⁾ „какъ раздается въ небесномъ просторѣ блаженная пѣснь!

Іоаннъ взглянулъ, и вотъ что онъ увидѣлъ, вотъ что онъ услышалъ. — Можно-ли предположить, чтобы онъ, послѣ этого, обратился взоромъ и сердцемъ на какое-нибудь земное зрѣлище? Куда возможно смотрѣть, узрѣвшему Агнца и съ нимъ прославленныхъ, какъ же снова и снова туда-же, все пристальнѣе, и чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ меньше можешь оторваться!

Другъ мой, ты не апостолъ, ты не въ то время живешь, какъ Іоаннъ, тебѣ не дано то призваніе, тѣ дарованія, какъ ему, а повѣришь-ли, что и тебѣ дано смотрѣть сердцемъ твоимъ на подобное-же зрѣлище?

Разсказываетъ тебѣ про это слово Божіе, передаетъ это тотъ, кто самъ это видѣлъ; для чего? Чтобы твои-же очи, твою-же душу поднять и приковать туда-же, чтобы и ты взглянулъ, увидѣлъ, и наслаждался. Пока еще міръ стоитъ, пока еще судъ не насталъ, пока двери рая стоятъ отверзтыми, Господь не сокрытъ свѣта лица Своего отъ взоровъ человѣческихъ.

Онъ дозволяетъ имъ взглянуть на Него, увидеть Его и остаться съ Нимъ. „Взглянулъ я и вотъ Агнецъ стоитъ“ — эти слова и для тебя. Возведи очи твои, увидишь Господа и смиришься передъ Нимъ. Глядя на Агнца, за грѣхи заклан-

наго, раскаешься во грѣхахъ твоихъ; глядя на Агнца смиреннаго и кроткаго, сокрушится гордость твоя, упорство твое, Ему воздашь ты поклоненіе твое и съ Нимъ пребудешь душой. „Съ Нимъ“ — сказано дальше. Да, съ Нимъ тѣ, которые вошли въ покой прежде тебя, съ Нимъ ты самъ, еще странствующій здѣсь на землѣ и съ Нимъ для тебя все. Увидишь ты это, — оно врѣжется тебѣ въ душу, и ты пѣснь запоешь такую, которой никогда еще не пѣлъ. И глядя въ небо, ты не будешь сидѣть сложа руки, только помышляя о Господѣ и не работая для Него. — Нѣтъ, твоя жизнь, какъ и Его жизнь на землѣ, будетъ трудовая: будешь утомляться, изнуряться, ступать шагъ за шагомъ по пыльной дорогѣ, среди земной тьмы, не гнушаясь земнаго труда и близко касаясь всякой земной скорби. — и все таки ты будешь видѣть Господа, среди труда, и изнуренія, и скорби и болѣзни, и свѣтъ Лица Его будетъ падать на тебя. Увидишь земныя зрѣлища и не привлечешься ими, остановишься только тамъ, гдѣ можно подать руку помощи и „какъ-бы видя Невидимаго — пребудешь твердъ“.

„Очи мои всегда къ Господу“!

„Господи! возлюбилъ я обитель дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоей!“ (Псал. 24. 15 и 25 8).

Г Р У Ш А.

Кто похвалитъ Ивана Павлова? Ахъ, ни одна душа, кажется, во всемъ городѣ не скажетъ про него добраго слова. Всѣ знаютъ его хорошо, а какъ назовутъ, то ужъ что-нибудь бранное непременно прибавятъ; главное осуждали его люди за дурное обхожденіе съ молодой женой. Сами, нельзя сказать, чтобы хороши были: и выпивали лишнее, и говорили лишнее, бранились со своими домашними, но все таки,

съ Иваномъ имъ не сравниться. Между тѣмъ, и молодой былъ, и здоровый, способный на работу, недавно женился, и мѣсто предложили ему выгодное, — какъ-бы тутъ не зажить хорошо? Нѣтъ; бѣдовый человекъ былъ Иванъ Павловъ: бранился такими словами, что страшно слышать, пьянствовалъ до поздней ночи, жену свою молодую безвинно билъ, обижалъ такъ, что чужіе жалѣли и иной разъ заступались.

Сами на себя рукой махнули, отъ всего хорошаго какъ-будто отступились, а ей какое-то уваженіе оказывали, и смягченнымъ голосомъ про нее говорили.

Кроткая, безотвѣтная была Паша, молоденькая сиротка изъ деревни. Привезъ ее Иванъ годъ тому назадъ и какъ привезъ, такъ и сталъ мучить. А отъ нея никогда громкаго слова, никогда жалобы никто не слыхалъ, и хоть жила она среди грубаго народа, а сама какая-то нѣжная была, такъ что и грубые люди обходились съ ней осторожно.

„Вотъ вздумалъ привозить ее сюда“, кричала во все горло Груша, „развѣ ей здѣсь мѣсто, она видно раньше съ хорошими людьми жила, а теперь куда сунулась!..“

А Груша-то кто же? Груша была страшная женщина, извѣстная по всему околотку, даже Иванъ отъ нея сторонился — побаивался ее. Иные ее помѣшанной считали, другіе *порченной*, дѣти отъ нея убѣгали, да какъ разсердится она и засверкаютъ глаза точно у дикаго звѣря, такъ, пожалуй, и взрослый убѣжитъ со страху. Ходила она оборванная, волосы всклокоченные, съ мущинами пьянствовала, съ женщинами бранилась и даже дралась, никакимъ дѣломъ не занималась, жила себѣ одна, въ полуразвалившемся домикѣ, и разные про нее слухи ходили. Однако и она, отчаянная, вступалась за бѣдную Пашу — жену Ивана Павлова.

Разъ вечеромъ зашла Груша въ знакомый ей питейный домъ, а тамъ Иванъ сидитъ.

²⁾ Петр. 1 а.

„Опять пьянствуешь“, напустилась она на него, „а дома по тебе слезы проливаютъ, и не стыдно тебе, злодѣй! Привезъ голубицу въ волчью яму и загрызешь ее до смерти. Работать-бы лучше, чтобы у ней хоть чистый уголь былъ; вѣдь въ ней еле душа держится“.

— „Чего-жъ ты сама-то не работаешь, чтобы у тебя чистый уголь былъ“, возразилъ Иванъ насмѣшливо.

— „Какая мнѣ работа“... и глаза ея злобно засверкали, „я ужъ отпѣтая, давно въ грязи валяюсь и вѣкъ свой такъ доживу. Да и кому какой толкъ съ моей работы; нѣтъ, я и такъ промаюсь, а теперь давай выпью отъ скуки“.

— „Я тебя угощу“, сказалъ Иванъ; не мѣшало чѣмъ нибудь задобрить Грушу, чтобы она не такъ страшно на него глядѣла, и онъ положилъ нѣсколько копѣекъ на прилавокъ. Но она однимъ мигомъ сбросила ихъ на полъ.

— „Стану я на твои гроши пить!“ закричала она. „Подбери-ка ихъ, да снеси женѣ; слышишь, подбери деньги и ступай прочь!“

— „Послушай-ка“, сказалъ Иванъ, поднимая съ полу свои копѣйки, „ты будь помирнѣе, а то смотри, тебѣ хуже будетъ“.

— „Мнѣ хуже будетъ, ха-ха-ха“, разсмѣялась Груша, „нѣтъ, ужъ хуже мнѣ не бываетъ!“

Она разомъ выпила полную рюмку и вышла.

„Совсѣмъ помѣшалась баба“, сказали нѣкоторые и стали ее на смѣхъ подымать, но вдругъ всѣ замолчали: Груша опять показалась въ дверяхъ.

— „Выходи сейчасъ, Иванъ Павловъ“, сказала она, „тебя тамъ спрашиваютъ“.

— „А кто?“ спросилъ онъ грубо.

— „Жена твоя“, крикнула Груша „тутъ стоитъ недалеко, тебя поджидаетъ. Пожалуй, дома безъ хлѣба сидѣла. Скорѣй выходи.“

— „Давай-ка еще“, сказалъ Иванъ, протягивая трактирщику

свой стаканъ, „а коли моей женѣ хлѣба нужно, такъ пусть работаетъ себѣ на хлѣбъ“.

— „И наработается до смерти, а ты тутъ будешь безобразничать; теперь стоитъ дрожить на холодѣ, а тебѣ небось хорошо, тепло, весело...“

— „Ну, перестань Груша“, вмѣшался кабачникъ, „довольно мы отъ тебя наслушались“.

— „Нѣтъ, еще мало съ васъ, бездушныя вы твари, мало съ васъ, мало съ васъ...“ кричала Груша, совсѣмъ разъяренная.

— „Василій, выведи-ка ее вонъ“, обратился кабачникъ къ своему подручному, „ужъ больно шумитъ“. Василій подошелъ къ ней, грубо схватилъ ее за руку и распахнулъ дверь.

— „Не пойду“, сказала Груша, и вырвала руку.

Началась борьба, но силачъ-Василій наконецъ одолѣлъ и вытолкнулъ ее, съ окровавленнымъ лицомъ и еще болѣе изорваннымъ платьемъ, на улицу.

Темно было, Груша оступилась и упала. Она вскрикнула; случилось тутъ нѣсколько прохожихъ, но они не обратили особеннаго вниманія.

— „Что это такое? Ахъ опять Груша валяется“, сказали нѣкоторые равнодушно и прошли каждый своей дорогой.

Опять Груша! всѣ привыкли къ тому, что съ ней разныя приключенія бываютъ: всякій или насмѣшкой задѣнетъ, или мимо пройдетъ.

Всякій,—кромѣ одной. Паша стояла недалеко, она видѣла, какъ упала Груша, какъ тяжело грохнулась она головой на землю. Нѣсколько минутъ прошло, она все не шевелилась. Паша подошла и стала вглядываться въ ея лицо.

— „Вы ушиблись? Я помогу вамъ встать“, сказала она. Груша приподнялась и стала дико озираться вокругъ.

— „Кто тутъ говоритъ?“ спросила она.

— „Это я, Паша, спросила — ушиблись-ли?“

— „Ушиблась? нѣтъ“, отвѣчала Груша. „Мнѣ не въ диковину, я вѣдь къ этому привыкла, а все-же спасибо, что подошла“.

Она встала на ноги, откинула назадъ растрепанные волосы, отерла оборваннымъ рукавомъ запачканное лицо, а Паша стояла и смотрѣла на нее съ какимъ-то дѣтскимъ удивленіемъ, и страхомъ и жалостью.

— „Что, небось не часто видывала ты такихъ, какъ я?“ сказала она и засмѣялась.

— „Вамъ, должно быть, жить худо“, отвѣчала Паша робко.

— „Какой тутъ худо, мнѣ теперь все нипочемъ, а раньше было не то... Была и я когда-то честная женщина, такая-же, какъ ты теперь. Былъ у меня мужъ, я его любила, а онъ сталъ пить, обижать меня, бить, и бросилъ вотъ уже тринадцатый годъ. Пропалъ безъ вѣсти; а права-то я не такого какъ ты—не умѣю терпѣть. Мнѣ бы все бунтовать, кричать, браниться, драться, чтобы меня всѣ боялись. И пусть ихъ бояться“.

Она отошла на нѣсколько шаговъ. Паша пошла за ней и положила руку ей на плечо. Груша обернулась: „что тебѣ?“ спросила она рѣзко.

— „Ничего, только мнѣ жаль васъ ужасно“, и слезы заблестали у Паши въ глазахъ.

— „Спасибо“, отвѣчала Груша отрывисто, „а теперь прощай—я тебѣ не компанія“.

Она скрылась, а Паша осталась одна. Ждала, ждала бѣдняжка еще долго, пока ноги стали подкашиваться отъ усталости и тогда побрела домой. Что-жъ ты лучше дома не ждешь, чѣмъ дрогнуть на улицѣ, Паша? Вѣдь, не можешь этимъ. Правда, а какъ сердце очень больно защемило, такъ не сидится на мѣстѣ. Пойду на встрѣчу, думаешь, подожду его тамъ, авось и его сердце что-нибудь почуветъ, и

онъ скорѣе выйдетъ оттуда. И дома-то каково сидѣть: холодно, неуютно, работать нельзя при тусклой лампочкѣ, а на другое освѣщеніе денегъ не хватаетъ. Бѣдная Паша, жила она прежде въ довольствѣ, прислужой у хорошихъ господъ въ деревнѣ, а какъ вышла замужъ за Ивана, такъ и пошло горе рѣкою.

Завернувшись въ одѣяло и легла, но долго не могла спать. Лежитъ и плачетъ горько, наконецъ, въ слезахъ заснула.

За полночь уже было, когда Иванъ ввалился въ комнату и тутъ же растянулся, на полу у двери. Утромъ, рано, жена стала будить его; долго стояла и тихонько качала его, то за голову, то за плечо, а онъ все не просыпался; наконецъ, открылъ глаза.

— „Чего спать не даешь?“ заворчалъ онъ.

— „Я думала, тебѣ куда-нибудь на работу надо, отвѣтила она кротко. Помнишь, ты тотъ разъ рассердился, что я тебя не разбудила во-время“.

— „А теперь отвяжись, не надоѣдай“, сказалъ онъ. „Сегодня никакой работы нѣтъ. Завтра пойду“.

У Паши лицо просіяло, она схватила его за руку и сказала: „ахъ, слава Богу. Куда-же ты пойдешь?“

— „Далеко, за городъ, а больше ничего не узнаешь, убирайся-же, говорятъ тебѣ“.

— „Иванъ, я еще хотѣла тебѣ сказать....“

— „Молчать!“ крикнулъ онъ и приподнялся, сжимая кулакъ.

Паша отошла прочь, вздыхая; а Иванъ повернулся на другой бокъ и опять заснулъ.

Полдня уже прошло, когда онъ проснулся, угрюмый, сердитый, и сталъ ворчать, самъ не зная на кого. Жены не было дома, ее позвали куда-то помыть полы и съ радостью побѣжала бѣдняжка зарабатывать нѣсколько копѣекъ. Иванъ постоялъ, повертѣлся, посмотрѣлъ

въ окошко, потомъ надѣлъ шапку и опять въ трактиръ.

Къ вечеру того-же дня, съ женою не простившись, онъ съ подрядчикомъ и нѣсколькими товарищами отправился за городъ на работу. Сговорились окончить дѣло черезъ мѣсяцъ, но подрядчикъ самъ не прочь былъ выпить, а работники его и подавно, такъ что мѣсяца два прошло, и Иванъ все не возвращался. Женѣ онъ за все это время ни разу не писалъ, отговаривался самъ передъ собою тѣмъ, что писать не умѣетъ, а другаго попросить не вздумалъ.

Наконецъ, работу кончили, и съ остатками своего заработка въ карманѣ — всего только 5-ю рублями — вернулся Иванъ. „Надобы хотѣло это Пашѣ снести“, говорить совѣсть, и онъ направляется къ своему жилью; но по дорогѣ, какъ разъ по дорогѣ — то знакомое мѣсто, куда уже столько и рублей и десятковъ рублей уходило, и въ дверь входятъ знакомые, манятъ его съ собою, давно, говорятъ, не видались, надо за рюмочкой потолковать. Не трудно было уломать Ивана, его и самого туда тянуло; переступилъ порогъ и сидитъ на прежнемъ мѣстѣ, громко разговариваетъ, смѣется и выпиваетъ глотокъ за глоткомъ. Не много времени прошло; разсудокъ еще не помутился и иную минуту ему даже приходила на умъ Паша: что она теперь дѣлаетъ, живетъ ли на прежней квартирѣ? Вдругъ онъ вздрогнулъ и даже въ лицѣ измѣнился: около двери стоитъ Груша, уставивъ на него глаза. Когда она вошла — онъ и не замѣтилъ, а теперь стоитъ, какъ вкопанная. Груша сама на себя не похожа, платье поношенное, но чистое, голова плотно повязана платкомъ, прежнихъ растрепанныхъ волосъ не видать. Въ рукахъ у нея — какой-то узелъ.

— „Иванъ Павловъ“, сказала она громко, ясно, увидѣвъ, что Иванъ взглянулъ на нее, „последній разъ, какъ мы съ тобой видѣлись, я тебя

за жену твою просила. Помнишь ты?“

— „Помню“, отвѣтилъ онъ, „что же? Коли опять по тому же дѣлу пришла, такъ можешь уходить“.

— „Нѣтъ, не по тому же“, сказала она. „теперь *вотъ по какому*: видишь?“ и раскрывъ узелокъ, она показала ему спящаго ребенка.

Иванъ такъ и остолбенѣлъ, смотрѣлъ, то на ребенка, то на нее и ничего не могъ выговорить.

— „Эго ребенокъ *твой*, Иванъ Павловъ!“ продолжала Груша, „первенецъ твой, — безъ тебя родился. Родился на то, чтобы принять стыдъ и горе отъ отца-пьяницы. Родился на свѣтъ Божій, а матери нечѣмъ прокормить его, до такой горькой нищеты довелъ ее мужъ! Иванъ, хлѣба не давай ты женѣ, дай хотѣ молока ребенку“.

Она остановилась и надернула тонкое, худенькое одѣяло на личико ребенка, точно не желая, чтобы чистые, дѣтскіе глаза смотрѣли на окружающій грѣхъ. Сама-же она пристально смотрѣла на Ивана. Онъ молчалъ, все вокругъ тоже молчали, — не могли еще опомниться.

Наконецъ, онъ какъ-то невольно протянулъ руку, чтобы отдернуть одѣяло и еще разъ посмотрѣть на дитя; но Груша его остановила.

— „Нѣтъ“, вскричала она, „будь ты ему отцемъ, такъ и гляди сколько душѣ угодно, а теперь не дамъ. Что ты ему за отецъ? Умретъ онъ у тебя, зачахнетъ, сгубишь ты его своимъ пьянствомъ! Что тебѣ смотреть на него?“

Страшно какъ-то звенѣлъ голосъ Груши. Весь видъ ея былъ угрожающій, глаза горѣли. Она говорила правду, и въ этомъ была ея сила. Ивану стало очень неловко.

— „Груша“, началъ онъ въ замѣшательствѣ: „погоди, дай мнѣ одуматься; давно ли родился младенецъ?“

— „Седьмой день.“

— „И ты вынесла его на улицу!“

— „Да, вынесла на улицу, прямо къ тебѣ; что же было дѣлать

другаго? видѣла, куда ты зашелъ и побѣжала за ребенкомъ. Хотя этимъ, думаю, проймешь его, коли въ немъ еще душа живая есть, а коли нѣтъ, такъ пропасть ты, несчастный! Желѣзо погнешь, камень пробьешь, а съ человѣкомъ бездушнымъ что поделаешь?”

— „Ишь, какъ расходилась“, сказалъ кто-то изъ посѣтителей, „не ожидали мы, что сюда на проповѣдь попали“, и онъ расхохотался.

Но другіе не вторили. Иванъ стоялъ опустивъ голову, прочіе молчали.

— „А за Пашей кто ходилъ?“ спросилъ онъ наконецъ.

— „Я“, отвѣчала Груша, „хватаю не стану, да и нечѣмъ, а все таки скажу тебѣ, что я затѣмъ и пить бросила, чтобы было жену твою чѣмъ прокормить. Она меня добрымъ словомъ утѣшила, а я ее пожалѣла и помогала ей, чѣмъ могла. Спасибо ей—изъ-за нея сама на ноги встала. И хотъ люди прозываютъ еще по прежнему и насмѣшками кормятъ, а я теперь совсѣмъ другая. Работаю на себя и на жену твою, только трудовъ моихъ не хватаетъ, она все лежитъ больная, кормить младенца не можетъ, а молока купить не на что. Слышишь, нечѣмъ ребенка пропитать, а у тебя деньги въ карманѣ“.

— „Полно, Иванъ“, вмѣшался опять тотъ же насмѣшникъ, „перестань бабу слушать, угости-ка меня лучше, вѣдь ты у меня въ долгу“.

— „Иванъ, молока купить не на что“, повторила Груша, „ребенокъ съ голоду умретъ“.

— „Возьми денегъ, Груша“, сказалъ Иванъ, вынимая изъ кармана рублевую бумажку, „купи что нужно и унеси ребенка, я скоро приду“.

— „Нѣтъ, не пойду я безъ тебя“, отвѣчала она рѣшительно, „останешься ты тутъ, такъ все пропѣешь, все, до послѣдняго гроша, а тамъ, дома, нужды много. На, возьми ребенка, снеси его самъ къ матери, а я тебя до двери провожу“.

Иванъ не шевелился; вдругъ ребенокъ заплакалъ.

Тоненькимъ, жалобнымъ плачемъ, точно молило отца пожалѣть его, заплакало дитя. Плачь былъ не громкій,—дитя было еще очень маленькое, но разбудилъ онъ мертвую душу. Тутъ Иванъ не выдержалъ; онъ пожалѣлъ, взялъ ребенка на руки и вмѣстѣ съ Грушей вышелъ изъ трактира. Проводили его упрёками, бранью, звали назадъ, но онъ точно глухъ сталъ для всего—въ ушахъ раздавался только плачь ребенка. Онъ шелъ молча, крѣпко обнимая дитя, а Груша шла подлѣ, боясь, чтобы онъ не уронилъ его, и тоже молчала.

Дошли до знакомаго дома, поднялись по крутой лѣстницѣ, расправили дверь—въ уголку Паша лежитъ блѣдная, съ закрытыми глазами.

— „Груша“, позвала она слабымъ голосомъ, услыхавъ шорохъ, но Груша уже скрылась, а въ комнату вошелъ Иванъ, со своей пошей. Ребенокъ на отцовскихъ рукахъ пересталъ плакать; Иванъ сталъ подлѣ жены и тихо сказалъ: „это я Паша, голубушка, прости меня...“

Она вся задрожала, открыла глаза, и какъ рада была, бѣдняжка!

— „Ваня, Ваня“, твердила она со слезами, и цѣловала, то его, то ребенка.

Вскорѣ пришла Груша, закупила что нужно, состряпала обѣдъ, въ комнатѣ все прибрала; куда дѣвался страшный взглядъ, сердитый голосъ! Груша ходила тихо, смотрѣла ласково, качала ребенка, точно мать родная. Паша глядѣла на нее съ любовью и когда Груша подала ей ѣсть, сказала мужу:

— „Вотъ истинная кормилица мнѣ была, спаси ее Господи“.

Груша долго крѣпилась, но тутъ не выдержала, заплакала. Давно она себѣ такого праздника не видала,—какъ тутъ было на радости не поплакать! Съ того времени все пошло для нея праздничные дни. Паша поправилась, Ивана маленькій Ванюша въ трактиръ не пус-

калъ, или, лучше сказать, Богъ, черезъ Ванюшу, его сердце переменялъ, такъ что теперь весь день сталъ въ работѣ проходить, и всѣ деньги до копѣйки прямо къ Пашѣ въ руки поступали.

Груша живетъ хорошо, завела маленькую торговлю, и вмѣсто старыхъ прозвищъ, ее всѣ теперь Аграфеной Степановной величаютъ. Она пристроилась близехонько отъ друзей своихъ, такъ что часто ихъ провѣдываетъ, и Ванюша поминутно къ ней бѣгаетъ. Не знаетъ мальчикъ, гдѣ онъ первый разъ съ отцомъ встрѣтился и, пожалуй, не узнаетъ объ этомъ никогда. Развѣ, какъ постарше станетъ, Иванъ, можетъ быть, самъ расскажетъ ему, какую онъ отцу своимъ плачемъ услугу оказалъ, какъ онъ, младенецъ, его изъ погибели вывелъ; и Ваня будетъ слушать, и душой еще сильнѣе отворачивается отъ грѣха.

ИГО МОЕ БЛАГО И БРЕМЯ МОЕ ЛЕГКО.

(Евангеліе отъ Маттея. Гл. 11, ст. 30).

Много горя и страданія въ мірѣ; много горя и страданія въ душѣ человеческой. Гдѣ тотъ миръ и покой, котораго она ищетъ, но не можетъ найти?

Въ глубинѣ души есть сознаніе, что создана она для святости, но тяжелыми цѣпями оковалъ ее грѣхъ, и не можетъ она своими силами освободиться изъ мрачной темницы.

Осквернила душа себя грѣхами, и потому настало время скорби и страданія. Голосъ печали смѣнилъ пѣснь Господню. „Какъ воспѣть пѣснь Господню на землѣ чужой?“ на землѣ рабства грѣху. Кто избавитъ ее, кто возвратитъ ей утраченную чистоту! „Горе намъ, что мы согрѣшили! Отъ сего-то изнываетъ сердце наше; отъ сего померкли глаза наши“¹⁾. И ничѣмъ не утѣшится душа, если не обратится къ Господу, Который одинъ

¹⁾ Плачъ Іереміи, гл. 5, ст. 17, 18.

только может даровать ей силу и побѣду надъ грѣхомъ. Вотъ слово Господне: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко“²⁾. Иго это благо—оно тотъ покой, котораго ищетъ душа,—оно та святость и чистота, о потерѣ которыхъ скорбитъ душа. Безконечна благодать Христа: Онъ упованіе наше,—Онъ избавляетъ насъ отъ ненавистнаго грѣха. „Обрати насъ къ Тебѣ, Господи, и мы обратимся“³⁾. Мы согрѣшили, отъ сего-то изнываетъ сердце наше; отъ сего померкли глаза наши. Но взоръ, хотя и померкшій, да будетъ обращенъ ко Кресту, свѣтъ котораго изгонитъ мракъ изъ сердца; Христосъ „пришелъ възыскать и спасти погибшее, Онъ пришелъ исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу“.

Но да не обманываетъ себя никто; — Господь не избавитъ того, кто любитъ грѣхъ, кто не хочетъ быть совершенно избавленнымъ отъ грѣха. Кто говоритъ, что иго Христово тягостно, тотъ не найдетъ покоя. „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся“. „Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ“⁴⁾.

„Сердце чистое сотвори во мнѣ Боже“⁵⁾.

Безумна душа та, которая любить грѣхъ; престолъ Божій она сдѣлала престоломъ грѣха; она полна чувствъ грѣховныхъ, оскверняющихъ. Увы „какъ потускло золото, измѣнилось золото наилучшее“⁶⁾; „согрѣшилъ Іерусалимъ, за то и сдѣлался отвратительнымъ“⁷⁾. Такова и душа любящая грѣхъ.

О, человѣкъ, пребывающій во

грѣхѣ, уразумѣй то величіе святости и чистоты, къ которымъ призванъ ты; пойми и вѣчную опасность, которая тебѣ угрожаетъ. Испытай и изслѣдуй пути свои, и обратись къ Господу.⁸⁾

Если ты не видишь или не хочешь сознать грѣховъ своихъ, то вспомни, что отъ Господа ничто не сокрыто.—Онъ знаетъ всѣ мысли и чувства твои, и хотя ты и успокоиваешь себя, но Онъ обмануть быть не можетъ.

„Возстань спящій, и воскресни, изъ мертвыхъ, и освѣтитъ тебя Христосъ“⁹⁾.

ВЪ НАЧАЛѢ.

Тому у кого есть въ рукахъ Священное Писаніе, не трудно будетъ найти эти слова. Это самыя первыя слова первой книги Моисеевой.

„Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю“. Отъ Него все началось.

Приложимъ эти слова каждый къ себѣ: каковы были-бы мы, какова была-бы наша жизнь, если у насъ въ началѣ всего былъ Богъ?

Мы недавно начали новый годъ. Въ началѣ его—что было? Земныя суеты и предпріятія, и увеселенія, своя воля и желанія, или Богъ? Если не такъ мы начали, если упустили самое главное, то начнемъ такъ, теперь. Въ началѣ всего пусть будетъ у насъ Богъ, тогда „кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими“¹⁾.

Рѣшеніе какое-нибудь надо принять; скажемъ себѣ: **въ началѣ Богъ**. Угодно-ли это Ему, согласно-ли съ Его заповѣдями? Не будемъ спрашивать себя, пріятно ли это намъ, выгодно ли, похвалятъ-ли насъ за это люди; нѣтъ, пусть въ началѣ будетъ Богъ. Тогда мы примемъ рѣшеніе мудрое и благое. Предстоитъ какое-нибудь дѣло, занятіе; въ началѣ и этого—**Богъ**.

Прежде всего желаніе Ему послужить, а потомъ уже всѣ соображенія человѣческія, всѣ личные вкусы, и если они съ волей Божіей не мирятся, то пусть уступаютъ безпрекословно:—**въ началѣ Богъ**.

Тѣ-же слова, которыя стоятъ въ началѣ Священнаго Писанія, пусть стоятъ въ началѣ и нашей жизни, нашего дня и cadaго нашего дѣла. Тотъ, Который стоитъ въ началѣ всего творенія, пусть стоитъ и для насъ въ началѣ всего.

Горе какое-нибудь насъ постигаетъ. Люди, когда имъ посылаются испытанія, часто говорятъ: судьба моя такая, или другихъ людей винятъ; можетъ быть, и въ правду, люди виноваты: черезъ нихъ какъ будто пришла та или другая бѣда, а все таки, **въ началѣ Богъ**. Будемъ это помнить.

Сколько было такихъ, которые среди горькой скорби и нужды прославили Бога своимъ терпѣніемъ и не только терпѣли, но даже благодарили. Почему такъ? Для нихъ въ началѣ былъ Богъ. Изъ Его рукъ они приняли горькую чашу и испили ее до дна безропотно. Нѣтъ мѣста горечи, когда въ началѣ всякой печали для насъ Богъ.

А въ радости? И тутъ тоже самое. Въ началѣ всякой радости пусть будетъ Богъ; тогда только она будетъ чиста и для души нашей вполне безопасна.

А если Богъ начало, то Онъ будетъ и конецъ, и все!

То, что съ Нимъ началось,—съ Нимъ и окончится. Онъ есть Источникъ жизни; Онъ есть и та Вѣчность, куда течетъ эта жизнь.

Въ первой главѣ Библии сказано: „въ началѣ—Богъ“; въ послѣдней главѣ Священной книги Онъ говоритъ: Я есмь начало и Конецъ²⁾.

Тоже самое да будетъ написано на жизни cadaго изъ насъ!

²⁾ Еванг. Мате., гл. 11, ст. 28, 29, 30.

³⁾ Плачъ Іереміи, гл. 5, ст. 21.

⁴⁾ Еванг. Мате., гл. 5, ст. 6 и 8.

⁵⁾ Плачъ Іереміи, гл. 4, ст. 4.

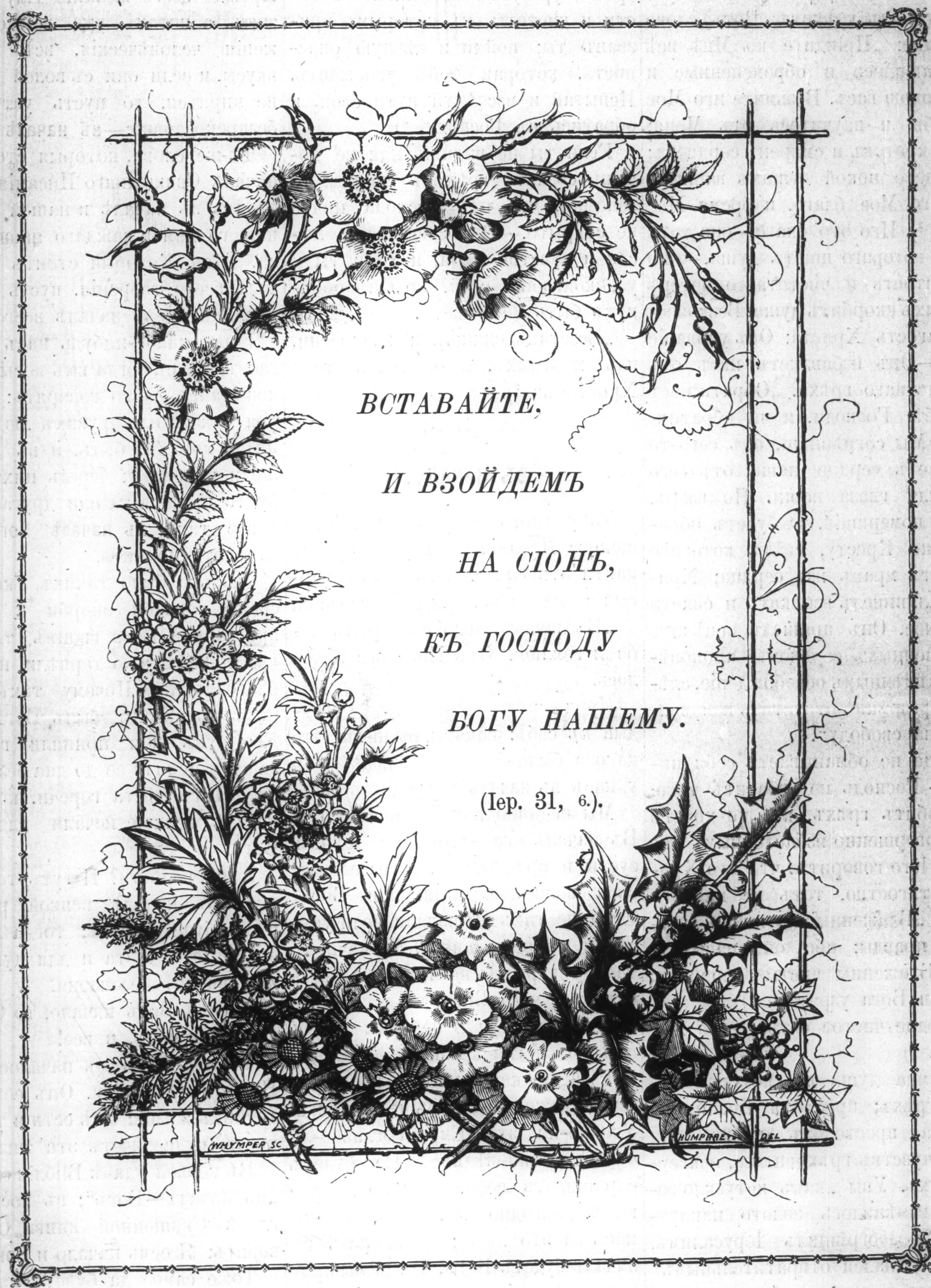
⁷⁾ Плачъ Іереміи гл. 1, ст. 8.

⁸⁾ Плачъ Іереміи, гл. 3, ст. 40.

⁹⁾ Посл. Ефес., гл. 5, ст. 14.

¹⁾ Исаи 40. 4.

²⁾ Откр. 23. 13.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 14 января, 1885 года.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ.

(Ев. Іоан. Гл. 9).

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ.

(Ев. Іоан. Гл. 9)

Проходилъ Іисусъ и „увидѣлъ челоѣка, слѣпаго отъ рожденія“. Онъ увидѣлъ, мимо не прошелъ; взглянулъ на очи, никогда еще свѣта не видавшія, взглянулъ въ сердце, еще свѣтомъ не озаренное, и сказалъ: „Мнѣ должно дѣлать дѣла пославшаго Меня доколѣ есть день, приходитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать“.

Должно дѣлать! Время не тер-

пить, тѣла и души челоѣческія погибають, слѣпота, слѣпота со всѣхъ сторонъ! Нѣтъ времени для отдыха, пока еще день стоитъ, и гибнущихъ спасти можно. Они о себѣ не радѣютъ—Онъ радѣетъ за всѣхъ. Яркій, небесный огонь любви Своей пришелъ Онъ низвестъ на землю, и какъ желаетъ Онъ, чтобы онъ уже возгорѣлся! Для этого должно Ему дѣлать:—„Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“, ¹⁾

¹⁾ Іоан. 5. 17.

говоритъ Онъ,—дѣлать непрестанно, на всякомъ мѣстѣ, не упуская ни одного случая, доколѣ скажетъ Онъ Отцу Своему: „Отче, Я совершилъ дѣло“ ²⁾.

Теперь, Онъ стоитъ передъ слѣпымъ челоѣкомъ, слѣпымъ отъ рожденія, не сознававшимъ, быть можетъ, всей своей нужды, и дѣлаетъ его зрячимъ.

Очи сомкнутыя отверзлись, и люди стали дивиться: неужели это

²⁾ Іоан. 17. 4.

тотъ, который милостыню просилъ на дорогѣ? Человѣкъ, извѣстный своимъ убожествомъ, въ которомъ ему никто изъ людей помочь не могъ! Неужели это тотъ самый,—не вѣрится людямъ!

„Это я“—говоритъ онъ, „Человѣкъ, называемый Иисусъ, помазалъ глаза мои, и я прозрѣлъ“. — Въ этомъ для него нѣтъ сомнѣнія, онъ прозрѣлъ, видитъ все, что раньше отъ него было сокрыто: „это я... я прозрѣлъ!“

„Гдѣ Онъ?“ допрашиваютъ его дальше.

На это отвѣтъ: „не знаю“.

Не знаешь ты еще, бѣдная душа, гдѣ Онъ, откуда Онъ, кто Онъ; почти ничего еще про Него не знаешь, знаешь только то, что тебя касается. Знаешь только, что Онъ тебя увидѣлъ, пожалѣлъ, тебя коснулся, тебѣ милость оказалъ; но то, что ты знаешь—ты затвердилъ крѣпко; погоди, узнаешь больше.

Смутились люди этимъ чудомъ, не оставили они въ покоѣ прозрѣвшаго слѣпца, повели его къ фарисеямъ. Растровожились и фарисеи. Почему такое чудо сотворено въ субботу? Почему такимъ человѣкомъ, котораго они гонятъ и преслѣдуютъ? Нельзя-ли заглушить это все, придать этому другой видъ, нельзя-ли поколебать увѣренность этого не книжнаго бѣдняка, убѣдить его въ томъ, что Благодѣтель его „не отъ Бога?“ Снова допрашиваютъ, и все тотъ же отвѣтъ: „бреніе положилъ Онъ на мои глаза, и я вижу“. Ничто не помогаетъ; нельзя ли представить дѣло такъ, будто онъ и слѣпымъ никогда не былъ; значитъ, и чуда никакого не совершено, все это только выдумка. Призываютъ на помощь его родителей. Отъ него самого отвѣтъ единый и прямой—можетъ-быть родители покривятъ душою. „Это-ли сынъ вашъ, о которомъ говорите, что родился слѣпымъ?“

Родители, запуганные, стѣсненные страхомъ человѣческимъ, все-

таки заявляютъ: „это сынъ нашъ и онъ родился слѣпымъ“.

— „Какъ-же онъ теперь видитъ?“

На это они отвѣтить не посмѣли, имени Иисуса произнести не дерзнули, боясь быть отлученными отъ синагоги; пусть отвѣчаетъ самъ—онъ въ совершенныхъ лѣтахъ. Этимъ они слагаютъ съ себя отвѣтственность. Опять призываютъ человѣка къ допросу, другимъ путемъ ищутъ добиться цѣли, призываютъ на помощь святое, чтимое Израилемъ, Имя Бога живаго и говорятъ: „воздай славу Богу, мы знаемъ, что человѣкъ тотъ—грѣшникъ“.

Но и эта попытка разбивается: тверда какъ камень увѣренность прозрѣвшаго. Отвѣтъ его все такой-же ясный, твердый: „одно знаю, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу“. Эта минута представлена на нашей картинѣ: отецъ и мать въ боязни отступили назадъ, передъ вопросителями стоитъ несокрушимый свидѣтель совершеннаго надъ нимъ чуда. Пытаются они его, бѣднаго, со всѣхъ сторонъ, укоряютъ его, упоминаютъ имя Моисея, употребляютъ всевозможныя орудія, тѣснятъ его со всѣхъ сторонъ. Сильные, ученые, власть имѣющие, все противъ одного, но все человѣческое оказалось безсильнымъ; наконецъ, досада, злоба взяла верхъ, разразились на него упреками несправедливыми и „выгнали его вонъ“.

Изгнанный за правду, тебя найдетъ теперь Тотъ Самый, который увидѣлъ тебя когда ты Его еще не видѣлъ, и Котораго ты не постыдился. Теперь не скажешь ты больше: гдѣ Онъ—не знаю. Смотри, Онъ стоитъ передъ тобою!

„Иисусъ, нашедши его, сказалъ ему: „ты вѣруешь-ли въ Сына Божія?“ Передъ душой твоей стоитъ Онъ теперь и вопрошаетъ ее: что ты скажешь? Ахъ, ты еще такъ мало знаешь, ты не видишь ясно куда устремить недавно отверзтыя очи, смутно еще твое пониманіе, и на вопросъ ты отвѣчаешь вопро-

ситель: „это сынъ нашъ и онъ родился слѣпымъ“.

мнѣ вѣровать въ Него?“ „Видѣлъ ты Его и Онъ говоритъ съ тобою“, отвѣчаетъ Иисусъ. „Увидѣлъ Его, Перваго, когда Онъ снялъ съ тебя слѣпоту твою, начерталъ себѣ на сердцѣ Его благодѣяніе такъ, что никакія людскія старанія не могли изгладить его, и исповѣдалъ это благодѣяніе, не страшась недоброжелательства человѣческаго. Ты не понималъ ясно, Кто Онъ, не понималъ еще всего, что заключается въ Немъ для тебя, только увидѣлъ Его, и вотъ Онъ опять говоритъ съ тобою, и стучится въ душу твою.“

Что ты скажешь Ему теперь, когда ты знаешь, что Онъ Сынъ Божій? Промедлишь-ли отвѣтомъ, станешь-ли колебаться нерѣшимостью или сомнѣніемъ? Сынъ Божій прождетъ-ли долго, пока ты положишь къ ногамъ Его вѣру и любовь твоего сердца?

Онъ-же сказалъ: „вѣрую Господи!“ и поклонился Ему.

Поклонился Ему, — въ этомъ не одна только вѣра, тщетная, суетная, небрежно исповѣданная холодными устами. Поклонился Ему,—это значитъ вся душа преклонилась въ смиренномъ, безусловномъ подчиненіи, въ полной покорности, сокрушенная величіемъ и любовью Того, Кто стоитъ передъ нею.

Вѣрую Господи! въ этомъ убѣжденіе и исповѣданіе. Поклонился Ему, — это начало цѣлой жизни любви и преданности, начало того свидѣтельства, отъ котораго міръ не можетъ закрыть глаза, хоть онъ и затыкаетъ уши, когда слышитъ исповѣданіе. Душа, преклоненная передъ Господомъ, вся передъ Нимъ сокрушилась, принесла Ему ту единую жертву, которая Ему угодна. Душа, передъ Нимъ преклоненная, Ему во всемъ повинуется, Ему. Одному служить, все Ему предала: „она потеряла себя ради Его и Евангелія“³⁾ и найдетъ себя съ Нимъ въ тотъ день, когда Онъ

³⁾ Марк. 8. 35.

явится во славу „для ожидающихъ Его во спасеніе“⁴⁾.

КРЕСТЬЯНСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Въ избѣ, на самомъ краю деревни, баба стряпала обѣдъ, красивая, рослая женщина, лѣтъ 40.

Вдругъ кто-то застучалъ подъ окошкомъ и дѣтскій голосокъ послышался боязливо: „Тетенька“.

Домна взяла со стола кусокъ хлѣба и, думая, что это нищій подъ окномъ, открыла его и хотѣла подать ему, какъ вдругъ увидала передъ собой хорошенькаго мальчика лѣтъ 11-ти, въ нѣмецкомъ сюртучкѣ, плисовыхъ шароварахъ и новыхъ сапогахъ. Она съ недоумѣніемъ пристально заглядѣлась на него.

— Здравствуйте, тетенька, сказали мальчикъ.

— Ахъ, Сережа, вскричала она вдругъ войди, гудубчикъ, какъ можешь? И она побѣжала къ двери и втянула за руку маленькаго гостя.

— Охъ, родной, не узнала я тебя, говорила она, вѣдь я тебя 6 лѣтъ не видала; только ужъ по глазамъ признала, вѣдь у тебя матери твоей глаза. А что она, отчего не пришла съ тобой?

— Мама... и голосъ ребенка задрожалъ... сегодня недѣля, какъ она скончалась.

— Что ты, какъ это?.. она не могла и спросить толкомъ.

— Тятенька занемогъ горячкой, рассказывалъ мальчикъ, и голосъ бѣдняжки прерывался отъ горя, — два мѣсяца немогъ, да наконецъ померъ. Матушка-то поизмучилась съ нимъ, все, что было, продали, чтобъ доктору платить и лекарства и все для больнаго покупать, а какъ тятя скончался, матушка занемогла сама, хворала, хворала, а въ прошлую субботу позвала меня, говорить: „Сережа, вотъ я

твои вещи всѣ въ узелъ завязала, а больше у меня ничего нѣтъ, кромѣ моего тебѣ благословенія. Когда меня схоронятъ, ты иди къ тетѣ Домнѣ, въ Скудное, она тебя не оставитъ“...

Тутъ мальчикъ не могъ продолжать, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Бѣдный, бѣдный сирота, твердила Домна, глядя его по головкѣ, не оставлю я тебя, моей родной сестры дѣтище, хоть и сама буду голодать, а не оставлю. Да какъ ты пришелъ въ такую даль-то.

— По пути завезли добрые люди тетенька, отвѣчалъ мальчикъ, вытирая слезы платкомъ.

Домна пристально глядѣла на него.

Вотъ, подумала она, и одѣтъ-то совсѣмъ, какъ баричъ, и платочкомъ утирается.

— Ты, чай, голоденъ, касатикъ, покушай, а тамъ отдохнешь.

Посадила она его, поѣлъ мальчикъ, а потомъ она повела его въ другую избу.

— Вотъ, сказала она, тутъ въ зимникѣ мои мальцы спятъ, ложись ты здѣсь и выспись, и, указавъ на сѣнникъ, лежащій на полу, вышла.

Сережа, оставшись одинъ, сѣлъ на сѣнникъ и уперъ свою голову въ руку.

Вспомнилось ему прошлое житіе, какъ росъ онъ у богатыхъ родителей, единственное, балованное дитя; какъ любовались имъ, ласкали его.

Вспомнилъ онъ также, какъ отецъ умеръ, какъ все продавали, все закладывали, какъ бѣдная мать рыдала у гроба мужа, какъ потомъ и она слегла и онъ проводилъ дни и ночи у ея постели. и какъ она больная все глядѣла на него и ласкала его, — и такъ ему стало тошно. Но тутъ вспомнилъ онъ также, какъ, умирая, говорила она ему: жаль мнѣ, сыночекъ, тебя покидать, но не страшно, на Бога я тебя оставляю, Онъ, отецъ сиротъ,

не покинетъ тебя; ты лишь не забывай Его. „Нѣтъ, маменька, не забуду, дорогая моя“, шептала мальчикъ со слезами; тутъ усталая головка опустилась, и онъ заснулъ.

И Домна Власьевна пока сидѣла и думала. Думала она о бѣдномъ Сережѣ, вырастетъ въ холѣ и брошенномъ вдругъ безъ дома, безъ хлѣба, и думала она, какъ бы упротить мужа взять мальчика и воспитывать его, какъ своего. вспомнила она сестру свою, красавицу Машу, какъ любила она своего Сережу. Такъ ей стало жалко его, такъ жалко! Она встала и тихонько вошла въ зимницу. Мальчикъ крѣпко спалъ, сложивши руки; слезы еще не высохли на его щекахъ, Домна заплакала и вышла. Въ сѣняхъ она встрѣтила мужа и упала къ его ногамъ.

— Иванъ, вѣрная я тебѣ была хозяйка, работала, была всегда послушна, никогда не перечила; еще больше буду работать, еще буду покорнѣе, только не откажи.

— Полно, Домна, вставай да говори толкомъ, сказалъ Иванъ Семеновъ, рослый сильный мужикъ.

Она встала, пошла за нимъ въ комнату и рассказала ему, плача, всю судьбу сестры.

Иванъ молча слушалъ; онъ не любилъ словъ попусту терять; потомъ онъ вышелъ, пошелъ въ зимницу, подошелъ къ спящему мальчику и поглядѣлъ на него. Слеза прошибла и его.

— Бѣдный, сказалъ онъ, входя въ избу обратно, балованный былъ, жутко придется ему. Что-жъ, не выгонять же, авось проживемъ какъ-нибудь годъ, сказалъ Иванъ. Богъ поможетъ; вѣдь не даромъ же говорятъ, что сиротки Божьи дѣтки.

Къ вечеру прибѣжали три мальчика съ полнымъ кошевомъ рыбы. Разложили они рыбу на полу и начали, перебирая ее, рассказывать, какъ и кто словилъ какую, когда дверь вдругъ открылась и Сережа вошелъ.

— Вотъ, ребята, вамъ новый

⁴⁾ Евр. 9. 28.

братъ, сказалъ отецъ, вмѣстѣ будете играть, да рыбку удить.

Мальчики поздоровались и съ любопытствомъ оглядывали новаго товарища.

— Поди сюда, братъ Сережа, сказалъ Иванъ, да покажись ты. Домна, ты бы ему Мишину рубашку какую дала бы, вѣдь у насъ по буднямъ онъ не можетъ въ этомъ нарядѣ ходить, не то вѣдь у насъ, что въ городѣ, да у своихъ родителей.

Бѣдный Сережа, да, теперь не то!

Мальчики продолжали перебирать и чистить рыбу. Они мало обращали вниманія на Сережу, и только изрѣдка глядѣли на его нарядное платье.

Не такъ проводилъ Сережа свои вечера до сихъ поръ. По воскресеньямъ, бывало, какъ стемнѣетъ, мать возьметъ большую книгу, ту книгу, въ которой все говорится о Богѣ, вытретъ ее тщательно полотенцемъ, потомъ возьметъ Сережу за руку и пойдетъ съ нимъ въ мастерскую. Тамъ, у лампы, сидѣлъ уже отецъ, а подлѣ него два его подмастерья. Отецъ возьметъ книгу и раскроетъ, а мать крѣпко обнимаетъ Сережу и шепчетъ ему: „Слушай, мое золото“.

И отецъ начнетъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ разсказовъ про Спасителя: какъ Онъ жилъ на землѣ и какъ люди не понимали, что Онъ Сынъ Божій и обижали его, а Онъ все имъ платилъ добромъ за зло, училъ ихъ, ласкалъ дѣтей, исцѣлялъ больныхъ, молился за всѣхъ и наконецъ умеръ за нихъ въ мученіяхъ, чтобы Господь ихъ простилъ и не наказывалъ больше. Тогда Сережа чувствовалъ, что и онъ любитъ Его и хранилъ эти слова въ своемъ сердцѣ. И теперь, бѣдный сирота, сидя на полу съ своими двоюродными братьями, онъ припоминалъ все это.

Послѣ ужина мальчиковъ послали спать.

На полу были разостланы два

сѣнника; на одинъ изъ нихъ легли Сеня и Миша, на другой—Федя съ Сережей. Въ темнотѣ, безъ лучины, вошли они и всѣ трое тотчасъ же бросились на свои постели.

— Сережа, позволь его Федя, гдѣ ты, ложись.

— Сейчасъ, отвѣчалъ мальчикъ тихо, я только помолюсь. И ставъ на колѣни около своего сѣнника, онъ сталъ читать про себя свою вечернюю молитву. Лучъ мѣсяца заглянулъ въ окно, словно чтобы посмотрѣть, что дѣлаютъ тамъ дѣтки. Онъ упалъ прямо на личико молящагося ребенка и освѣтилъ слезу, катившуюся по щекѣ его. Федя внимательно глядѣлъ на него все время.

— Что ты тамъ говорилъ? спросилъ онъ Сережу, когда тотъ легъ подлѣ него.

— Я говорилъ Господу, какъ мнѣ скучно безъ матушки, отвѣчалъ онъ, и чтобы Онъ не оставилъ меня, и научилъ меня всегда любить Его и дѣлать то, что Ему угодно.

— А развѣ Богу можно такъ говорить все, что хочешь, спросилъ Федя.

— Да, сказалъ Сережа, Богъ слышитъ всякую молитву. Ему можно говорить все, что у тебя на сердцѣ, и Онъ все слышитъ.

— Да замолчите-ли вы, закричалъ Сеня сердито, экіе несносные, спать не даютъ.

Мальчики замолкли и скоро заснули, только Федя видѣлъ еще раза два, какъ Сережа вытиралъ слезу рукой.

Дни проходили за днями. Сережа начиналъ привыкать къ новой жизни. Тяжело было ему первое время. Грубая холщевая рубашка замѣнила городской нарядъ, ноги, привычныя къ сапогамъ, болѣли отъ укаловъ камней, теперь, что онъ бѣгалъ босой; бѣдное сердечко часто болѣло; деревенскія дѣти его чуждались, дразнили частенько и обижали.

Но Сережа не отдавалъ имъ зломъ-за-зло. За его кротость любила его тетка Домна, которой подчасъ трудно было справиться съ своими ребятами.

Правда, иной разъ и она поворчитъ, когда Сережа когда нибудь разорветъ рубашку или не дастъ щей за обѣдомъ. Тогда Иванъ всегда останавливалъ ее.

— Молчи, Домна, говорилъ онъ, не упрекай сироту. Помнишь что-ль, что онъ намъ въ Божьемъ Словѣ прочелъ, что кто сироту принимаетъ, самаго Бога съ нимъ принимаетъ.

Вотъ, какъ это случилось. Разъ мальчикъ сидѣлъ вечеркомъ на завалянкѣ и читалъ, когда Иванъ подошелъ.

— Что, малый, дѣлаешь? спросилъ онъ его.

А нутка, ваяй, послушаю я грамотѣ.

— Что-же прочесть вамъ, дяденька?

— А все равно, тамъ дальше гдѣ читалъ.

Мальчикъ началъ, Иванъ внимательно слушалъ его.

„Иисусъ призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ, и сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное.“

Итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ. И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“.

— Стой, стой, сказалъ Иванъ, кого-же это мы принимаемъ?

— Самаго Господа нашего Иисуса Христа, отвѣчалъ Сережа.

— Это, значить, словно мы, вмѣсто сироты, самому Богу приютъ даемъ? спросилъ опять Иванъ.

— Да, дяденька, такъ сказано въ Словѣ Божіемъ.

— Значить, Богъ-то любитъ сиротъ? спросилъ его дядя.

— Да, дяденька, Онъ называетъ Себя отцомъ сиротъ.

— Такъ коли Онъ тебя такъ

любить, отчего же. Онъ тебя обидѣлъ, оставилъ безъ ничего.

— Нѣтъ, я Богомъ не обиженъ, сказалъ мальчикъ, бодро поднимая голову. Онъ бережетъ меня.

Иванъ покачалъ головой.

— Славный парень, сказалъ онъ потомъ Домнѣ, и Слово Божіе какъ знаетъ и все какъ сказать и растолковать умѣетъ.

Съ тѣхъ поръ Иванъ никому не позволялъ при себѣ обижать Сережу. Больше всѣхъ нелюбилъ Сережу старшій братъ Сеня.

Ему отецъ обѣщалъ, къ осени, сшить кумачевую рубаху, плисовые шаровары и купить шапку съ павлиными перьями, а когда пришелъ Сережа, онъ сосчиталъ и сказалъ:

— Ну, Семень, не могу сдержатъ слова, теперь лишній ротъ ѣсть просить.

Сеня не могъ забыть обиды.

Разъ, дѣло было уже къ осени, ребятишки собрались на улицѣ, сговариваясь о чемъ-то:

Тутъ же были и Сеня съ Федей, Сережа подошелъ къ нимъ. Пойдемъ съ нами, Серега, сказалъ одинъ изъ мальчишекъ.

— Куда? спросилъ онъ.

— Въ барскій садъ, что за горой.

— Зачѣмъ?

— Вѣстимо, яблочковъ потаскать.

— Нѣтъ, сказалъ Сережа, я не пойду и вы не ходите, потому что это грѣхъ. Богъ намъ не велитъ ничего чужаго брать.

— Экій вздоръ, сказалъ Сеня, ужъ будто Богу только и дѣла, что глядѣть, не крадутъ ли ребятишки яблочки; о такой малости и хлопотать не стоитъ.

— Онъ все видитъ, отвѣчалъ горячо Сережа, братцы, пожалуйста, бросьте, не ходите, страшно Бога гнѣвить.

— Отстань, нищій, крикнулъ сердито Сеня. Тебя изъ милости держать, а ты еще учишь насъ. Убейся вонъ.

Сережа закрылъ лицо руками и горько заплакавъ, хотѣлъ убѣжать,

когда большой камень, брошенный съ силой, ударился въ его голову и повалилъ его съ ногъ.

Мальчики испуганно разсыпались и только маленькій Федя съ страшнымъ крикомъ бросился звать на помощь.

Иванъ выбѣжалъ изъ избы, поднималъ окровавленнаго мальчика и внесъ его въ домъ. Когда Сережа открылъ глаза, вся семья стояла около него: Домна прикладывала ему тряпки съ холодной водой къ большому ранѣ на лбу, Федя оживленно толковалъ отцу:

— Я знаю, кто это сдѣлалъ, тятя, это нашъ Сеня разсердился, что онъ его не пускалъ красть яблочки въ барскомъ саду.

Иванъ обернулся къ Сенѣ и схватилъ его за воротъ:

— Я тебя научу сироту обижать, закричалъ онъ грозно и могучая его рука уже поднимала ремень, чтобъ ударить сына, когда вдругъ чьи-то руки крѣпко обхватили его сжатый кулакъ. Онъ оглянулся; передъ нимъ, блѣдный, едва держась на ногахъ, стоялъ Сережа.

— Оставь, дяденька, не бей, просилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Что ты, что ты, малый, онъ тебя чуть не убилъ, а ты еще за него просишь? удивился Иванъ.

— Дяденька, прости его.

Рука Ивана опустилась. Ну, братъ Семень, твое счастье, что онъ за тебя просить, а то досталось бы тебѣ.

Сережа, шатаясь, дошелъ до скамьи и тяжело повалился на нее.

Онъ сильно занемогъ; ночью съ нимъ сдѣлался бредъ и не покидалъ его цѣлыхъ двѣ недѣли. Во все это время маленькій Федя усердно ходилъ за нимъ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ около него, перемѣняя мокрыя тряпки на его горячей головѣ.

Сережа въ бреду, то говорилъ съ матерью, какъ будто она жива, то жаловался, что онъ бѣдный, нищій сирота, что онъ для всѣхъ обуза, то призывалъ Бога къ себѣ

на помощь, просилъ Его не оставлять его.

Когда онъ опять очнулся, онъ былъ такъ слабъ, что не могъ стоять на ногахъ. Очень тихо попра-влялся мальчикъ, долгими казались ему часы теперь, особенно когда Федя убѣгалъ играть съ товарищами и онъ оставался одинъ. Но Сережа зналъ, что Господь всегда близокъ къ нему. Когда было скучно и тоскливо, онъ закрывалъ глаза и представлялъ себѣ, что Господь близко подлѣ него стоитъ и говорить ему: „Не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ“. И тогда ему становилось такъ радостно на душѣ, что Федя, подкравшійся потихоньку, чтобъ не разбудить его, разъ спросилъ: Что ты усмѣхаешься?

— Мнѣ хорошо съ Господомъ.

— Расскажи ка про Него, сказалъ ему разъ Федя.

— Хочешь, я выучу тебя читать, тогда ты самъ прочитаешь книгу, въ которой все сказано про Него.

— Ладно, хочу, вскричалъ Федя.

— Пойди, принеси мои книжки, и мы сейчасъ начнемъ.

Федя побѣжалъ и принесъ Сережѣ его маленькій запасъ книгъ: азбуку, Евангеліе и еще двѣ, три книжки. Съ тѣхъ поръ Федя рѣже ходилъ къ товарищамъ на улицу играть въ кости или бабки. Онъ проводилъ время за азбукой, около постели больного, а когда онъ уставалъ, Сережа открывалъ Евангеліе и читалъ ему про Господа: про Его любовь къ дѣтямъ, къ бѣднымъ и больнымъ, про Его мученія и страдальческую смерть за насъ, за наши грѣхи. Иногда и Миша прибѣгалъ слушать. Одинъ Сеня все угрюмо сторонился отъ него и это очень огорчало бѣднаго мальчика; онъ часто молился, чтобъ Господь помирилъ Сеню съ нимъ и старался ему услужить въ чемъ могъ. Сеня молча принималъ услуги, но не хотѣлъ признаться.

Зато на Ивана Семенова крѣпко подѣйствовалъ примѣръ прощенія и кротости сироты.

Разъ, одинъ сосѣдъ, сердитый за что-то на Ивана, пахаль свою сосѣдную съ нимъ полосу, и побросалъ всѣ камни съ своей на его полосу.

Когда Иванъ это увидалъ, онъ крѣпко разсердился; только что онъ со своими тремя мальчиками старательно выбралъ у себя всѣ камни и сложилъ ихъ въ кучу.

— И я же, ему досажу! Онъ оглянулся. Ничего легче не было. Тутъ же на лугу, привязанный, пасся молодой жеребенокъ задорнаго сосѣда.

Жеребенку стоитъ разрѣзать веревку; онъ понесется по чужимъ полямъ, что поѣсть, что перетопчетъ, а Ефимъ-то цѣлый день потеряетъ, бѣгая за нимъ, да еще штрафу сколько заплатитъ.

И вотъ Иванъ Семеновъ уже направился къ лугу, съ топоромъ на плечѣ, чтобъ перерубить веревку жеребенку.

Но вдругъ ему показалось, что чья-то рука остановила его, онъ словно увидалъ черные глаза Сережи и ему послышался голосокъ: „Оставь дяденька, прости его“.

Онъ остановился. — А вѣдь какъ хочется! сказалъ онъ, постоялъ, постоялъ, повертѣлъ топоръ въ рукахъ, потомъ махнулъ рукой, вернулся на свою полосу и началъ собирать камни, переброшенные сосѣдомъ.

Когда онъ вечеромъ вернулся домой, онъ сказалъ Сережѣ:

— Протти-ка мнѣ въ Божьей книгѣ, гдѣ тамъ сказано, что не надо отвѣчать зломъ за зло. Сережа открылъ Евангеліе и прочелъ: „А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“.

Съ тѣхъ поръ Иванъ часто по вечерамъ заставлялъ Сережу читать ему въ Словѣ Божіемъ, а Домна, вымывъ и поставивъ на мѣсто посуду, садилась съ работой и слу-

шала, часто покачивая головой отъ удивленія.

И не зная того, бѣдная сиротка служилъ этимъ Богу. Съ тѣхъ поръ, какъ Домна знала, что даже Господь Иисусъ не погнушался бѣдно жить на землѣ, она старалась не ворчать на свою бѣдность; и ссоръ поубавилось, съ тѣхъ поръ, какъ Сережа прочелъ имъ, какъ люди должны любить другъ друга и прощать обиды. Разъ, однако, въ деревенскій праздникъ, Иванъ вернулся домой нетрезвый, прибилъ жену, разогналъ мальчишекъ и едва, едва уложили его спать. На другой день за обѣдомъ онъ сидѣлъ угрюмый, какъ всѣ люди послѣ вина, и увидалъ, что у Сережи лицо заплаканное.

— Что съ тобой, кто тебя обидѣлъ? спросилъ онъ поспѣшно.

— Никто, дяденька, не обидѣлъ.

— Отчего же ты плачешь? Сережа молчалъ.

— Тебя, дяденька, жаль, сказалъ онъ наконецъ.

— Отчего?

Онъ ничего не отвѣтилъ, но опять горько заплакалъ.

Иванъ понялъ.

— Ужъ будто и такой грѣхъ быть пьянымъ, сказалъ онъ.

— Дяденька, въ Словѣ Божіемъ сказано, что никакой пьяница не войдетъ въ царство небесное.

Иванъ задумался. Послѣ обѣда онъ вышелъ въ сѣни, вынулъ изъ-за пазухи полштофъ, который берегъ для сегодняшняго дня, перевернулъ бутылку и вылилъ всю водку въ солому. Потомъ онъ вернулся въ комнату и сказалъ Сережѣ.

— Молись за меня, парень, чтобъ Богъ мнѣ помогъ не пить водки.

Сережа не только читалъ и училъ Федю. Онъ старался помогать теткѣ Домнѣ въ хозяйствѣ. Ходилъ кормить коровушку и барашка, мылъ посуду, а по вечерамъ онъ легко выучился прясть и довольно хорошо крутилъ нитку.

Когда настала весна, Сережа очень просился нанять его въ подпаски; очень ему хотѣлось, чтобъ люди не звали его больше дармоѣдомъ.

Трудное было житіе для холенаго, балованнаго мальчика: босоногій, въ старомъ, разодранномъ армякѣ, во всякую погоду. часто въ дождь и въ холодъ, выгонять скотину, сидѣть цѣлый день на мокрой землѣ или бѣгать за отстающими баранами. Часто, онъ ложился подъ кустомъ и плакалъ, а потомъ опять вспоминалъ, что Господь Пастырь людей, бережетъ и любитъ ихъ всѣхъ, значить и его, сиротку, лучше даже чѣмъ онъ берегъ слабенькаго ягненочка, который оставалъ отъ стада и котораго ему часто приходилось нести на рукахъ. Ягненочекъ этотъ ужасно привязался къ Сережѣ, и вездѣ бѣгалъ за нимъ, какъ собачка. А Сережа, берегъ для него корку своего хлѣба, собиралъ ему сочные цвѣты и вкусный клеверъ и часто ласкалъ его и цѣловалъ. Когда ягненочекъ лежалъ около него и оба промокнувъ отъ дождя крѣпко жались другъ къ другу, чтобъ согрѣться, Сережа часто думалъ:

Вотъ и я Божій ягненочекъ; мнѣ и холодно, и грустно, а все же Богъ близко, близко, держитъ меня въ Своихъ рукахъ, бережетъ меня и любитъ меня. Ахъ, и я Его люблю!

Такъ проходило время. Мальчики повзросли. Сережа былъ уже высокій, худощавый мальчикъ лѣтъ 16-ти; его руки давно загрубѣли въ крестьянской работѣ, кожа его загорѣла но большіе черные глаза также искренно смотрѣли на всѣхъ.

Почти всѣ въ деревнѣ полюбили добраго, кроткаго, парня.

— Эхъ, славный малый, говорили старики, глядя на него, жаль только, что не посиленѣе да подюжѣе, а малый-то хоть куда!

Кромѣ Феи нашлось еще три, четыре мальчика, желавшіе учиться у него грамотѣ. (Школы не было

въ Скудномъ). Послѣ каждого урока Сережа имѣ читалъ короткіе стихи изъ Евангелія и рассказывалъ имѣ, что зналъ про Спасителя и Его земную жизнь.

Часто въ зимніе вечера, либо по воскреснымъ днямъ, и взрослые мужики собирались кучкой вокругъ Сережи и заставляли его рассказывать. Мальчикъ всегда охотно говорилъ о Спасителѣ, а простые, душевные слова его, какъ доброе сѣмя, падали въ сердца слушающихъ.

Прошелъ еще годъ — годъ выпалъ неурожайный. Къ тому еще, Иванъ Семеновъ сталъ что-то похварывать, и пошли трудныя времена для семейства. Часто тужилъ Иванъ о томъ, какъ прожить зиму.

Крѣпко задумывался Сережа, при этихъ разговорахъ, и все крѣпче.

Разъ, онъ вернулся домой очень поздно и вышелъ въ другую избу, гдѣ Домна развѣшивала пряжу.

— Тетка Домна, сказалъ онъ, пожалуйста ты приготовь мои рубахи и все что тамъ есть, я послѣ завтра ухожу.

— Ты, уходишь? вскричала Домна.

— Да, тетка; дядѣ полегче, онъ можетъ безъ меня обойтись, Сеня съ Мишей справятъ какъ нибудь сѣнокосъ и жатву, Федя уже обѣщалъ замѣнить меня въ пастухахъ, а на заработкахъ я выручу больше денегъ, чѣмъ здѣсь.

— Да куда же ты хочешь идти, спросила Домна, не совсѣмъ ясно понимая.

— Здѣсь ходитъ подрядчикъ, нанимаетъ народу на кирпичный заводъ, отвѣчалъ Сережа.

— Да знаешь-ли ты, касатикъ, что это за работа; тутъ и взрослому мужику едва силъ хватить, не то что тебѣ, парнишкѣ.

— Нѣтъ ужъ, тетка, ты не отговаривай, дѣло сдѣлано, я ужъ нанялся, а вотъ и задатокъ — и онъ передалъ ей десять рублей.

Со слезами обняла его Домна.

— Ну, Богъ съ тобой, голубчикъ, спасибо.

Черезъ два дня Сергѣй распростился съ семьей своего дяди и, закинувъ за спину маленькую котомочку, въ которой были двѣ рубахи, старый кафтанчикъ и Евангеліе, побрелъ своей дорогой.

Всѣ плакали, провожая его.

Даже Семень поцѣловалъ его, на прощаніе.

Кирпичный заводъ, на который нанялся Сергѣй, былъ верстъ за сто отъ Скуднаго, недалеко отъ желѣзной дороги.

Онъ пришелъ туда поздно и на другой же день принялся за работу. Бѣдный мальчикъ, не зналъ онъ, что такъ тяжела будетъ работа! Ему пришлось копать глину.

Часто, часто, когда плечи и спина болѣли мучительно, онъ опускалъ лопату, и едва удерживалъ слезы.

„Матушка, вотъ на что ты, милая, растила и лелѣяла своего сыночка: видишь-ли ты, какъ ему жутко жить?“ И тогда ему слышались слова матери: „Жаль мнѣ, сыночекъ, тебя покидать, но не страшно: на Бога я тебя оставляю;“ мальчикъ встрепететъ и приметъ снава за трудъ.

Разъ день былъ особенно тяжелый, зной стоялъ страшный, глина была особенно жестка, плечи и спина изныли до невыносимаго. Сергѣй усталый тащился домой.

— Что голову понурилъ, крикнулъ ему кто то; онъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой веселое лицо краснощекаго парня лѣтъ 20-ти. Усталъ, братъ, пойдемъ со мной, у меня есть лекарство отъ этого.

Сергѣй молча слѣдовалъ за нимъ, едва понимая, что онъ дѣлаетъ. Молодой работникъ ввелъ его въ какой-то домъ и Сергѣй увидѣлъ передъ собой огромную рюмку. Пей, сказалъ ему тотъ, живо выздоровѣешь.

Съ жадностью схватилъ онъ стаканъ и сразу выпилъ. Словно и правда отлегло.

— Еще, сказалъ Сергѣй, и молодой парень смѣясь налилъ ему второй стаканъ.

— Что братъ, по вкусу пришлось!

— Да, по вкусу. Сергѣй не помнилъ, сколько онъ стакановъ выпилъ, онъ ничего не помнилъ, а когда очнулся, увидѣлъ, что уже полдень давно прошелъ и что онъ лежитъ въ какомъ-то чуланѣ. Тогда только онъ вспомнилъ и сообразилъ, что онъ былъ пьянъ, опрометью пустился бѣжать и очнулся только вблизи артели. Онъ оглянулся, никого не было, всѣ были на работѣ, вошелъ, влѣзъ на свою постель и закрылъ лицо руками. Ему было стыдно, такъ ужасно стыдно и себя и людей! Онъ долго, долго горько плакалъ и молился, чтобъ Господь простилъ его, далъ бы ему силу не впадать больше въ этотъ грѣхъ. На другое утро, еще съ ужасной головною болью, онъ пошелъ на работу.

Товарищи ничего не сказали; имъ — это было дѣло привычное; а староста только вычелъ ему изъ расчетовъ потерянный день.

Бѣдный Сережа, пристыженный, съ больной головой и подбитымъ глазомъ, провелъ тяжелый день въ своей канавѣ; вечеромъ, онъ тащился домой и услышалъ около себя голосъ товарища. — Чтожь, дружище, сегодня твой чередъ угощать. Если бы самъ сатана явился передъ Сергѣемъ, ужасъ его не могъ бы быть сильнѣе. Онъ стремглавъ бросился бѣжать и остановился только у порога часовни, стоявшей въ этой улицѣ, вбѣжалъ въ нее, бросился на колѣни и долго молился. Потомъ онъ всталъ и съ спокойнымъ духомъ, пошелъ домой.

Еще нѣсколько разъ приставалъ къ нему тотъ самый молодой парень, приглашая его повеселиться въ кабацѣ, но Сережа, твердо отказывался: — Нѣтъ, братъ, Христосъ меня не пускаетъ, говорилъ онъ.

Зато, тѣмъ усерднѣе принялся

Сережа за чтеніе Святаго Писанія. Каждое утро онъ открывалъ книгу и прочитывалъ одинъ стихъ, больше онъ не успѣвалъ, и работая въ своей канавѣ, передумывалъ его. По воскресеньямъ, онъ бралъ книгу и долго читалъ, сидя на крылечкѣ своей артели, или гдѣ нибудь въ тѣни развѣсистаго дерева, на мягкой зеленой травѣ. Вскорѣ, вокругъ мальчика, внимательно читающаго, стали собираться любопытные. И правда, развѣ не странно было, что пока другіе, проводили время за рюмкой водки, или игрой въ карты, или шумными пѣснями и болтовней, этотъ мальчикъ сидѣлъ одинъ, надъ этой книжкой. Уже вѣрно тамъ что нибудь очень хорошее въ ней есть.

Товарищи Сергѣя всѣ были неграмотные и никто изъ нихъ не зналъ ничего про Спасителя. Они стали просить Сергѣя почитать имъ. Мальчикъ такъ охотно читалъ про Спасителя, говорилъ съ такою любовью, о Его безконечной любви къ грѣшникамъ, все это было такъ ново для слушателей! Они стали все чаще оставлять рюмку, чтобъ приходиться слушать чтеніе Святаго Писанія, у всякаго въ немъ завелось любимое мѣсто, каждый просилъ Сережу прочесть именно это мѣсто, и такъ проходили воскресные вечера.

Скоро изъ молодыхъ парней нашлось двое, трое, желающихъ самими читать эту чудную книгу, въ которой говорится про все хорошее, что есть на свѣтѣ, и вотъ по воскресеньямъ мы видимъ уже цѣлый маленькій кружокъ вокругъ Сергѣя.

— Вотъ, братцы, говоритъ Сережа; и сказалъ Онъ своимъ ученикамъ, что „Я съ вами до скончанія вѣка“. Итакъ, хоть мы Его и не видимъ, а все-таки Онъ тутъ, съ нами, Онъ глядитъ на насъ, Онъ глядитъ въ насъ, и знаетъ, что тамъ, въ нашемъ сердцѣ, дѣлается.

Вотъ, братцы, какъ подумаешь, что Онъ тутъ же, видитъ тебя, то и ничего дурнаго не сможешь дѣлать.

— Да, возразилъ одинъ парнишка, кабы всегда объ этомъ думать, такъ и слова нехорошаго не выскажешь.

— И рюмка ко рту не пойдетъ, продолжалъ другой.

Время шло быстро, прошло полтора года. Сергѣй деньги свои аккуратно высылалъ дядѣ, оставляя себѣ только ровно достаточно, чтобъ прожить.

Разъ, вечеромъ, возвращаясь съ работы, онъ съ удивленіемъ увидалъ на порогѣ ихъ артели знакомую фигуру.

— Семенъ! вскричалъ онъ, что случилось?

Прямо какъ стоялъ, онъ бухнулся въ ноги брата.

— Сережа, голубчикъ, пособи, родимый, просилъ онъ умильно.

— Что ты, Сеня, встань, встань скорѣй, коль могу, все сдѣлаю; встань только и скажи, въ чемъ дѣло.

Сеня всталъ.

— Дѣло плохо, братъ. Задолжалъ я сосѣду, обѣщалъ въ срокъ отдать, а у самаго ни гроша. Прозить онъ подать на меня и тогда, пожалуй, засадятъ, и стыдъ на всю семью; а дома объ этомъ не знаютъ.

— Сколько? спросилъ Сергѣй.

— 30 рублей!

— Эхъ, братъ, куда ты столько прокутилъ?

— Пропилъ, прогулялъ, Сережа, нечего грѣха таить.

Сергѣй задумался. У него только 10 рублей. Надо будетъ взять денегъ впередъ, а онъ никогда еще этого не дѣлалъ. Крѣпко ему не хотѣлось, да и деньги жаль давать, въ уплату за водку, да нечего дѣлать; молча всталъ, пошелъ и устроилъ. Онъ человѣкъ вѣрный, ему дали, даже не спросили куда и за чѣмъ. Черезъ полчаса онъ принесъ

Семену деньги. Тотъ сидѣлъ понуря голову. Не ожидалъ онъ признаться, что Сергѣй согласится ему помочь.

— Ахъ, Сережа, сказалъ онъ, я вѣдь всю свою жизнь тебя обижалъ, за что же ты меня одолжаешь? Добрая ты душа!

— Не я добрый, Семенъ, а Христосъ мнѣ велѣлъ любить тебя.

— Надо бы и мнѣ про Него вспомнить: дѣло бы лучше пошло, сказалъ Семенъ отъ сердца. Братъ крѣпко обнялись.

Еще полгода и Сергѣй долженъ былъ бросить заводъ. Семенъ женился, Мишу взяли въ солдаты, Федя уже не могъ одинъ справиться съ хозяйствомъ, а дядя работать совсѣмъ не могъ.

Какъ ни жалѣлъ хозяинъ, какъ ни упрашивалъ Сергѣя — но тотъ не согласился оставаться и ушелъ помогать дядѣ.

Теперь, хотя Сергѣй еще очень молодъ, но общество выбрало его старостой. Каждый уважаетъ и любитъ его, и когда у кого есть ссоры, приходятъ къ нему судиться и мириться.

Сергѣй все такой-же слуга Божій и остался.

Благодаря его уговорамъ, общество закрыло кабакъ и вслѣдствіе этого крестьяне съ каждымъ годомъ богатѣютъ, семьи живутъ дружнѣе, мужья не бьютъ своихъ женъ и дѣти не видятъ такого ужаснаго примѣра родителей. По праздникамъ и въ досужное время молодежь любитъ собираться у молодого старосты, который имъ рассказываетъ чудныя дѣла нашего Спасителя на землѣ.

Благодаря ему, въ деревнѣ есть около двадцати парнишекъ грамотныхъ, которые сами читаютъ Святое Писаніе и стараются служить Богу, каждый чѣмъ можетъ.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ЦАРЬ ЕЗЕКІЯ..

ЦАРЬ ЕЗЕКІЯ.

„Дѣлали онъ угодное въ очахъ Господнихъ, во всемъ“; ¹⁾ вотъ что говорится въ Писаніи про этого царя Іудейскаго, Езекию. Еще болѣе того даже сказано. Сказано, что онъ „прилѣпился къ Господу, не отступалъ отъ него, соблюдалъ заповѣди Его... и былъ Господь съ нимъ“.

Но у царя этого, благочестиваго, были враги, и тяжело пришлось ему отъ этихъ враговъ. Царь Ассирійскій, Сеннахиримъ, съ многочисленнымъ войскомъ, выступилъ противъ него, противъ всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ Іудеи, и взялъ ихъ. Военачальникъ Ассирійскій, Рабсакъ, сталъ подступать къ самому Іерусалиму и остановился невдалекѣ отъ города, для переговоровъ. Вышли къ нему посланные отъ царя Езекии, и начальникъ Ассирійскаго войска говоритъ имъ: „Скажите Езекии: такъ говоритъ царь великій, царь Ассирійскій: что это за упованіе, на которое ты уповаешь?... Я думаю, что это одни пустыя слова, а для войны нужны совѣтъ и сила. Итакъ, на кого ты уповаешь? Вступи въ союзъ съ царемъ Ассирійскимъ“.

Потомъ, Рабсакъ воззвалъ, громкимъ голосомъ, къ народу Іудейскому и сказалъ: „слушайте слово царя Ассирійскаго. Такъ говоритъ царь: пусть не обольщаетъ васъ Езекиа, ибо онъ не можетъ спасти васъ. И пусть не обнадеживаетъ васъ Езекиа Господомъ, говоря: „спасетъ насъ Господь“. Не слушайте Езекии. Спасли ли боги народовъ, каждый свою землю, отъ руки царя Ассирійскаго? Такъ **неужели спасетъ Господь Іерусалимъ, отъ руки моей!**“

Народъ молчалъ, въ отвѣтъ на грозную рѣчь; а посланные отъ царя Езекии, съ горестью, съ уныні-

емъ, возвратились, и пересказали ему слова Рабсака.

„Когда услышалъ это царь Езекиа, то онъ разодралъ одежды свои, покрылся вретичемъ и пошелъ въ домъ Господень“. Также послалъ онъ слугъ своихъ къ пророку Божію, Исаи, съ просьбою: „вознеси молитву!“

Пророкъ Исаи послалъ сказать въ отвѣтъ: „такъ говоритъ Господь: не бойся словъ, которыя слышалъ ты“.

Между тѣмъ, царь Ассирійскій въ это время сражался съ другимъ царемъ, а къ Езекии послалъ пословъ съ письмомъ, и въ этомъ письмѣ, вотъ что было сказано:

„Пусть не обманываетъ тебя Богъ твой на котораго ты уповаешь, думая: не будетъ отданъ Іерусалимъ въ руки царя Ассирійскаго. Вотъ, ты слышалъ, что сдѣлалъ царь Ассирійскій со всѣми землями, ты-ли уцѣлѣешь?“

„И взялъ Езекиа письмо изъ руки пословъ, и прочиталъ, его и пошелъ въ домъ Господень, и **развернулъ его Езекиа предъ лицомъ Господнимъ**. И молился Езекиа предъ лицомъ Господнимъ и говорилъ: „Господи Саваоѣ, Боже Израилевъ, сѣдѣющій на Херувимахъ! Ты одинъ Богъ всѣхъ царствъ земли; Ты сотворилъ небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое, и услышь; открой, Господи, очи Твои, и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который посланъ поносить Тебя, Бога живаго. Правда, о Господи, цари Ассирійскіе опустошили всѣ страны и земли ихъ, и побросали боговъ ихъ въ огонь; но это были не боги, а издѣлія рукъ человѣческихъ, дерево и камень, потому и истребили ихъ.“

И нынѣ, Господи, Боже нашъ, спаси насъ отъ руки его, и узнаютъ всѣ царства земли, что Ты Господи, Богъ одинъ! ²⁾

Отвѣтилъ Господь, и послалъ сказать Езекии, черезъ пророка Исаю:

„такъ говоритъ Господь о царѣ Ассирійскомъ: „не войдетъ онъ въ этотъ городъ и не броситъ туда стрѣлы;... по той-же дорогѣ, по которой пришелъ, возвратится.... Я буду охранять городъ сей“.

„И вышелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ Ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ чело-вѣкъ. И встали по утру, и вотъ, все тѣла мертвыя. И отступилъ, и возвратился царь Ассирійскій“.

Развернулъ Езекиа письмо передъ лицомъ Господнимъ; вотъ что представлено на картинѣ нашей. Взялъ изъ руки пословъ, прочиталъ, и прямо—къ Господу. „**Что это за упованіе, на которое ты уповаешь?**“ спрашивалъ непріятель, съ насмѣшкой. „Я думаю, что это одни пустыя слова“.

Ахъ, какъ живо было это упованіе для бѣдной, стѣсненной души! Отъ враговъ—угрозы, свой народъ не въ силахъ бороться, города Іудейскіе взяты, къ самому Іерусалиму уже подступили, беззащитно малое Іудейское царство, положеніе безвыходное; на землѣ все темно и страшно; а на небѣ? На небѣ—„Господь Саваоѣ, Богъ Израилевъ, сѣдѣющій на Херувимахъ!“ Въ этомъ вся отрада и опора. Передъ Нимъ стоитъ онъ преклонившись, развернувъ угрожающее письмо; къ Нему взираютъ очи, къ Нему душа взываетъ изъ глубины своей великой нужды; и Господь спасъ.

Что это за упованіе, твердое, непоколебимое, которымъ живетъ вѣрующая душа? Что это за упованіе? взываетъ лукавый, взываютъ часто и другія люди, стараясь пошатнуть его.

Не постоятъ оно въ тяжкое время, не преодолѣетъ оно всѣ напасти земныя; это все только **пустыя слова**. И въ правду, какъ часто оно такъ бываетъ! Пустыя слова! При малѣйшемъ испытаніи, сердце не только содрогается, не только слабѣетъ, и изнемогаетъ; но оно грѣшитъ: грѣшитъ ропотомъ, невѣріемъ, колебаніемъ, и своимъ

¹⁾ 4 Царствъ 18, 3.

²⁾ Исаи 37, 36.

грѣхомъ другихъ въ соблазнъ вводить.

Еще и другія скорби были у царя Езекии: проливалъ онъ слезы передъ Господомъ. „Какъ журавль, какъ ласточка издавалъ я звуки“, говоритъ онъ, „тосковалъ, какъ голубь, уныло смотрѣли глаза мои къ небу: „Господи, тѣсно мнѣ, спаси меня! Господи, такъ живутъ и во всемъ этомъ жизнь моего духа“, прибавляетъ онъ, „Ты исцѣлишь меня, даруешь мнѣ жизнь. Вотъ во благо была мнѣ сильная горестъ;... и мы, во всѣ дни жизни нашей, со звуками струнъ моихъ, будемъ воспѣвать пѣсни въ домѣ Господнемъ“.

„Во всемъ этомъ жизнь моего духа!“ Всякая скорбь, всякое испытаніе, всякая тѣснота и трудъ, — это жизнь для духа, который этимъ испытаніемъ подымается выше, живетъ сильнѣе, все болѣе и болѣе предается Богу.

Во благо сильная горестъ, которая научаетъ неотступно прилѣпиться къ Господу; и конецъ этой горести — хваление.

„Мы будемъ воспѣвать пѣсни въ домѣ Господнемъ“, хвалить Его будемъ за каждый шагъ самаго труднаго пути, за чудныя Его избавленія, за все то, что заставляло насъ плакать, потому что это-же самое научило насъ и хвалить.

„Во благо мнѣ была сильная горестъ“; во благо мнѣ все, что Ты, Господь, и мнѣ посылаешь; во всемъ этомъ, да будетъ жизнь моего духа!

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ.

Займствовано изъ достовѣрныхъ историческихъ источниковъ ¹⁾.

Дѣло было давно, давно, — лѣтъ сто съ небольшимъ послѣ Рождества Христова. И происходило то, что мы будемъ рассказывать, далеко, на Востокѣ, въ той странѣ,

¹⁾ (Съ англійскаго).

про которую мы читаемъ въ Евангелии, — гдѣ жилъ нашъ Спаситель, когда былъ на землѣ.

Весна наступила; жаркіе, золотистые лучи озаряли холмы Галилейскіе, и ложились на роскошныя поля. Молодая дѣвушка, лѣтъ 15-ти, стояла на порогѣ бѣднаго домика и поглядывала вдаль. Дѣвушка сама была бѣдная, одѣтая въ простое, крестьянское платье, темносинее бумажное, перевязанное чернымъ поясомъ. Она пристально смотрѣла на сосѣднее поле, откуда поджидала домой отца и братьевъ.

Солнце закатилось; и всѣ собрались къ ужину. Отецъ и трое сыновей, поблагодаривъ Бога, сѣли за столъ, а мать, съ дочерью, по еврейскому обычаю, прислуживали имъ. Простая была пища, усерднымъ трудомъ заработанная.

Люди эти были бѣдные крестьяне, и жили они въ маленькомъ Галилейскомъ городѣ Назаретѣ; въ томъ самомъ Назаретѣ, гдѣ выросъ и прожилъ до тридцати-лѣтняго возраста Иисусъ Христосъ. И тогда уже этотъ городокъ доброй славой не пользовался: „изъ Назарета можетъ ли быть что хорошее?“ говорили люди. И теперь было то-же самое. Жилъ тамъ все народъ бѣдный, и прочіе смотрѣли на нихъ съ высока.

Кончала ужинать наша семья, когда дверь растворилась, и въ комнату вошелъ высокій, бѣловласый старецъ. Всѣ встали, чтобы привѣтствовать его.

— „Миръ вамъ“, сказалъ онъ; „и съ тобою миръ“, отвѣтили ему мужскіе голоса.

То былъ Симеонъ епископъ, двоюродный братъ Спасителя нашего, по плоти, извѣстный подъ названіемъ „сродникъ Господень“. Хозяинъ дома, Иосифъ, приходился ему племянникомъ.

Все семейство съ особенной радостью и почтеніемъ приняло гостя. Хозяйка, Иоанна, и дочери ея, Маріанна и Саломія, захлопотали, чтобы какъ можно покойнѣе поса-

дить его. Знали онѣ, какъ много изнурялся старецъ.

— „Поджидали мы тебя, отецъ мой“, сказалъ Иосифъ, „дѣльный день на работѣ все о тебѣ беспокоились; скажи-же, какія извѣстія?“

— „Меня требуютъ на судъ въ городъ Кесарію черезъ недѣлю“, отвѣчалъ старецъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ.

— „Боже мой, неужели?“ вскричали всѣ.

— Да, я долженъ явиться передъ проконсуломъ Аттикомъ, отвѣчать за двойное преступленіе: что я епископъ христіанъ, и что я изъ рода Давидова.

— „Неужели опять гоненія?“, сказала Иоанна, глубоко вздыхая; „что станемъ мы дѣлать?“

— „Тоже, что дѣлаютъ Ангелы Божіи, дочь моя, — мы будемъ стараться исполнять волю Божію на землѣ, такъ какъ она исполняется на небѣ“.

— „Неужели-же безвинно могутъ осудить человѣка?“ спросилъ старшій сынъ Ионафанъ и глаза его засверкали.

— „Жестокіе, несправедливые люди!“ вскричалъ съ негодованіемъ братъ его, Исаакъ.

— „Дѣти“, вмѣшался епископъ, „вспомните, что Господь Одинъ видитъ и начало и конецъ, а мы можемъ только слѣпо Ему повиноваться. Ему угодно было озарить насъ свѣтомъ истины; Его воля, чтобы мы были изъ рода Давидова, который теперь такъ преслѣдуется; будемъ же взирать не на людей, а на Него“.

Всѣ замолчали.

— „Ты одинъ пойдешь въ Кесарію, отецъ?“ спросилъ Иосифъ.

— „Конечно, сынъ мой, зачѣмъ-же мнѣ другихъ подвергать опасности?“

— „Нѣтъ, не пойдешь ты одинъ“, вскричалъ, съ жаромъ, юный, пылкій Исаакъ и съ любовью схватилъ старика за руку. „Въ какую-бы ты опасность ни пошелъ — я пойду съ тобою“.

— „Нѣтъ, Исаакъ“, возразилъ Іосифъ, „не годитесь вы ни тотъ ни другой на это: головы не разумныя, уста не сдержанныя, вы много лишняго наговорите правителю и только повредите нашему отцу. Нѣтъ, ужь если кому идти, такъ пойду съ нимъ я. У меня хоть сердце и кипѣть будетъ, а языкъ сѣмѣть молчать“.

Исаакъ отвернулся, огорченный; Іонафанъ грустно покачалъ головою.

— „Друзья“, сказалъ епископъ, „я никакого спутника съ собой не возьму. Если мнѣ кто-нибудь понадобится, я пошлю за тобой, Іосифъ. Благодарю васъ всѣхъ за любовь, но отпустите меня теперь одного. Я вѣдь буду не одинъ, со мною пойдетъ Тотъ, Кто можетъ избавить своихъ слугъ, если то Ему угодно. Если-же нѣтъ, то пусть рѣшаетъ Самъ Отецъ, всевидящій, за насъ, дѣтей своихъ, еще ничего не видящихъ“.

Никто не отвѣтилъ на эти слова епископа. Онъ сидѣлъ сложа руки, устремивъ темные, впалые глаза вдаль, какъ будто вглядывался во что-то, для другихъ невидимое. Можетъ быть, вспоминалъ онъ дивное, богатое свое прошлое. Слишкомъ сто лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился въ этомъ же городѣ. Жилъ онъ тутъ, юношей, въ родной семьѣ, подъ кровомъ родительскимъ, работалъ вмѣстѣ съ братьями; теперь никого изъ нихъ не осталось. Старшій братъ его, Іаковъ, пережилъ остальныхъ, и поставленъ былъ епископомъ Іерусалимскимъ, но 23 года тому назадъ, его сбросили съ крыла храма и онъ погибъ.

Теперь вотъ уже много лѣтъ какъ Симеонъ—настоятелемъ церкви Іудейской и Галилейской. Іерусалимъ, вскорѣ послѣ убіенія Іакова, разоренъ римскимъ императоромъ, Титомъ*). Городъ, гдѣ кричали: „распни Его, распни Его“, гдѣ убили Сына

Божія—разрушенъ, и сбылось пророчество: „не останется въ тебѣ камня на камнѣ“. Все это пережили Симеонъ; но одно было воспоминаніе, свѣтлое, чудное; всѣхъ другихъ живѣе и дороже: воспоминаніе о томъ небесномъ Сродникѣ его, Который провелъ дѣтство и юношество съ нимъ въ одномъ городѣ, людьми отверженный, братьями своими не признанный, но Богомъ прославленный. И когда Онъ вознесенъ былъ на крестъ, для того, чтобы всѣхъ къ Себѣ привлечь, приковались къ Нему сердца и братьевъ Его по плоти, тѣхъ самыхъ, которые долго не вѣровали въ Него, и теперь они положили за Него душу.

Остался еще одинъ Симеонъ, теперь, и его зовутъ на судъ. Вдругъ голосъ Іосифа прервалъ его размышленія.

„Можетъ быть, это все еще обойдется хорошо“, сказалъ онъ, „помнишь, было время, когда насъ всѣхъ требовали на судъ, но мы, слава Богу, вернулись благополучно. Говорятъ, нынѣшній императоръ не жестокъ“.

— „Да, но правитель его, Аттикъ, очень жестокъ“, возразилъ епископъ, „а вѣдь мы Кесаря самого не увидимъ. Что бы ни было, мы будемъ уповать на Господа, Который посылалъ Ангела Своего заградить уста лвамъ. Римскіе императоры могутъ мѣняться, но Всемогуцій Царь неба и земли все Тотъ-же“.

— „Отецъ, вѣдь не всегда-же заграждаетъ Господь уста лвамъ!“, сказалъ Іонафанъ.

— „Да, не всегда; но вспомни эти слова Господа Іисуса: „нѣкоторыхъ изъ васъ умертвятъ... но и волосъ съ головы вашей не пропадетъ¹⁾. Думаютъ у насъ жизнь отнять, а мы жизнь приобретаемъ, жизнь полную, радостную, безгрѣшную. Та же Рука любящая, всемогущая, неусыпно хранить и всякую скорбь улаживаетъ. Вездѣ милость, во всемъ любовь!“

Симеонъ всталъ, простился съ семействомъ Іосифа и вышелъ.

— „Боюсь я за Симеона“, сказалъ Іосифъ, печально глядя ему въ слѣдъ, „не уцѣлѣтъ ему на этотъ разъ“.

— „Отчего ты такъ думаешь?“ спросила жена съ безпокойствомъ.

— „Будетъ онъ за правду стоять, и ни какія муки его не пошатнутъ. Не пылаго онъ нрава и въ молодости былъ, говорятъ; не то что наши два юноши, — онъ кивнулъ на сыновей. Но затѣ тамъ, гдѣ самыя ярыя уступали, онъ стоялъ крѣпко, какъ камень. И часто такъ бываетъ: кто быстрѣ бѣжитъ въ началѣ, не всегда первый добѣжитъ до конца. Отстанетъ гдѣ-нибудь, на пути, и другіе его опередятъ.“

— „А мы развѣ отстанемъ на пути, отецъ“, — спросилъ меньшей сынокъ, Данииль, и устремилъ на Іосифа большіе глаза, полные вниманія.

— „Богъ дастъ, ты не отстанешь, дитя мое“, отвѣчалъ отецъ; „ты хоть у насъ и тихенькій, а за правду стоять умѣешь. Можетъ быть, и крѣпче другихъ постоишь“.

— „Неужели-же мы не постоимъ?“ спросилъ Исаакъ.

— „Богъ дастъ, постоимъ и мы, другъ мой“, сказалъ Іосифъ, и положилъ руку на голову юноши. „Будемъ только не на себя надѣяться, а на силу Господню“.

— „Маріанна, шептала Саломія старшей сестрѣ своей, когда обѣ уже улеглись на ночь, „что это рассказывали сегодня: будто уже и раньше призывали нашихъ на судъ. Развѣ это было, въ самомъ дѣлѣ?“

— „Было кажется, отвѣчала Маріанна, только уже давно. Іонафанъ говорилъ, что помнить, какая радость была здѣсь, когда отецъ и другіе, послѣ суда, вернулись домой“.

— „Зачѣмъ-же ихъ призывали?“

— „Кесарь услышалъ, что мы вѣруемъ въ Іисуса Христа и называемъ Его Царемъ. Онъ и испугался такъ-же, какъ Иродъ раньше испугался, и приказалъ, чтобы всѣ,

*) См. картину.

¹⁾ Лук. 21. 18.

которые изъ рода Давидова, въ совершенныхъ лѣтахъ, явились передъ нимъ. Призывали тогда и отца Симеона и брата его, Иакова, и другихъ. Кесарь спросилъ: всѣ ли, кромѣ дѣтей, изъ рода Давидова тутъ на лицо. Они сказали: всѣ, больше никого не осталось. Тогда Кесарь спросилъ: много-ли у нихъ имущества? Они отвѣтили: всего 30 полосъ на 4 семейства, и показали Кесарю руки свои, загрузѣлыя въ полевой работѣ.

Тогда онъ спросилъ: какого-же они ждутъ себѣ царства? Отецъ Симеонъ отвѣчалъ, что они ждутъ царства не земнаго, а небеснаго, когда Господь нашъ вернется, къ концу вѣковъ, и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. На это Кесарь засмѣялся и сказалъ правителю:

— „Зачѣмъ ты привелъ ко мнѣ этихъ ничтожныхъ людей? Что мнѣ за дѣло до ихъ толковъ, пусть себѣ копошатся надъ своей землей. А я о такихъ пустякахъ и слышать не хочу“.

Такъ и вернулись наши домой, и съ тѣхъ поръ жили въ покоѣ“.

— „А теперь то что-же будетъ“, спросила Саломія боязливо, и прижалась къ сестрѣ.

— „Я не знаю, Богъ знаетъ“.

— „Да вѣдь ты слышала, что сегодня говорили. Неужели станутъ убивать людей за Имя Христа?“

— „Не знаю я ничего, милая“, отвѣчала старшая, „вѣрно только то, что не случится ничего безъ Воли Божіей. Съ насъ этого и довольно“.

— „А если Его Воля будетъ, чтобы насъ убили? Ахъ, Маріанна, мнѣ еще не хочется умирать“.

— „Теперь не хочется, сестрица моя, а если придется, то Господь дастъ силу. Онъ Самъ содрогался передъ смертью, а когда пришло время, Онъ все за насъ претерпѣлъ. Ты вѣдь любишь Его?“

— „Люблю, люблю“, вскричала меньшая, но развѣ отъ этого лег-

че умереть? Подумай, если вдругъ на меня подымутъ мечъ, какъ мнѣ будетъ страшно“!..

— „Ты будешь глядѣть не на мечъ, а на Господа, отвѣтила Маріанна, обнимая сестру свою. „Подумай, если бы пришлось тебѣ пробѣжать черезъ пыльную дорогу, по жгучему солнцу, а тамъ, вдали— и свѣжая прохлада, и вода ключевая, и отдыхъ; ты бы туда рвалась и не чувствовала палящаго солнца. Впрочемъ, прибавила она, женщинъ, пожалуй, не тронутъ, а вотъ за отца нашего Симеона я боюсь, очень боюсь“... и Маріанна заплакала.

— „Да вѣдь онъ такой старый“, возразила Саломія, „неужели его не пожалѣютъ; онъ и безъ того не долго проживетъ. Поразспросятъ, да и отпустятъ, какъ ты думаешь?“

Маріанна молчала.

Саломія скоро заснула, а для сестры ея сна не было въ эту ночь.

Прошла и эта недѣля, какъ и прочія недѣли. Работали на поляхъ, выгоняли стада на пастбища, исполняли домашнюю работу, а смерть висѣла надъ головой.

Въ воскресный день, вечеромъ, собрались въ домѣ у епископа Симеона, для общей молитвы и для святой вечери, которую заповѣдалъ Христосъ.

Тяжело на сердцѣ было у всѣхъ. Чувствовали они, что не возвратятся къ нимъ болѣе ихъ пастырь, двадцать три года наставлявшій ихъ на пути въ царствіе Божіе. Даже если его и не замучатъ, то какъ выдержать такой старецъ изнурительный, долгій путь!

Моленіе кончилось, всѣ разошлись по своимъ бѣднымъ жилищамъ. Маріанна одна остановилась на пригоркѣ, въ раздумьи, и глядѣла по направленію къ Іерусалиму. Іерусалимъ, теперь разрушенный, разоренный,—одна только развалина осталась; а все таки настанетъ время, когда возсіяетъ

свѣтъ вѣчный надъ „вышнимъ свободнымъ Іерусалимомъ, который есть мать всѣмъ намъ“. ¹⁾

— „Господи, молила она, скоро-ли? Неужели Ты допустишь, чтобы замучили отца Симеона? вѣдь онъ сродникъ Твой и по плоти. Ты его любишь, Ты всѣхъ насъ любишь; Господи, скоро-ли Ты прійдешь, скоро-ли взойдешь Ты, звѣзда свѣтлая, утренняя, надъ темной нашей ночью? Господи, не медли!“

Маріанна протянула руки къ заходящему солнцу, слезы катились изъ глазъ ея, долго стояла она такъ, какъ будто въ ожиданіи, наконецъ, руки ея опустились и она печально повернула домой. Очень темно было вокругъ. Неужели не разверзется небо, неужели не заступится Господь за Симеона?

Римскій правитель Галилеи, Аттикъ, возсѣдалъ на судилищѣ своемъ, въ городѣ Кесаріи. Много разныхъ дѣлъ пришлось ему разбирать, и долгимъ казался ему день. Онъ усталъ отъ жары и напряженія.

— „Все ли, наконецъ?“ спросилъ онъ, съ нетерпѣніемъ.

— „Еще одинъ случай, очень важный“, отвѣтилъ почтительно одинъ изъ подчиненныхъ.

— „Ну, пусть только поскорѣе. Въ чемъ тамъ дѣло?“

— „Нѣкто Симеонъ обвиняется въ томъ, что онъ принадлежитъ къ роду царей Іудейскихъ и стоитъ во главѣ какихъ-то христіанъ“.

— „Вотъ мученіе, вскричалъ раздосадованный Аттикъ, цѣлый день провозишься съ этимъ народомъ, да тутъ еще напоследокъ разбирай всѣ эти Іудейскіе толки! Однако-же, отложить нельзя, придется докладывать объ этомъ Кесарю. Ну, зови его сейчасъ сюда“.

Вошли въ комнату двое: обвинитель, — высокій, широкоплечій

¹⁾ Гал., 26.

римлянинъ, съ мрачнымъ, непріязненнымъ видомъ; и подсудимый—худощавый, почтенный старецъ, съ бѣлыми, какъ лунъ, волосами и благодушнымъ, кроткимъ лицомъ.

Аттикъ взглянулъ на того и на другого.

— „Ну, не знаю, который изъ двухъ больше на преступника похожъ“, пробормоталъ онъ. „Говори обвиненіе“, обратился онъ къ римлянину. Тотъ выступилъ впередъ, поклонился и началъ:

— „Господинъ мой, этого человека зовутъ Симеонъ и онъ теперь живетъ въ Назаретѣ, гдѣ я, по волѣ твоей, состою начальникомъ. Онъ человекъ очень опасный, и стоитъ во главѣ самыхъ вредныхъ людей. Они не только, какъ и прочіе Іудеи, нашимъ богамъ не поклоняются, но еще проповѣдуютъ про какое-то всемірное царство. Царь ихъ былъ когда-то плотникомъ въ Назаретѣ, а потомъ распялъ на крестѣ. Но они все продолжаютъ Ему поклоняться, все толкуютъ о томъ, что царству Его не будетъ конца. Все это, конечно, очень преступно, такъ какъ двухъ царей быть не можетъ, и у насъ одинъ только великій государь — это Кесарь. Поэтому, я и счелъ необходимымъ обратить на это особенное твое вниманіе, и привести преступника къ тебѣ“.

Послѣ этого началась наглая клевета на всѣхъ христіанъ: обвинитель говорилъ, что они вездѣ нарушаютъ порядки, называлъ ихъ негодными тварями, которыхъ надо стереть съ лица земли. Наконецъ, Аттику наскучила длинная рѣчь и онъ обратился прямо къ подсудимому:

— „Поди сюда, старикъ“, сказалъ онъ, „ты хоть вѣрно по годамъ твоимъ нажилъ мудрости и сумѣешь говорить покороче. Ты Симеонъ изъ Назарета? начальникъ какихъ-то сумазбродовъ, которые называются христіанами? И ты, кромѣ того, изъ рода Давидова?“

— „Да“.

— „Очень жаль; ты видишь тутъ жертвенникъ“.

— „Вижу“.

— „Возьми горсть изъ этого ящика, брось на жертвенникъ и поклонись нашимъ богамъ“.

— „Нѣтъ, я этого сдѣлать не могу“.

— „Почему-же нѣтъ? Что-же тутъ такого?“

— „Я вѣрую во единого, истиннаго Бога и поклоняюсь Ему одному“.

— „Вотъ безумецъ? По моему, чему угодно лучше поклониться, чѣмъ жизнь потерять“.

— „Лучше отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ Бога“, спокойно отвѣтилъ старецъ.

— „Что-же это за царь, про котораго вы толкуете“, спросилъ съ любопытствомъ Аттикъ, „какойнибудь другой Кесарь?“

— „Нѣтъ, Онъ Господь Вседержитель неба и земли, Его царство не отъ міра сего, оно небесное и вѣчное“.

Правитель размѣлся.

— „Вотъ несчастные люди! Царь у васъ распятый, царство невидимое, есть тутъ о чемъ хлопотать!.. А еще жара тутъ такая, что и самъ съума сойдешь, прежде чѣмъ съ вами дѣло покончишь. Ну, не упрямясь, старикъ, дѣлай, что я тебѣ приказываю“.

— „Нѣтъ, не могу“, отвѣчалъ Симеонъ рѣшительно.

— „Ну, такъ отведите его въ темницу и накажите его, а завтра опять приведите его ко мнѣ. Теперь пора мнѣ на покой“.

Аттикъ отправился отдыхать а Симеона повели на истязаніе.

Темно было; ворота города Кесаріи уже закрылись на ночь, какъ вдругъ, сквозь небольшое отверстіе, оставленное для сторожа, проскользнулъ бѣдно одѣтый, худощавый юноша и торопливо спросилъ:

— „Скажи, не знаешь-ли, гдѣ тутъ живетъ Елеазаръ, чеботарь, мнѣ до него дѣло есть“.

— „А вотъ, ступай по этой-же улицѣ все прямо, до самой синагоги, отвѣчалъ сторожъ, а тамъ за угломъ, вторая дверь и будетъ его“.

Черезъ нѣсколько минутъ, юноша дошелъ до указанной двери и очутился въ маленькой мастерской, гдѣ за работой сидѣли двое; по видимому, отецъ и сынъ.

— „Кто ты, съ чѣмъ пришелъ?“ спросилъ старшій, увидавъ незнакомца.

— „Я Ионафанъ, сынъ Іосифа изъ Назарета, посланъ къ тебѣ, настоятелю здѣшней церкви, узнать, что случилось съ Симеономъ, епископомъ нашимъ“.

Елеазаръ покачалъ головой такъ печально, что Ионафанъ вскрикнулъ:

— „Трудно пришлось ему, отцу нашему?“

— „Трудно для тѣла, сынъ мой. Для души не трудно быть у преддверія Царствія Божія“.

— „Что же они съ нимъ сдѣлали?“

— „Истязали его каждый день, такъ что онъ ужъ теперь едва дышетъ; проконсулъ и то дивится, что онъ еще живъ. Говорятъ, его завтра опять будутъ терзать послѣдній разъ, и если онъ все-таки не сдастся, тогда...“

— „Тогда что?..“

— „Тогда его распнутъ на крестѣ“.

— „Немного останется и распинать“, горестно прибавилъ сынъ Елеазара, Маркъ.

— „А тогда уже“, продолжалъ Елеазаръ тихо и торжественно, „тогда уже ничего болѣе съ нимъ сдѣлать не могутъ“³⁾.

— „Господи, Господи, когда-же Ты избавишь!“ воскликнулъ Ионафанъ.

— „Терпѣніе, дитя, терпѣніе нужно намъ; сперва страданіе — потомъ слава. Знаешь-ли, что и мы всѣ скоро за Симеономъ пойдемъ“.

³⁾ Лук. 12. 4.

— Какъ?

— „Отъ Кесаря вышло повелѣніе, чтобы, послѣ смерти Симеона, розыскать и умертвить всѣхъ потомковъ Давида, исповѣдующихъ вѣру Христову“.

— „Неужели даже женщинъ и дѣтей?“

— „Да, всѣхъ безъ исключенія“. Елеазаръ говорилъ совершенно спокойно, на лицѣ его не выражалось ни малѣйшей тревоги. Что же это за человекъ?... Вѣдь и у него жена и дѣти. Неужели у него сердце каменное? Нѣтъ, оно не каменное, оно нераздѣльно, безмолвно предано Господу.

На лицѣ Ионафана выразился ужасъ. Онъ стоялъ сложа руки, какъ-бы вдумываясь въ то, что было сказано, потомъ вдругъ вскричалъ: „отецъ мой, матушка, братья мои, Маріанна, Саломія, неужели даже Саломію не пожалѣютъ? Ахъ, это ужасно!“

Елеазаръ всталъ и, положивъ руку на плечо юноши, съ жалостью посмотрѣлъ на него.

— „Сынъ мой“, сказалъ онъ, „Тотъ, Который положилъ за насъ свою жизнь, теперь требуетъ отъ насъ краткой нашей жизни земной. Неужели мы станемъ роптать? Не все-ли равно, какимъ путемъ призываетъ насъ Господь; вѣдь Онъ призываетъ насъ къ Себѣ: всю семью разомъ, неразлучно, черезъ краткое страданіе, въ вѣчное блаженство! Подумай, какая милость Его!...“

Лицо юноши просвѣтлѣло: душа его отозвалась на слова Елеазара.

— „Могу я переночевать у тебя?“ спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— „Конечно, сынъ мой, и завтра узнаемъ, что случилось съ нашимъ старцемъ. Во всякомъ случаѣ, будетъ только то, что назначила рука Божія. Его царство, Его сила, Ему будетъ и слава“.

Снова возсѣдалъ правитель Галилеи на судѣ, и снова предсталъ предъ нимъ Симеонъ изъ Назарета. Но это былъ уже не тотъ велича-

вый старецъ, который нѣсколько дней до того, твердою поступью вошелъ въ преторію. Теперь туда внесли и положили передъ судилищемъ деревянные носилки и на нихъ распростерто было избитое, истерзанное тѣло, въ которомъ, казалось, не было больше и признака жизни.

Правитель Аттикъ пожалъ плечами и взглянулъ на свою жертву съ пренебреженіемъ и недоумѣніемъ.

— „Что-же, сдался преступникъ?“ спросилъ онъ.

Прежде чѣмъ кто нибудь другой успѣлъ отвѣтить, голосъ самого Симеона твердо, ясно сказалъ:

— „Нѣтъ“.

— „Не хочешь принести жертву богамъ?“ обратился къ нему Аттикъ.

— „Не могу отречься отъ моего Господа“.

— „Что-же твой Господь для тебя сдѣлалъ?“ спросилъ правитель съ усмѣшкой.

Симеонъ съ трудомъ приподнялся на своемъ окровавленномъ ложѣ.

— „Онъ умеръ за меня“, сказалъ онъ и радостный лучъ озарилъ страдальческое лицо, „Онъ искупилъ меня честною Своею кровію, Онъ уготовалъ мнѣ мѣсто въ Своемъ царствіи на вѣки“.

Голова его снова опустилась въ изнеможеніи.

— „Безумецъ, воскликнулъ Аттикъ, ну, пожалѣлъ бы я твоихъ сѣдыхъ волосъ, но ты самъ себя казнишь: продолжаешь упорствовать, и мнѣ остается только исполнить мою обязанность“.

— „Исполняй ее“, отвѣтилъ слабый голосъ мученика, „отъ смерти души меня Господь уже избавилъ, а смерти тѣла я не боюсь“.

— „Нечего дѣлать, сказалъ правитель, унесите преступника и распните его“.

Вынесли носилки изъ преторіи прямо за городъ, къ возвышенному мѣсту надъ моремъ. Солнце было уже на закатѣ, вечерніе лучи его упали на темный высокій крестъ;

къ этому кресту веревками привязанъ былъ умирающій старецъ.

Мученіе длилось не долго. Тѣло было такъ изнурено, что избавленіе пришло скоро. Вдали стоялъ Ионафанъ, устремивъ глаза на этотъ крестъ. Стоялъ и смотрѣлъ, не трогаясь съ мѣста, пока увидалъ, что римскіе воины пришли снять тѣло со креста.

Тогда онъ, заглушая рыданія, пошелъ прочь. Не о Симеонѣ только горевалъ онъ; Симеонъ вошелъ въ покой на вѣки и разлука съ нимъ не на долго. Но теперь Ионафану надо идти домой и свой крестъ на плечи подымать. Отецъ Симеонъ путь проложилъ; и другимъ юнымъ, едва только начавшимъ жизнь, надо на этотъ же крестный путь вступить. Не пожалѣли сѣдовласаго старца, не пожалѣютъ ни юношей, ни дѣтей. Но этотъ крестный путь озаренъ стопами Самаго Господа: „Я есмь путь“, сказалъ Божественный Крестоносецъ; не страшно-же вступить на него даже и младенцу. Такъ раздумывалъ Ионафанъ, идя по дорогѣ къ Назарету, и прежде, чѣмъ онъ дошелъ до дому, онъ мысленно предавалъ и родителей своихъ и братьевъ, и любимую меньшую сестру Саломію въ руки Спасителя, и былъ спокоенъ.

Нѣсколько недѣль спустя, хижина Іосифа Назаретскаго и еще цѣлый рядъ другихъ хижинъ стояли пустыя. Солнце сіяло надъ ними, роскошныя поля по прежнему колыхались вокругъ, а живыхъ голосовъ не слышно было.

Весь родъ Давидовъ, исповѣдующій имя Христа, былъ истребленъ. Такъ думали мучители, умерщвляя сродниковъ Христовыхъ. Не знали они словъ пророческихъ: „Господу угодно было поразить Его;... когда же душа Его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное“⁴⁾.

⁴⁾ Исаія 53.

Христосъ, Сынъ Божій и Сынъ Давидовъ, крестнымъ подвигомъ Своимъ, приобрѣлъ себѣ это потомство и можетъ-ли сила человѣческая или вражья уничтожить его? Онъ даровалъ этому потомству жизнь безконечную и можетъ-ли кто-нибудь, изъ груди у нихъ, эту жизнь вырвать? Но все это сокрыто было отъ слѣпыхъ очей враговъ Христовыхъ! Много безвинной крови пролилось. Они не знали, что эта самая кровь, какъ дождемъ, ороситъ землю и возраститъ на ней множество духовныхъ чадъ Давиду. Думали зарыть зерно пшеничное и спрятать его навсегда; и оно, падши въ землю, умерло, но принесло много, много плода.

Но все это было сокрыто отъ глазъ ихъ!

Крестный путь и намъ открытъ, тотъ самый путь, который указалъ Христосъ, говоря: „если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“⁵⁾.

Онъ Самъ шелъ по этому пути, предавъ душу Свою, и сказалъ, что кто этого пути чуждается, тотъ недостойнъ быть Его ученикомъ. Многіе услышали гласъ Его и возрадовались: все оставили и пошли за Нимъ, благодаря Его за всякое поношеніе, которое приняли во имя Его.

А мы? Именуясь Его именемъ, чуждаемся-ли Его пути? Умирать теперь за Него не приходится, поэтому и жить, думаемъ, для Него не надо; висѣть на крестѣ

не приходится, зачѣмъ-же и нести его, слѣдуя за Христомъ? Путь крестный суровъ, на него вступить страшно!

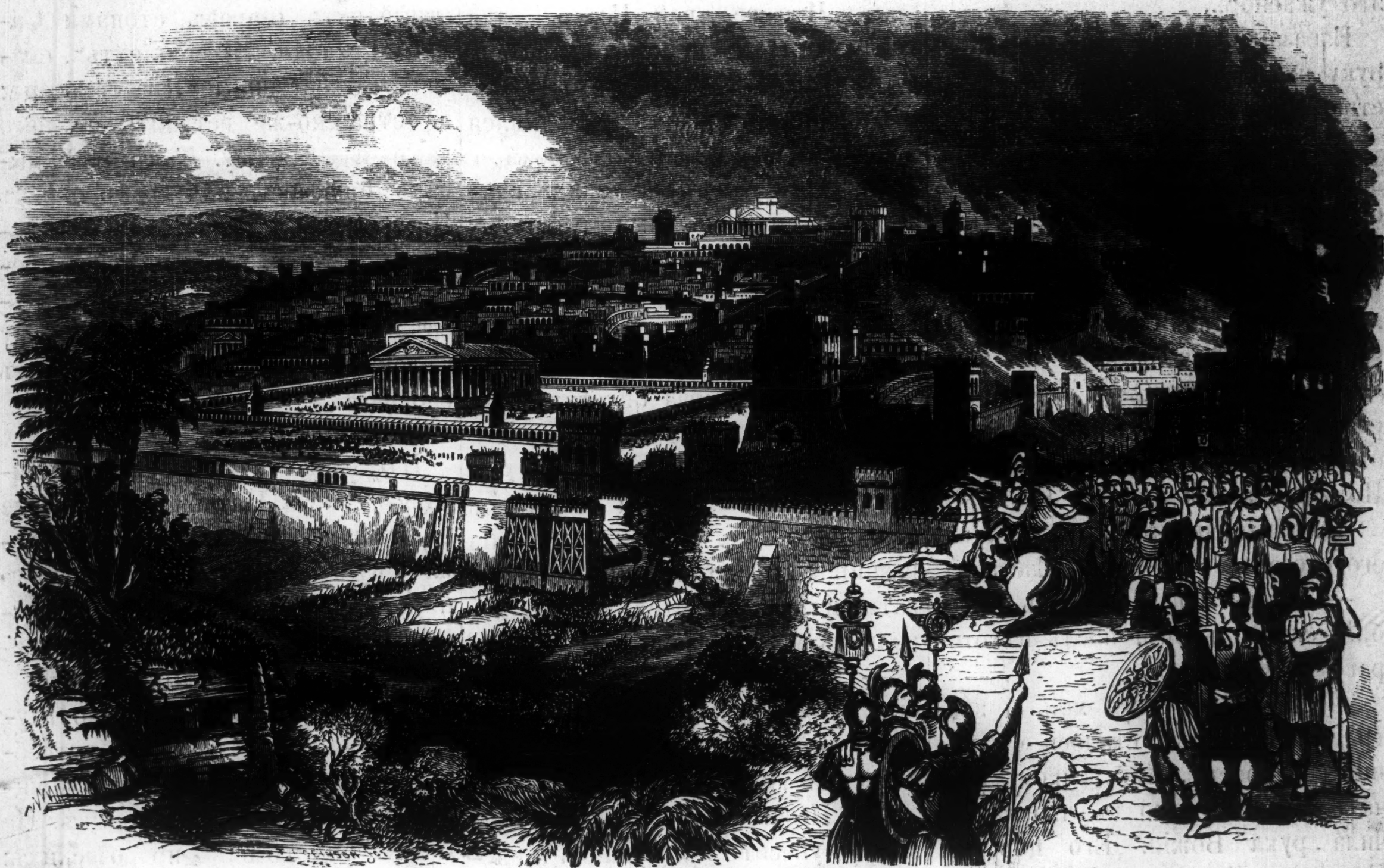
„Помыслите о Претерпѣвшемъ“⁶⁾. Тогда увидите, что весь путь любовію озаренъ; возлюбите Путеводителя, возлюбите и путь Его; и чѣмъ дальше, тѣмъ путь свѣтлѣе, тѣмъ крѣпче Любовь.

⁶⁾ Евр. 12. з.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Тетрадей за прошлые года по 20 коп. въ редакціи больше не имѣется.

⁵⁾ Матѣ. 16. 24.

ОСАДА ІЕРУСАЛИМА.

(70- лѣтъ послѣ Рождества Христова).

„когда-же увидите Іерусалимъ, окруженный войсками, знайте, что приблизилось запустѣніе его“.

(Еванг. Луки, глава 21. ст. 20).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ІОСИФЪ.

Братья бросаютъ его въ ровъ.

ІОСИФЪ.

(Бытія глава 37—50).

Іосифа, любимого сына Іакова, отъ любимой жены его Рахили, какъ ненавидѣли братья его! Не жаль имъ было отрока невинного погубить, не жаль было разбить отцовское сердце! Отецъ престарѣлый, принявшій много печали и тревоги въ жизни своей, „любилъ Іосифа болѣе всѣхъ сыновей своихъ“. Оглядываясь назадъ, на прошлые годы свои, онъ называлъ ихъ „несчастными“, ибо много пережилъ онъ страха и тоски, но въ этомъ сынѣ была радость очей его и сердца его.

И возгорѣлась на него горькая зависть старшихъ братьевъ, замыслили они убить его и, наконецъ, порѣшили бросить его въ ровъ въ пустынь. Схватили юношу, сбросили съ него одежду разноцвѣтную, знакъ любви отцовской и бросили его въ ровъ. Но тутъ, проѣзжали мимо купцы чужестранные, и братья тогда „вытащили Іосифа изъ рва. и продали его Измаильтянамъ за

двадцать серебрянниковъ, а они отвели Іосифа въ Египетъ“.

Братья продаютъ Іосифа въ Египетъ.

Какъ теперь показаться отцу на глаза! Испачкали разноцвѣтную одежду въ крови заколотого козла и, съ обманомъ, пришли къ Іакову. „Хищный звѣрь съѣлъ его“!... воскликнулъ старецъ и разорвалъ одежды свои.

Безутѣшна стала скорбь его, „со-

брались всѣ, чтобы утѣшить его“, говоритъ намъ Писаніе, „но онъ не хотѣлъ утѣшиться“.

Сыновья Іакова приносятъ ему окровавленную одежду Іосифа.

А юноша, отведенный чужими людьми въ чужую страну, что случилось съ нимъ? „Былъ Господь съ Іосифомъ“, сказано намъ; одинокій, беззащитный, неопытный, онъ былъ

Богомъ хранимый, и окружающіе его увидѣли, что „всему, что онъ дѣлаетъ, Господь, въ рукахъ его, даетъ успѣхъ“. Сколько пытались люди соблазнить его: сначала осыпали его клеветой, потомъ, когда увидали необычайную мудрость его, осыпали его похвалами, почестями, но сердце его было твердо передъ Богомъ; ни клевета, ни похвала не могли его пошатнуть.

Напрасныя обвиненія, преслѣдованія, тюремное заключеніе не могли отнять у него бодрости духа и упованія, а когда настало время почета, когда царь поставилъ его надъ всей землей египетской и сказалъ ему: „нѣтъ столь разумнаго и мудраго, какъ ты“, все это не вывело его изъ смиреннаго сознанія, что сила не его, а Божія. „Это не мое“, сказалъ онъ Фараону, и царь призналъ, что въ этомъ человѣкѣ обитаетъ „Духъ Божій“.

Иосифъ приведенъ передъ царемъ Египетскимъ.

Жилъ онъ въ довольствѣ, въ полномъ земномъ благополучіи и второго сына своего назвалъ Ефремомъ, что значитъ „Богъ сдѣлалъ меня плодотивымъ въ землѣ страданія моего“. Все-таки же, это была земля страданія, которое принесло свой плодъ, но не могло быть забыто; земля изгнанія, съ которой онъ, какъ листокъ, отор-

ванный отъ роднаго стебля, долго не могъ свыкнуться.

Насталъ голодъ въ землѣ египетской и въ землѣ Ханаанской, гдѣ обиталъ Іаковъ съ сыновьями своими. Благодаря мудрости Іосифа, въ землѣ Египетской накопились большіе запасы хлѣба на голодное время, и когда настала нужда, онъ „отворилъ всѣ житницы свои и продавалъ хлѣбъ египтянамъ!“ А престарѣлый Іаковъ и сыновья его голодали.

„Пойдите въ Египетъ за хлѣбомъ“, посылаетъ онъ ихъ; младшаго Веніамина съ ними не отпускаетъ, а старшіе отправляются въ путь. Приходятъ въ Египетъ, являются передъ Іосифомъ, кланяясь ему до земли и не узнаютъ его.

Братья поклоняются Іосифу въ Египтѣ.

Онъ же узналъ ихъ, но не открылся имъ. „Приведите младшаго брата вашего ко мнѣ“, сталъ онъ требовать, одного изъ нихъ задержалъ, а прочихъ, надѣливъ хлѣбомъ, отпустилъ домой. Но испугались они, услышавъ, что онъ требуетъ младшаго, и говорили другъ другу: „точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего, мы видѣли страданія души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали, зато и постигло насъ горе сіе“. Думали они, что Іосифъ не понимаетъ рѣчи

ихъ, а онъ все понялъ и „отошелъ отъ нихъ и заплакалъ“. Остался Симеонъ въ плѣну, а прочіе вернулись домой и стали просить отца отпустить меньшаго.

Но нѣтъ, не соглашается онъ, вся душа возстаетъ противъ этого.

„Все это на меня, восклицаетъ онъ съ горестью, не пойдетъ сынъ мой съ вами, потому что братъ его умеръ и онъ одинъ остался. Если случится съ нимъ несчастіе..., то сведете вы сѣдину мою съ печалью во гробъ“.

А голодъ все усиливался.

И Симеонъ ждалъ въ плѣну и Іосифъ ждалъ! Наконецъ, стало нестерпимо, и опять собрались братья въ Египетъ, опять стали просить отпустить младшаго. Одинъ изъ нихъ, Іуда, поручился за него передъ отцемъ жизнью своею и, нечего дѣлать, отпустилъ отецъ и смирился душой передъ этимъ испытаніемъ. „Мнѣ если уже быть бездѣтнымъ, то пусть буду бездѣтнымъ, сказалъ онъ“. Между тѣмъ, онъ повелѣлъ имъ взять съ собою разные дары въ приношеніе египетскому правителю: плодовъ земли, бальзама, меду, орѣховъ и серебра,—можетъ быть, смилуется онъ и отпуститъ Симеона и Веніамина.

Опять явились братья передъ Іосифомъ, принесли ему дары и серебро, Іосифъ вывелъ къ нимъ Симеона и пригласилъ ихъ въ полдень съ собою обѣдать.

„Здоровъ ли отецъ вашъ старецъ?“ спросилъ онъ. И увидѣвъ Веніамина, брата своего, сказалъ ему: „да будетъ милость Божія съ тобою“.

Тутъ удалился Іосифъ, „потому что воспіяла любовь къ брату его и онъ готовъ былъ заплакать и вышелъ во внутреннюю комнату и заплакалъ тамъ“.

Послѣ обѣда, онъ снова отпустилъ ихъ домой, надѣливъ хлѣбомъ, повелѣвъ вложить обратно серебро въ мѣшки ихъ и, кромѣ того, въ мѣшокъ младшаго вложить чашу его, изъ которой онъ пилъ. Недалеко еще отошли и вотъ,

гонятся за ними: чаша Іосифа пропала, обыскиваютъ всѣхъ, находятъ ее въ мѣшкѣ у Веніамина.

„У кого найдется чаша, тотъ будетъ мнѣ рабомъ“, послалъ имъ сказать Іосифъ и вотъ, идутъ всѣ обратно въ тяжеломъ смущеніи.

Что дѣлать имъ, какъ вернуться къ отцу безъ младшаго!

„Господинъ мой, молитъ Іуда, мы сказали тебѣ: отрокъ не можетъ оставить отца своего и если онъ оставитъ отца своего, то сей умретъ. Сказалъ намъ отецъ нашъ: одинъ ушелъ отъ меня, вѣрно онъ растерзанъ и я не видалъ его донынѣ, если и сего возьмете отъ глазъ моихъ и случится съ нимъ несчастіе, то сведете вы сѣдину мою съ горестью во гробъ.“

Теперь, если я приду къ нему и не будетъ съ нами отрока, съ душою котораго связана душа его, то онъ умретъ. Притомъ, я, рабъ твой, взялся отвѣчать за отрока отцу моему и такъ, пусть я, вмѣсто отрока, останусь, а отрокъ пусть идетъ съ братьями своими.“

Замолчалъ Іуда въ трепетномъ ожиданіи.

Вдругъ Іосифъ, не въ силахъ удержаться долѣе, зарыдалъ, и велѣлъ всѣмъ Египтянамъ выйти изъ комнаты.

„Я Іосифъ, сказалъ онъ, обращаюсь къ братьямъ. Живъ-ли еще отецъ мой?“

Братья стояли пораженные и не могли выговорить ни слова.

„Подойдите ко мнѣ“, сказалъ Іосифъ.

Они подошли.

„Я Іосифъ, братъ вашъ, повторилъ онъ, братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ, но теперь не жалѣйте о томъ, потому что Богъ послалъ меня передъ вами для сохраненія вашей жизни. Идите скорѣй къ отцу моему и скажите ему: такъ говоритъ сынъ твой Іосифъ: приди ко мнѣ, не медли.“

Онъ палъ на шею Веніамину и оба долго плакали, потомъ цѣловали всѣхъ братьевъ своихъ и об-

нимали ихъ, и плакали, и долгъ съ ними говорилъ.

Узналъ объ этомъ царь Египетскій и повелѣлъ надѣлать братьевъ Іосифа разными подарками, повелѣлъ имъ взять колесницы, чтобы привести въ Египетъ отца и все семейство.

Отпустилъ Іосифъ братьевъ своихъ и сказалъ имъ: „не ссорьтесь на дорогѣ“. Да, не ссорьтесь, братья, когда вамъ Господь такую милость явилъ, васъ такъ щедро и незаслуженно надѣлилъ. Не ссорьтесь, когда сердца ваши должны быть такъ смягчены любовью и прощеніемъ вашего брата; не ссорьтесь, вспоминая, до какого преступленія довела васъ вражда. Богъ спасъ Іосифа отъ жестокой руки вашей и возвысилъ его и васъ-же чрезъ него благословилъ, и сохранилъ отъ голода. Благодарите-же Его и не ссорьтесь на дорогѣ.

Отецъ, оставшійся одинокимъ, повѣришь-ли ты чудной вѣсти, которую несутъ тебѣ изъ Египта? Могъ-ли ты подумать, когда сокрушался надъ разлукой съ Веніаминомъ, что эта разлука приведетъ тебя къ свиданію съ возлюбленнымъ Іосифомъ, что эта разлука возвратитъ тебѣ обоихъ! Ты этого не думалъ и сказалъ про Іосифа: его нѣтъ! и не переставалъ горевать о немъ, а рука Божія тебѣ его сберегла и готовитъ тебѣ радость невыразимую. Но ты этого еще не знаешь!

Пришли братья домой—„Іосифъ живъ!“ говорятъ они отцу „и теперь властвуетъ надъ всей землей Египетской“. Но сердце его смутилось и онъ не повѣрилъ имъ. Тогда они стали пересказывать ему все, что говорилъ Іосифъ, показавъ ему колесницы, которыя послалъ Іосифъ, чтобы везти его къ нему и, наконецъ, онъ повѣрилъ. „Ожилъ духъ Іакова и сказалъ онъ: довольно, еще живъ сынъ мой Іосифъ, пойду и увижу его, пока не умру“. Пойду и увижу его! Но прежде онъ принесетъ жертву бла-

годарности Богу своему и получить отъ него благословеніе на путь.

Въ скорби Богомъ утѣшался, въ радости къ Богу съ хвалой идетъ.

И сказалъ ему Богъ: „не бойся идти въ Египетъ, Я пойду съ тобою“.

Отправился Іаковъ въ путь со всѣми дѣтьми и внуками, а Іосифъ запрегъ колесницу и выѣхалъ на встрѣчу къ отцу своему.

Какъ не терпѣлось обоимъ! Въ Гесемѣ встрѣтились. Іосифъ, „увидѣвъ его, палъ на шею его и долго плакалъ на шеѣ его, и сказалъ отецъ Іосифу: умру я теперь, увидѣвъ лицо твое“.

Встрѣча Іосифа съ отцемъ.

Еще семнадцать лѣтъ прожилъ Іаковъ въ землѣ Египетской и Іосифъ закрылъ ему глаза.

„Вѣрою Іаковъ, умирая, благословилъ cadaго сына Іосифа... Вѣрою Іосифъ, при кончинѣ, напоминалъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ¹⁾. „Я умираю“, сказалъ онъ братьямъ своимъ, „но Богъ посѣтитъ васъ и выведетъ васъ изъ земли сей въ землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Іакову“.

Переселенный въ Египетъ, онъ душою преданъ былъ землѣ обѣтованной, тому наслѣдію, которое Богъ уготовалъ для народа своего; онъ вѣрою зналъ, что жителство въ чужой сторонѣ только времен-

ное, что настанетъ время, когда Господь выведетъ народъ свой изъ чужбины и приведетъ его домой.

И для народа Израильскаго пришелъ тотъ часъ, когда послѣ долгаго странствованія, они съ ликованиемъ и торжествомъ вступили на почву, Богомъ данной родины.

ВАСЯ.

Звали его Васей. Круглолицый, кудрявый мальчикъ, съ добрыми ясными глазками. Сталъ онъ ходить въ бесплатную школу, гдѣ я занималась и тутъ я съ нимъ и познакомилась. Маль былъ Вася ростомъ, такъ что на видъ ему можно было дать не 8, а 6 лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно и пришелъ первый разъ въ школу въ холодный, морозный день, такъ что ручки совсѣмъ посинѣли, и ноги вѣрно застыли въ разорванныхъ сапогахъ, а глаза смотрѣли ласково, привѣтливо, и полюбила я Васю съ перваго раза. Другія дѣти, такія-же бѣдныя, бывали, сначала въ особенности, какія-то дикія, угрюмыя, грубыя, точно нужда и суровая жизнь уже подавили ихъ. Вася-же нѣтъ. Онъ держалъ головку прямо, и съ довѣріемъ смотрѣлъ прямо въ глаза. Читатъ по складамъ онъ уже умѣлъ, хотя плохо, и научился, самъ не зная—какъ. Помню я первый нашъ урокъ:—онъ сидѣлъ такъ смирно, слушалъ внимательно и такъ радъ былъ, когда могъ на какой-нибудь вопросъ отвѣтить. Повторяли у меня мальчики таблицу умноженія и все шло хорошо, пока дошли до дважды девять. Тутъ молчаніе. Никто не знаетъ, сколько будетъ дважды девять. Всѣ задумались, что-то шепчутъ про себя, а громко выговорить никто не рѣшается.

— Что-же, дѣти, сказала я, неужели мы такъ и не узнаемъ, сколько будетъ дважды девять? Сосчитайте-ка по пальцамъ.

Быстро задвигались всѣ пальцы, но все таки напрасно, вдругъ, чья-то рука поднялась, это была Васина.

Я удивилась, такъ какъ онъ былъ еще новенькій.

— Ну, говори, Вася.

— Дважды девять—двадцать, сказалъ Вася, широко улыбаясь.

Всѣ прочіе мальчики разсмѣялись: они не могли сказать, сколько, именно, будетъ дважды девять, но почему-то знали, что не двадцать, и имъ смѣшно показалось, что Вася ошибся.

Вася понялъ, что не такъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

— Ничего, дружокъ, сказала я ему, ты почти вѣрно угадалъ, а другой разъ и совсѣмъ вѣрно скажешь.

Вася утѣшился и занятія продолжались.

Въ свободное отъ уроковъ время я часто навѣщала своихъ учениковъ на дому, знакомилась съ ихъ родителями и лучше могла ладить съ дѣтьми, когда знала ихъ обстановку. Въ скоромъ времени пошла я провѣдать и Васю. Пошла подъ вечеръ и розыскала наконецъ тотъ уголь, который указалъ мнѣ мальчикъ. Вышла ко мнѣ женщина, грязно одѣтая и грубымъ голосомъ спросила, что мнѣ надо.

Я объяснила и завела съ ней разговоръ о томъ, какъ имъ живетъ—узнала все ту-же исторію: мужъ искусный слесарь, но почти всѣ деньги пропиваетъ, жена ходитъ по стиркамъ, а когда работы нѣтъ, сидитъ дома и бранится. Я это угадала по тому озлобленію, съ которымъ она говорила о мужѣ и даже о дѣтяхъ.

— И сапоги имъ нужно, и ѣсть все просятъ, хорошо что удалось пятнадцати-лѣтнюю дочку на фабрику опредѣлить, теперь надо Васютку поскорѣй грамотѣ обучить и тоже куда нибудь отдать въ лавку. Грамотнаго охотнѣе возьмутъ. Старшій живетъ у мясника, говорятъ, не по годамъ тяжести подымается, да что дѣлать, зато дома однимъ ртомъ меньше.

— Развѣ не жаль молодую дѣвочку на фабрику отдать, спросила я, вѣдь она тамъ сколько худаго увидитъ и услышитъ.

— Эхъ, сударыня, отъ худаго не уйдешь, а зато, хоть шесть рублей въ мѣсяцъ домой принесетъ. Есть чѣмъ за уголь заплатить.

Такъ сухо звучали всѣ слова этой женщины, трудно было подумать, что это мать говоритъ, такая мать, какихъ много, къ несчастію, которая думаетъ, что Богъ ей далъ дитя не для того, чтобы его вырастить, воспитать, наставить, по возможности уберечь отъ зла, а для того, чтобы его какъ можно скорѣе **сбыть съ рукъ**.—Средствъ, говорятъ не хватаетъ, времени не хватаетъ, чтобы быть женою и матерью, а большею частью, въ своемъ сердцѣ вина лежитъ. Времени нѣтъ уголокъ свой въ чистотѣ держать, чтобы мужу не гадко было домой вернуться; времени нѣтъ ласковаго слова сказать, поэтому часто и мужъ пьянствуетъ, и дѣти несчастны, и семья на семью не похожа.

Въ какомъ видѣ былъ тотъ уголь, гдѣ я разговаривала съ Васиной матерью—и сказать нельзя. Какъ тутъ не уйти въ трактиръ отъ такой грязи, отъ такой сердитой жены. Я пошла домой съ унылымъ сердцемъ. Нѣсколько дней спустя я опять отправилась къ Васѣ на квартиру, хотѣлось мнѣ отца повидать, что за человекъ.

Былъ часъ третій дня. Подхожу къ двери, слышу крикъ невообразимый: грубый голосъ матери такъ и надрывается. Бранить кого-то самыми ужасными словами, я слышала слово „Васька“ и не выдержала—растворила дверь.

Мать стоитъ, поднявъ кулакъ на ребенка и смотритъ на него злобно, точно не ея дитя; трое людей, (одинъ изъ нихъ вѣроятно отецъ) сидятъ за столомъ, передъ ними бутылка; тутъ-же и дѣвочка пятнадцатилѣтняя.

Я рѣшительно вошла въ комнату и подошла къ матери; она

¹⁾ Евр. 11, 21, 22.

опустила руку. Вася смотрѣлъ на нее такими жалкими глазами, полными слезъ.

— Что такое? спросила я.

— А вотъ, сударыня, зашипѣла она, бѣда чистая съ этими дѣтьми, одинъ только убытокъ черезъ нихъ, больше ничего. Послалъ его отецъ за пивомъ, а онъ, какъ назадъ шелъ, бутылку разбилъ; теперь и пиво и деньги пропали... проучу же я его, негодного мальчишку.

Вася все плакалъ, а прочіе въ комнатѣ не обращали ни на что вниманія, заняты были только своимъ дѣломъ.

Что же тутъ было съ такимъ отцомъ разговаривать?

Женщина, какъ будто, немножко опомнилась, должно быть ей стыдно стало, что она все мнѣ жаловилась на бѣдность, что и копѣйки нѣтъ, и кормиться нечѣмъ, и дѣти въ тягость, потому что хлѣба просятъ, а тутъ вино на столѣ и чужіе угощаются.

Она присмирѣла. Я ее вызвала въ корридоръ.

— Отпустите со мной Васю домой до вечера, сказала я. Я съ нимъ позаймусь, а вотъ вамъ, пятнадцать копѣекъ за разбитую бутылку, вы его ужъ больше не браните.

— Пусть идетъ, согласилась она и крикнула мальчику: Васька, надѣвай шапку.

Отправились мы съ Васей домой; дорогой я съ нимъ заговаривала, но онъ только отвѣчалъ „да“ или „нѣтъ“, и по временамъ судорожно вздыхалъ, какъ всѣ дѣти послѣ долгого плача. А мнѣ такъ отраднo было увести его оттуда, хоть на полъ дня, прочь отъ брани и дурныхъ словъ и дурнаго примѣра. Не враги-ли ребенку были его собственные родители! А можетъ быть, вѣдь, по своему, немножко и любили его. Давно-ли радовалась я, что этого ребенка не подавила еще окружающая тьма и такъ мнѣ хотѣлось, чтобы Вася опять засмѣялся!

Пришли домой. Я заставила Васю прибирать кое что въ ком-

натѣ; онъ и въ школѣ любилъ все прибирать,—и это его развеселило; потомъ поставили самоваръ, напились чаю, Вася забылъ свое горе.

— Ну, Вася, сказала я, теперь принеси мнѣ вотъ эту книжку, я тебѣ что-то покажу. Книжка была: „жизнь Иисуса Христа“ съ картинками. Я показала Васѣ три картины: Христосъ благословляющій дѣтей, Христосъ добрый пастырь, съ овечкой на рукахъ и Христосъ на крестѣ. Одну за другой рассказала я ему, потомъ раскрыла Евангеліе и заставила его прочитатъ эти слова: „обнявъ ихъ, возложилъ руки на нихъ и благословилъ ихъ“. Вася долго не могъ разобрать длинное слово „благословилъ“ и когда разобралъ, то, вѣроятно, не понялъ, что, именно, это значить, но ему ясно стало въ этотъ день, что есть Кто-то, Великій, Высokій, Милостивый, Кто любитъ дѣтей и ласкаетъ ихъ и на рукахъ ихъ держитъ, и, должно быть, по сердцу пришлось это ребенку. Когда я кончила рассказывать, онъ сказалъ: „еще“.

— Чтонибудь другое хочешь, Вася?

— „Нѣтъ, опять то же самое, съ начала“ сказалъ онъ. И онъ опять раскрылъ передо мною первую картинку и смотрѣлъ на меня въ ожиданіи.

Я опять начала съ начала то же самое; пусть, думаю, вѣрнется это въ душѣ ребенка.

И такъ мы съ Васей бесѣдовали долго, пока совѣтъ стемнѣло.

— Вася, сказала я, я тебѣ подарю маленькое Евангеліе, ты его береги, никому не отдавай, и учи мнѣ оттуда на память то, что сказано про эти три картинки.

Я отмѣтила въ Евангеліи эти три стиха: „Пустите дѣтей приходитъ ко Мнѣ, и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе“. — „Я есмь Пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ“. — „Тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую,

а другого по лѣвую сторону. Иисусъ же говорилъ: Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“.

Потомъ, я отвела Васю домой. Хотѣлось мнѣ посмотрѣть, какъ его тамъ встрѣтятъ.

На этотъ разъ крику не слышно было, зато раздавалось тяжелое храпѣніе; было еще не поздно, но тѣ, которые еще вначалѣ дня принялись за водку, конечно, до вечера досидѣть не могли. Молодая дѣвочка, принаряженная въ какія-то полинялыя тряпки, сидѣла у окошка и ничего не дѣлала, должно быть только что вернулась съ гулянья, матери не было дома.

Такъ-ли могла-бы провести эта семья праздничный вечеръ? Какъ отраднo было-бы оставить Васю дома, кабы тамъ была чистота, и согласіе, и любовь. Бѣдность не убьетъ души ребенка, напротивъ, она, иной разъ, еще окрѣпнетъ въ нуждѣ, а грѣхъ и суровость—это смерть.

— Смотри, Вася, приходи завтра въ школу и Евангеліе береги.

Онъ сжалъ его крѣпко въ своихъ маленькихъ рукахъ, и сказалъ: буду беречь.

Я попробовала завести разговоръ съ сестрой, но она все зѣвала, бѣдняжка, должно быть, много гуляла, или много лишняго говорила, или можетъ быть сильно устала, отъ непосильной фабричной работы. Взглядъ ея былъ даже какой-то тупой, точно она моихъ словъ не понимаетъ.

На слѣдующее утро, Вася былъ въ школѣ веселый, довольный. Чѣмъ доволенъ ребенокъ? спрашивала я себя, глядя на него: что-нибудь свѣтлое внутри сидитъ, что Богъ туда вложилъ, и что еще не померчилось.

Дѣти стали отвѣчать урокъ по очереди, а Васѣ, я вижу, такъ и нетерпится. Глаза его такъ и бѣгаютъ и губы все раскрываются.

Наконецъ я его вызвала.

„Обнявъ ихъ, возложивъ руки на нихъ и благословилъ ихъ“ сказалъ онъ громко, радостно и весь

просіалъ. „Другіе еще не знаю“ сказалъ онъ, „завтра скажу“ и потомъ уже отвѣтилъ обыкновенный школьный урокъ.

Подвигался онъ очень быстро, скоро могъ читать совсѣмъ бойко, такъ что я ужъ начинала бояться, что его скоро возьмутъ отъ меня. Маленькое Евангеліе цѣло было у Васи и много уже зналъ онъ изъ него стиховъ, но какъ-то особенно вѣзались у него въ памяти тѣ, которые онъ заучилъ въ началѣ.

Иной разъ навѣщала я мать его, раза два даже звала ее къ себѣ, но она отговаривалась, что некогда и видимо разговоровъ моихъ избѣгала.

Но разъ (и день этотъ мнѣ до сихъ поръ какъ памятенъ!) прибѣжала она ко мнѣ сама. Было это воскресенье и такъ была она сама на себя не похожа, что я испугалась.

— „Вася нездоровъ, сказала она, не знаемъ, что съ нимъ дѣлать. Я поскорѣе за вами прибѣжала.

— Что случилось? спросила я, и стала скорѣе одѣваться. Она какъ-то замялась.

— Лежитъ безъ памяти, глазъ не открываетъ...

— Когда-же онъ заболѣлъ?

Тутъ она расплакалась.

— Охъ, это пьянство, пьянство!... почти крикнула она.

Отецъ откуда-то пришелъ уже напившись, да еще мальчишку за водкой посылаетъ: ступай, говоритъ, сейчасъ.

Вася, слышу, заплакалъ и сталъ просить: не надо, папа, пожалуйста, не надо. А тотъ взбѣсился, какъ звѣрь и прежде чѣмъ я могла одуматься, хватилъ ребенка кулакомъ по головѣ. Вася и не вскрикнулъ, повалился на землю и прямо головой объ желѣзный сундукъ. Я его подняла, кликала всячески. а онъ въ память не приходитъ. Оставила съ нимъ дѣвочку, а сама за вами прибѣжала.

— А отецъ гдѣ? спросила я.

— Поплелся куда-то, шатаясь, кто его знаетъ, куда.

Дошли до мѣста, Вася лежитъ блѣдный, губы запекшіяся, глаза закрыты. Пробовали то и другое, пришелъ ближайшій докторъ, осмотрѣлъ его и выходя сказалъ: не одобровать ребенку.

Пролежалъ онъ нѣсколько дней, все тихонько стоналъ про себя, но никого не узнавалъ. Отецъ протрезвился, но въ настоящее чувство не пришелъ. Слишкомъ зачерствѣлъ, должно быть. У матери сердце точно пробудилось; она много возилась около ребенка, часто приговаривала: хорошій былъ, смирный, иногда ласкала его; да ужъ ребенокъ этого не видалъ и не слышалъ: было поздно!

Последнюю ночь онъ сталъ бредить. Я сидѣла подлѣ него. „Обнявъ ихъ“..., вдругъ услышала я, „благословилъ ихъ... благословилъ“.... Я заплакала и мать, глядя на меня, заплакала.

— Это онъ про Спасителя твердить, сказала я ей, вспоминаетъ, какъ мы съ нимъ читали, что Онъ дѣтей на руки бралъ и благословлялъ. Такъ Онъ и его на руки возьметъ.

— Ахъ, сударыня, Христосъ съ нимъ, худую мы ему жизнь на землѣ припасли....

Только теперь ты поняла это, бѣдная мать!

Къ утру Васи не стало, Господь его обнялъ, и благословилъ, и избавилъ отъ мірскаго зла, а мнѣ было такъ тяжело, точно я родное дитя потеряла. И душно было какъ-то на сердцѣ, точно вытѣснилъ грѣхъ людской ребенка изъ міра. Мать погоревала и утѣшилась, отецъ и не горевалъ, точно и не было Васи никогда.

Дѣло это, конечно, осталось безъ послѣдствій, ударъ, нанесенный въ пьяномъ видѣ, — на это смотрятъ очень снисходительно; ихъ бываетъ такъ много, этихъ ударовъ, всѣ къ нимъ какъ то привыкли.

Годъ спустя, семейство Васи перебралось въ деревню, и я ихъ потеряла изъ виду, а Васю я забыть не могу, и рассказать про не-

го хотѣла, потому что такихъ какъ онъ много.

Много такихъ дѣтей, которыя гибнутъ отъ родительскаго грѣха, много такихъ дѣтей, за которыхъ придется дать отвѣтъ Богу, которыя, кромѣ побоевъ и дурного примѣра, мало что видѣли.

Много надо и голосовъ вопиющихъ противъ этого. Много надо такихъ сердецъ, которыя пожалѣли-бы дѣтей, и протянули-бы имъ руку. Наши дѣти—это наше богатство, это наша будущность, это наша отвѣтственность передъ Богомъ. Что мы съ ними дѣлаемъ? Что можетъ одна школа, безъ родительскаго вниманія? Въ школѣ научать ребенка, что одно добро, а другое зло, а дома его ко злу приучаютъ, и за добрый поступокъ бьютъ.

Что тамъ создается, то здѣсь разрушается. Что тамъ, съ Божіею помощью, стараешься посѣять, то здѣсь грубыми руками вырывается изъ сердца и куда кинутся бѣдному дѣтскому сердцу!

Жалуются родители на бѣдность, оправдываются тѣмъ, что они люди грубые, неученые. Но вѣдь у тебя сердце можетъ быть, бѣдный человекъ, хотя и денегъ мало. Ты же можешь Бога знать, хотя мірской учености и не знаешь, ты можешь быть справедливымъ и честнымъ, хотя и въ нуждѣ живешь, ты можешь любить дѣтей своихъ, вмѣсто того, чтобы любить кабака, для котораго ты ихъ обкрадываешь.

Виноваты мы, родители, нечего намъ оправдываться! Да поможетъ же намъ Богъ вину нашу глубоко сознать и исправить!...

МОЙ КРЕСТЪ.

Было время, когда я часто жаловался на свою судьбу, ропталъ внутренно, если не громко. Жизнь моя, думаю себѣ, слишкомъ трудна. Вотъ тому или другому человеку гораздо легче, чѣмъ мнѣ. Все у него

какъ-то ладится, а мнѣ за что такой тяжелый крестъ? Не подумайте, что я былъ человѣкъ безбожный, что я не признавалъ воли Божіей во всемъ, что случается. Нѣтъ, я Бога зналъ и любилъ и ропталъ чаще про себя, чѣмъ вслухъ, потому что стыдно мнѣ было жаловаться на Господа Бога моего. И вотъ, разъ, какъ-то пришлось мнѣ особенно трудно: тутъ и нужда, и неудача, и обида случилась горькая отъ людей, такъ что когда легъ я спать, сонъ бѣжалъ отъ меня, и мысли тревожныя и тоска не давали покоя. Точно нашептываетъ кто-то: „не по силамъ тебѣ ноша твоя, куда ни обернешься, всякому лучше живется, чѣмъ тебѣ“; и разжалобишься надъ самимъ собою, такъ что даже слезы изъ глазъ пробьются. Въ такихъ думахъ и жалобахъ заснулъ я, наконецъ, подъ утро и приснился мнѣ сонъ, такой удивительный, что хочется всякому его рассказать.

Вижу я, что стою я на какой-то дорогѣ, стою одинъ и гляжу, самъ не зная куда. Еще утро раннее, и солнце только-что показывается на небѣ. Вдругъ, подходит ко мнѣ кто-то, въ бѣломъ одѣяніи, ликъ у него свѣтлый, неземной, очи такъ и сіяютъ. Подошелъ ко мнѣ близко и говоритъ: „иди за мной“. Онъ самъ пошелъ впередъ, а я за нимъ, по дорогѣ. Шли довольно долго и подошли къ широкому полю. Тутъ спутникъ мой остановился и я остановился.

„Посмотри“, сказалъ онъ мнѣ. Я сталъ смотрѣть передъ собою и вижу, что все широкое поле устлано разными крестами, лежатъ они по всемъ направленіямъ, всякой величины, всякаго вида; иные разукрашенные, другіе попроче и такое ихъ множество, что и не пересчитать.

„Ты жалуешься, что твой крестъ слишкомъ тяжелъ“, сказалъ онъ, „обойди это поле и выбери себѣ другой по вкусу“.

Сильно обрадовался я этому.

Какая милость, думаю, пожалѣлъ и Господь мою тяжелую жизнь, позволилъ мнѣ крестъ переменить.

„Пойди, выбирай“, повторилъ подлѣ меня голосъ, „и какой выберешь—тебѣ и останется“.

„Не трудно будетъ выбрать“, вскричалъ я, „здѣсь такое множество и такіе на видъ красивые и легкіе!“

И пошелъ я выбирать. Принялся разглядывать одинъ крестъ за другимъ, останавливался около того и другого, наконецъ я залюбовался однимъ, такъ что и оторваться не могъ. Крестъ маленький, весь золотой, гладкій, сверкающій, я нагнулся къ нему, ухватился за него и гляжу на спутника моего.

„Подыми его“, сказалъ онъ, „и положи на плеча твое“.

Я попробовалъ поднять, но ахъ, не въ силахъ былъ; даже ноги подкосились: красивый, золотой крестъ былъ тяжелъ невыносимо; едва только могъ я приподнять его чуть-чуть отъ земли, а на плеча возложить — невозможно. Жаль мнѣ стало ужасно, даже горько какъ-то. Я поднялъ глаза на спутника; онъ смотрѣлъ на меня молча, потомъ сказалъ: „выбирай дальше“.

Прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, лежитъ у ногъ моихъ другой крестъ, на видъ совсѣмъ легкій, тонкій и весь разукрашенный цвѣтами.

„Этотъ будетъ лучше золотого, подумалъ я, не менѣе красивъ и совсѣмъ легкій“. — „Подыми его“, сказалъ голосъ подлѣ меня.

Я схватилъ его обѣими руками, но тутъ-же вскрикнулъ отъ боли: между красивыми цвѣтами скрывались колючія тернія—я ихъ раньше не замѣтилъ, а теперь они такъ и вонзились въ меня, такъ что я выронилъ крестъ изъ рукъ и заплакалъ.

— „Выбирай дальше“, сказалъ опять голосъ, „тутъ еще много разныхъ крестовъ“.

Я пошелъ дальше, какъ-то уныло, боязливо, сталъ внимательно разглядывать тотъ и другой крестъ, прежде чѣмъ взять его въ руки, и какъ-то ни одинъ изъ нихъ не

приходился мнѣ ни по росту, ни по вкусу.

Останавливался я то около одного, то около другого, разсматривалъ ихъ со всѣхъ сторонъ и проходилъ мимо, говоря самъ себѣ: „нѣтъ, не то, не то...“

Наконецъ, на самомъ уже краю поля, вижу я: лежитъ крестъ небольшой, не нарядный, но понравился онъ мнѣ. Гляжу на него, и все больше онъ мнѣ по вкусу: гладкій, деревянный, безъ украшеній, но хорошо вытесанный; пробую поднять его—не тяжело, кладу на плечи свои, какъ разъ по плечамъ, точно по мѣркѣ моей сдѣланъ, пробую ходить съ нимъ—могу и ходить, ноги не подкашиваются, плечи не ноютъ—совсѣмъ по мнѣ крестъ. Я снова обрадовался: „вотъ этотъ крестъ по мнѣ“, сказалъ я, „я его выбираю“.

„Разсмотри его хорошенько“, былъ отвѣтъ, „не узнаешь ли ты его?“

Я сталъ разглядывать со всѣхъ сторонъ и въ самомъ дѣлѣ, точно что-то знакомое. Недоумѣвалъ я, что же это значить; вдругъ, блеснула мнѣ мысль: ахъ, вѣдь это-же мой собственный, прежній крестъ, на который я такъ жаловался! Я такъ и остолбенѣлъ отъ удивленія. Да, это тотъ самый и я его не узналъ, и онъ мнѣ теперь показался такъ хорошъ!...

А раньше, какъ я ропталъ на него! Стыдно мнѣ стало, такъ стыдно, что я не зналъ, что дѣлать: и выговорить ничего не могъ, только бросился на колѣни и опустилъ голову до земли.

Тутъ я проснулся.

Вскочилъ на кровати и озирался вокругъ: искалъ спутника моего и крестъ мой, и поле широкое; потомъ только опомнился: вѣдь это сонъ.

Да, сонъ, но какой живой, просто всю душу перевернулъ. Теперь все исчезло! Нѣтъ, думаю себѣ, не исчезло: Господь тутъ, и крестъ мой тутъ; и съ радостію взялъ я его на плеча.

КТО ЭТИ ЛЮДИ?

Было время, когда они жили для себя, искали удовлетворенія своихъ желаній, исполненія своихъ мечтаній и надеждъ, проводили свою волю, крѣпко ухватившись за самихъ себя. Но они стали искреннимъ сердцемъ призывать Господа въ молитвѣ, и Богъ сталъ отвѣчать на ихъ молитвы. Они просили, чтобы Господь смирилъ ихъ, и Онъ послалъ имъ скорбь; они просили, чтобы Онъ очистилъ ихъ отъ всякаго грѣха, и Онъ послалъ имъ страданія; они просили, чтобы Онъ содѣлалъ ихъ кроткими, чтобы Онъ оторвалъ ихъ отъ мірскаго зла, и Онъ разбилъ ихъ земныя надежды; они просили, чтобы Онъ приблизилъ ихъ къ Себѣ и Онъ предалъ ихъ огненному испытанію, Самъ переплавляя ихъ въ горнилѣ страданія¹⁾, доколѣ ликъ Его не изобразится въ нихъ. Они протягивали руки, чтобы ухватиться за крестъ Его, Онъ этимъ крестомъ пронзилъ имъ душу. Они просили, сами не сознавая, чего просятъ, сами ясно не понимая, къ чему влечетъ ихъ эта молитва, но Господь внялъ ихъ прошеніямъ и исполнилъ ихъ. Сначала имъ было какъ-то страшно и непонятно, ихъ сердце содрогалось, имъ какъ будто хотѣлось отступить назадъ и они часто, въ недоумѣніи, спрашивали, — почему?

Почему такая скорбь, почему такое сотрясеніе душевное? Они пугались, какъ ученики въ ночную бурю, когда не узнали, что среди бури идетъ къ нимъ Самъ Іисусъ. Они страшились, точно Господь поведетъ ихъ путемъ, мрачнымъ и тяжелымъ и съ недоумѣніемъ трепетомъ смотрѣли впередъ. Но отступить назадъ невозможно. Крестное страданіе Спасителя врѣзалось имъ въ душу слишкомъ глубоко, славное воскресеніе Его воз-

сіяло надъ ними, чудная любовь Его охватила ихъ со всѣхъ сторонъ и охватываетъ все крѣпче. Они поняли, что Христосъ есть та благая часть, которая не отнимется во вѣкъ, и сердце, хотъ и содрогается, по маловѣрію своему, но отступить назадъ уже не можетъ. Господь исполняетъ для нихъ Свое обѣщаніе: „когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“. ²⁾ Съ неотразимой силой привлекаетъ Онъ ихъ все болѣе и болѣе къ Самому Себѣ; и скорбь, и страданіе—все это благія орудія въ Его благихъ рукахъ; все это милостивые отвѣты на ихъ немощныя молитвы.

Сначала они подвигались медленно, боязливо, но теперь они наполняются радости. Чѣмъ больше испытали, тѣмъ больше научились благодарить, благодарить за весь пройденный путь, за всѣ трудности и испытанія этого пути, ибо гдѣ умножалось страданіе, тамъ умножилось Христомъ и утѣшеніе ³⁾. Они взираютъ на Его крестное страданіе все пристальнѣе и благодарятъ, они взираютъ душою на Его небесную славу и благодарятъ. Они принимаютъ все,—и сладкое, и горькое,—изъ рукъ Его и за все благодарятъ. Они все болѣе и болѣе постигаютъ, со всѣми святыми, всю широту, и долготу, и глубину любви Христовой, ⁴⁾ и благодарятъ, и исполняются радости, которую никто не можетъ отнять у нихъ. Взирая на славу Господню, они преобразуются въ тотъ-же образъ ⁵⁾ и печать Его все болѣе видна на нихъ.

Кто же эти люди? Таковы были, во всѣ вѣка, тѣ, которые слѣдовали за Господомъ, которые увѣровали въ Него не устами только,

но сердцемъ, которые предались Ему совершенно, и возжелали, прежде всего, царствія Божія и правды Его. Это тѣ алчущіе и жаждущіе, которыхъ Онъ насытилъ, это тѣ страждущіе, которыхъ Онъ утѣшилъ, тѣ немощные, глиняные сосуды, которые Онъ наполнилъ и содѣлалъ годными для Своего употребленія. Если-бы они сами избирали свой путь, или друзья ихъ избрали бы за нихъ—они, вѣроятно, избрали бы иначе: избрали бы долю Лота, а не Авраама, избрали бы наслѣдство земное а не небесное, но Господь не допустилъ этого. Черезъ всѣ паденія, колебанія, смущенія Онъ провелъ ихъ. Онъ свелъ имъ съ широкаго пути своеволія и поставилъ ихъ на узкій путь послушанія, и укрѣпилъ ихъ на этомъ пути, и обрадовалъ ихъ на этомъ пути. Онъ поддерживалъ ихъ десницею Своею ⁶⁾ и теперь, даже и въ этой жизни уже, они узнали, они увидѣли, какъ милостиво, какъ хорошо было все, что Онъ для нихъ сотворилъ.

Дивны пути Твои Господи! Какъ хорошо для нихъ, что они страдали здѣсь, ибо они прославятся тамъ! Какъ хорошо, что они несли крестъ свой здѣсь, на землѣ, ибо къ этому призвалъ ихъ Христосъ! Какъ хорошо, что земное, временное страданіе сокрушило ихъ, ибо оно ихъ очистило, и приготовило ихъ къ тому служенію, которое Господь имъ назначилъ! Какъ хорошо, что они терпѣли, и ждали, и смирялись, и опустошились, чтобы обогатиться небеснымъ сокровищемъ, ибо въ этомъ исполнилась для нихъ воля Божія, и какъ хорошо, что не ихъ воля, а Его воля совершилась надъ ними!

¹⁾ Мал. 3. 2. 3.

²⁾ Іоан. 12. 32.

³⁾ Кор. 1. 5.

⁴⁾ Еф. 3. 18.

⁵⁾ Кор. 2 3. 18.

⁶⁾ Псал. 36. 24.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

АПОСТОЛЪ ІОАННЪ НА ОСТРОВЪ ПАТМОСЬ.

«Я былъ въ духѣ, въ день воскресный, и слышалъ позади себя громкій голосъ,... который говорилъ: Я есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній».

(Откровеніе 1. 10).

АПОСТОЛЪ ІОАННЪ.

Апостолъ Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Христовъ, дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, былъ заключенъ на пустынномъ островѣ за имя Христова, былъ восхищенъ духомъ въ самое небо, и видѣлъ чудное откровеніе, видѣлъ Самаго Господа во славу Своей и слышалъ слова неземныя. Долга и полна была его жизнь. Было время, когда онъ, еще юношей, занимался съ отцомъ и братомъ рыбною ловлею на морѣ Галилейскомъ, но разъ услышалъ онъ на берегахъ этого озера голосъ, взывающій: „иди за Мною“, и съ этой минуты рѣшена была его доля, и временная и вѣчная. Ничего

не было въ рукахъ у того Человѣка, который взывалъ къ нему съ берега, никакой приманки земной; Онъ былъ странникъ бездомный, но сила въ Немъ была неотразимая: она повлекла Іоанна и брата его, Іакова, на путь, для нихъ невѣдомый, и они пошли за Нимъ.¹⁾ Пошли и уже оторваться не могли никогда; и все болѣе и болѣе проникались Его Духомъ. Но не вдругъ совершилось это для любимаго ученика; вспоминаемъ мы то время, когда онъ былъ еще права пылкаго, горячаго. Разсердившись на Самарянъ, которые отказали имъ въ ночлегѣ, онъ предлагаетъ Гос-

поду: „Господи, хочешь-ли мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ?“ а Господь укоризненно смотритъ и говоритъ: „Не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать“. ¹⁾

Не много послѣ, онъ, вмѣстѣ съ братомъ, обращается къ Іисусу съ просьбой.

— „Что хотите, чтобы Я сдѣлалъ вамъ“, спрашиваетъ Господь.

— „Дай намъ сѣсть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по лѣвую, во славу Твою“.

— „Не знаете, чего просите“, ²⁾

¹⁾ Матѣ. 4. 21, 22.

¹⁾ Лук. 9. 55. ²⁾ Марк. 10. 35.

говорить Господь. Не знаете, что путь къ славѣ ведетъ черезъ смиреніе и униженіе, не знаете, что сперва—чапа скорби и сокрушенія, а потомъ уже—чапа блаженства.

Прочіе ученики вознегодовали на нихъ за ихъ неразумную, горделивую просьбу, за ихъ желаніе возвыситься.

Да, это было то время, когда Іоаннъ еще просилъ чего-нибудь для себя, когда онъ еще принималъ участіе въ спорахъ о томъ, кто старше, кто выше, когда онъ еще не вполне проникся духомъ Христа—еще осталось что-то свое. Но онъ идетъ за Нимъ, видитъ Его чудеса, слышитъ Его рѣчи, Его предсмертную бесѣду, Его послѣднюю, предсмертную молитву.

— „Дѣти! не долго уже быть Мнѣ съ вами“, говоритъ Христосъ, „заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.... Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“. ¹⁾ „Я открылъ имъ имя Твое, и открою“, говоритъ Онъ Отцу Своему, „да любовь. Которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ“. ²⁾

Іоаннъ все это слышалъ, и когда эта живая Любовь пошла на смерть крестную, онъ пошелъ за нею и до креста.

Правда, была такая минута, когда сказано, что всѣ, испугавшись, разбѣжались, и оставили Его Одного, но любовь взяла верхъ надъ страхомъ: когда воздвигнуть былъ крестъ, у этого креста, рядомъ съ Матерью Іисуса, стоялъ и Іоаннъ, и „Іисусъ увидѣлъ Матерь и ученика тутъ стоящаго, котораго любилъ“. ³⁾

Настало время безутѣшной тоски для всѣхъ оплакивающихъ смерть Іисуса, время темное, безотрадное, но не долгое.

Возсталъ день Воскресенія и

свиданія,—но уже не постоянного сожителства. Господь является нѣсколько разъ ученикамъ Своимъ, даетъ имъ видѣть Себя, насладиться Имъ, утѣшиться Имъ, осязать Его, между тѣмъ, говоритъ имъ: „Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“, ¹⁾ какъ-бы приготовляя ихъ къ разлукѣ съ Нимъ: къ той мысли, что Онъ скоро скроется отъ глазъ ихъ, и имъ придется видѣть Его только сердцемъ.

Одно изъ прощальныхъ свиданій было на берегу того-же моря Галилейскаго, гдѣ призвалъ Господь Іоанна и брата его. Отправились ученики въ ночь ловить рыбу, ничего не поймали, а раннимъ утромъ Іисусъ стоитъ на берегу, но они не узнали Его: ночныя тѣни еще можетъ быть не вполне разсѣялись, или разстояніе было далекое, или сердца ихъ были озабочены тѣмъ, что потрудились напрасно, всю ночь. Они не узнали.

Но было между ними одно сердце особенно чуткое и изъ этого сердца вырвалось восклицаніе: „это Господь!“

Много пережилъ, перестрадалъ Іоаннъ, съ тѣхъ поръ, какъ первый разъ вышедши изъ лодки своей, пошелъ за Христомъ, и много перемѣнился онъ самъ съ того времени: одна стала дума, одна радость, одна любовь въ душѣ,—Господь!

Большая, переполненная стала душа у него. Вскормленная любовью, она любовью выросла высоко и широко, и дозрѣла до обильнаго плода.

Много рассказываетъ онъ намъ самъ про возлюбленнаго Учителя въ своемъ Евангеліи, но многое остается недосказаннымъ. Весь міръ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить то, что отъ избытка сердца хотѣлось бы передать.

„Если-бы писать о томъ подробно“, говоритъ онъ, „то, думаю, и

самому міру не вмѣстятъ-бы написанныхъ книгъ. Аминь“. ¹⁾

Затѣмъ, личность Апостола Іоанна какъ-бы скрывается отъ насъ. Въ Дѣянiяхъ Апостольскихъ намъ очень мало про него сказано. Первое посланіе свое онъ начинаетъ, даже не называя своего имени: „О томъ, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши о Словѣ жизни,... возвѣщаемъ вамъ“.

Любовь Христа, любовь, которая все покрываетъ, всего надѣется, все переноситъ, никогда не перестаетъ—такъ овладѣла и Іоанномъ, что всѣ его слова любовью переполнены.

Пусть ктонибудь вникнетъ повнимательнѣе въ это первое его посланіе и пусть хоть пересчитаетъ, сколько разъ встрѣтится ему слово „любовь“. Пусть вдумается въ эти слова: „любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу свою, и мы должны полагать души свои за братьевъ“. ²⁾ Не живой-ли, не точный-ли это отголосокъ Христа, явившаго людямъ ту любовь, которая полагаетъ себя всю, отдаетъ жизнь на закланіе, ибо любовь сильнѣе жизни, сильнѣе всего, „большія воды не могутъ потушить ее, и рѣки не зальютъ ее;“ ³⁾ она все поглощаетъ, она жаждетъ того, чтобы изливаться все болѣе и болѣе, она тѣмъ больше даетъ, тѣмъ больше живетъ.

Эта-же самая глава посланія Іоанна начинается словами: „Смотрите, какую любовь!...“ „Смотрите“, говоритъ онъ: это для него такъ живо, живѣе всякаго земнаго зрѣлища; онъ и другихъ призываетъ на это взглянуть.

Наша картинка представляетъ его уже старымъ, глядящимъ въ самое небо, озареннымъ небеснымъ свѣтомъ. Тутъ онъ одинъ съ Богомъ, Вторая картинка представ-

¹⁾ Іоан. 13. 33, 34 и 15. 11.

²⁾ Іоан. 17. 26.

³⁾ Іоан. 19. 26.

¹⁾ Іоан. 20. 29.

¹⁾ Іоан. 21. 25.

²⁾ Іоан. 3. 16.

³⁾ Псѣн. 8. 7.

ляетъ его съ людьми, и что молвятъ уста престарѣлыя? Какія послѣднія слова оставилъ послѣ себя на землѣ этотъ человѣкъ, возлюбленный Господомъ? Что вылилось изъ души, наполненной Духа Святаго и благодати? Вотъ они, эти слова: „Возлюбленные, будемъ любить другъ друга!“ Это его намъ завѣщаніе. Рассказывается, что когда уже онъ по глубокой старости, почти ничего говорить не могъ, то все повторялъ эти слова: „любите другъ друга!“ Силы тѣлесныя оскудѣли, а любовь все лилась потокомъ.

Климентъ Александрійскій, жившій во 2-мъ вѣкѣ, передаетъ намъ слѣдующую повѣсть о любви Апостола Іоанна:

„Въ одномъ городѣ, недалеко отъ Ефеса, встрѣтилъ онъ одного юношу, котораго пріятный видъ и пылкая душа привлекли особенное вниманіе Апостола. Указавъ на него, св. Іоаннъ сказалъ новопоставленному епископу города: „вотъ этого юношу, предъ очами Господа, я поручаю тебѣ въ твоё храненіе“; потомъ, окончивъ тамъ свое дѣло, уѣхалъ.

Исполняя волю св. Іоанна, епископъ принялъ юношу въ домъ свой и со всею заботливостью воспитывалъ и училъ его. Но; спустя нѣсколько времени, пылкій юноша сталъ рваться на свободу, которая въ послѣдствіи и привела его на путь погибели. Развратные сверстники сдѣлали его участникомъ своей развратной жизни. Сначала они привлекали его къ себѣ роскошными пиршествами; потомъ приглашали его участвовать въ ночныхъ грабежахъ своихъ; наконецъ, дошло до того, что онъ убѣжалъ отъ епископа, собралъ шайку разбойниковъ и сдѣлался ея предводителемъ.

Пришелъ Апостолъ опять въ тотъ же городъ, гдѣ оставилъ юношу и, призвавъ епископа, говоритъ ему. „Возврати мнѣ тотъ залогъ, который я и Господь пре-

дали тебѣ, при свидѣтельствѣ всей церкви!“ Епископъ сначала не понималъ, чего у него требуютъ, но когда св. Іоаннъ пояснилъ: „я требую у тебя юности, требую души брата“, то епископъ, вздохнувъ и прозлезившій, отвѣтилъ: „юноша умеръ!“

„Какъ умеръ? Какою смертью?“ спросилъ Іоаннъ. „Онъ умеръ“, продолжалъ епископъ „для жизни Божіей, потому что сдѣлался злымъ и развратнымъ, и теперь мѣсто его — на горѣ съ разбойниками“. Услышавъ это, Апостолъ растерзалъ одежды свои и, съ великимъ воплемъ, ударяя себя въ голову, сказалъ: „Поспѣшу къ нему... подайте мнѣ скорѣе коня и проводника“. Сѣвъ на коня, онъ поспѣшно поѣхалъ на показанное ему мѣсто. Здѣсь передовые разбойники схватили святаго старца и, согласно его желанію, повели прямо къ своему начальнику. Но предводитель разбойниковъ, какъ скоро увидѣлъ и узналъ Апостола, такъ смутился и въ такой приведенъ былъ стыдъ, что бросился бѣжать отъ него.

Тогда святой старецъ, забывъ свои лѣта, самъ ускорилъ шаги свои и, преслѣдуя разбойника, кричалъ ему въ слѣдъ: „Сынъ мой, чего бѣжишь ты отъ отца своего, стараго и дряхлаго? Сжался надо мною, сынъ мой; не бойся, я душу мою готовъ отдать за тебя; остановись, остановись!“

Слыша это, разбойникъ не устоялъ: остановился и нѣсколько времени стоялъ, не смѣя взирать на Апостола. Потомъ, отбросивъ все, съ трепетомъ и слезами приблизился къ старцу, обнялъ его и горько плакалъ. Плакалъ вмѣстѣ съ нимъ и св. Іоаннъ; отечески ободрялъ, умолялъ, цѣловалъ грѣшника; наконецъ, возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ городъ и не оставлялъ уже его; пока не утвердилъ его совершенно на пути спасенія“.

И что же? Намъ отъ этого что? Скажемъ: какая чудная любовь! а

свое собственное сердце замкнемъ такъ, что и не достучится до него тотъ, кто въ любви нуждается. Похвалимъ другихъ, которые умѣютъ любить до истощенія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а сами все таки будемъ продолжать болѣе всего любить самихъ себя.

Друзья, скудно льется теперь любовь на нашей грѣшной землѣ! По причинѣ умноженія беззаконія, оскудѣла она у многихъ ¹⁾; и кому нужна она, кто безъ любви жить не можетъ, какъ цвѣтокъ безъ солнца, тотъ ходитъ холодный и голодный и не находитъ ея; такъ и умираетъ, не согрѣтый.

За людской нелюбовью, и Божіей любви разглядѣть не можетъ.

Душа погибаетъ никѣмъ не призывная; сердце засыхаетъ: суровыхъ взглядовъ, горькихъ осужденій, обиднаго равнодушія вдоволь наглotalось, а любви нигдѣ не встрѣтило. Между тѣмъ — „Богъ есть Любовь, ²⁾ и чада Божіи — должны быть любовью, — прежде всего и больше всего остальнаго. Любовь — это жизнь полная, это сила несокрушимая, — это миръ, благоустройство и порядокъ общественный; ибо „любовь не дѣлаетъ ближнему зла; итакъ, любовь есть исполненіе закона“. ³⁾ Поэтому и говоритъ апостолъ: „цѣль увѣщанія есть любовь“ ⁴⁾ — любовь Божія, которая изливается въ сердцахъ Духомъ Святымъ, ⁵⁾ и изъ сердца, настежь отверзтаго, изливается на другихъ. Христосъ жилъ на землѣ съ открытой душой: въ нее имѣлъ доступъ всякій нуждающійся, изъ нея лились для всякаго живые потоки. Были у Него, конечно, сокровенныя бесѣды съ Отцемъ, въ которыя никто изъ людей проникнуть не могъ; были мысли высокія, рѣчи дивныя, которыя не всѣмъ были доступны; но любовь широ-

¹⁾ Матѣ. 24. 12.

²⁾ 1 Іоан. 4. 8.

³⁾ Римл. 13. 10.

⁴⁾ 1 Тим. 1. 5.

⁵⁾ Римл. 5. 5.

кая снисходила и до ребенка малаго, обнимала всякаго, и не видна была только очамъ, преднамѣренно ослѣпленнымъ.

Ученикъ Христовъ пусть живетъ на землѣ съ открытой душой, и пусть льется изъ нея любовь: много, много добра онъ сдѣлаетъ.

Иные мудрыхъ рѣчей не поймутъ, наставленій сухо или рѣзко сказанныхъ не примутъ, а любовь истинную всякій пойметъ и приметъ.

Приведемъ случай изъ жизни: Одного преступника — убійцу, совершившаго много злодѣяній, схватили и посадили въ тюрьму, но онъ болѣе похожъ былъ на звѣря, чѣмъ на человѣка: дикій, свирѣпый, онъ бросался на тюремныхъ служителей, въ припадкѣ злобы даже укусилъ одному изъ нихъ палецъ и наводилъ на всѣхъ страхъ. Принуждены были наложить на него пѣппи для предохраненія тѣхъ, которые къ нему подходили. Когда его приводили къ допросу, онъ упорно молчалъ, ни въ чемъ не признавался, не выказывалъ ни малѣйшаго человѣческаго чувства, такъ что не знали, какъ и вести дѣло, не смотря на то, что всѣ улики были противъ него. Пробовали увѣщивать его, угрожать, доказывать ему необходимость признанія — все напрасно. Все тотъ-же взглядъ злобный и замкнутыя уста. Разъ пріѣхалъ навѣстить его одинъ изъ попечителей тюрьмы и пожелалъ, чтобы его провели прямо къ заключенному въ камеру. Преступникъ былъ въ этотъ день безъ цѣпей; попечителя сопровождала стража и опасалась впустить его въ камеру одного, — но онъ потребовалъ, чтобы его всѣ оставили и вошелъ одинъ. На полу, скорчившись у стѣны, точно хищный звѣрь, сидѣлъ преступникъ. Услышавъ шорохъ, онъ медленно поднялъ голову, устремилъ глаза на вошедшаго и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ броситься на него. Тотъ не отсту-

пилъ назадъ, не смутился и спокойнымъ голосомъ заговорилъ:

„Я недавно пріѣхалъ сюда, и проѣздомъ заѣхалъ въ ту деревню, гдѣ вы родились; видѣлъ вашу мать — старушку, говорили про васъ; она много плакала, просилась къ вамъ, говорила: обняла бы я его, бѣднаго, какъ бывало обнимала маленькаго, прижала бы его къ себѣ крѣпко, крѣпко; для людей — онъ преступникъ, и передъ Богомъ много виноватъ, а для меня онъ все-таки дѣтище мое родное, не отступится мое сердце отъ него никогда; день и ночь о немъ слезы проливаю и душу его грѣшную Богу въ молитвѣ приношу“.

Голосъ посѣтителя задрожалъ; онъ вынулъ платокъ и отеръ слезу.

Лицо преступника подернулось чѣмъ-то особеннымъ; онъ крѣпко стиснулъ руки, какъ бы въ сильномъ волненіи.

„Когда я прощался съ нею, она мнѣ сказала: снесите ему мое благословеніе, пусть оно его къ Богу притянетъ; какъ меня только допустятъ, скажите, что я, хоть пѣшкомъ, приду къ нему и умереть съ нимъ готова. Снесите ему мою любовь. Сынъ мой дорогой, неужели не пожалѣетъ тебя мать твоя!“

Послышался стонъ, глухое рыданіе и вдругъ страшный, неукротимый звѣрь кинулся къ ногамъ посѣтителя своего, и, обнимая его колѣни, надрывающимся голосомъ вскричалъ: „виноватъ... виноватъ; я все скажу, во всемъ сознаюсь.... Господи, помилуй меня, грѣшнаго“.

Любовь побѣдила. На другой день, удивленные судьи выслушали отъ закоснѣлаго преступника полную, чистосердечную исповѣдь. Законъ страны требовалъ смертной казни и, не смотря на желаніе помиловать, приговоръ былъ произнесенъ. — Тихо, благоговѣнно, съ смягченной раскаяніемъ душою, готовился осужденный къ послѣднему часу.

Благословеніе матери, переданное любовью, притянуло его и къ

Богу любви, — къ пріемлющему грѣшниковъ Спасителю.

Передъ казнью, дозволили свиданіе съ родными. Настала минута, когда старушка-мать могла обнять виновнаго сына и долго надъ нимъ плакала и цѣловала его. Съ замирающимъ сердцемъ, благословляя его, она простилась съ нимъ, съ молитвой на устахъ, пошелъ онъ на казнь.

Старушка почти что съ нимъ умерла: пережила его нѣсколькими днями.

Братъ мой, оглянись вокругъ тебя: есть тебѣ кого любить, во Имя Христа; люби же; люби все сильнѣе тою преданною, долготерпѣливою любовью, которая чудеса творить.

Не хорошъ ближній твой, много въ немъ недостатковъ, — люби его тѣмъ усердіемъ, съ неусыпнымъ радѣніемъ, и смотри, любовь не пропадетъ напрасно: камень пробьетъ она, если не оскудѣетъ.

Любовь, да только не твоя собственная, — а та, которая отъ Христа исходитъ и ко Христу приводитъ. Любовь, которой Онъ источникъ, а не твое шаткое, пристрастное сердце. Любовь, про которую писалъ апостолъ Павелъ, когда сказалъ: „Богъ мнѣ свидѣтель, что я люблю всѣхъ васъ любовью Іисуса Христа“. ¹⁾ Любовь, которая хоть и не изъ твоей души истекаетъ, но всю душу твою, всю жизнь твою поглощаетъ.

Христосъ, повелѣвшій любить, даетъ любовь тѣмъ, которые Его возлюбили и предалися Ему нераздѣльно. Къ источнику прибѣгнемъ и преисполнимся до избытка.

„Дѣти мои! станемъ любить!“ ²⁾

¹⁾ Фил. 1. 8.
²⁾ 1 Іоан. 3. 18.

ПОСЛѢДНЕЕ УВѢЩАНІЕ АПОСТОЛА ІОАННА:

„Возлюбленные! будемъ любить другъ друга“. (Іоан. 4. 7.)

„НЕ ИМѢЮ ЛЮБВИ, ТО Я НИЧТО“.

(Изъ «Журнала Воскр. Чтеніе». Изд. 1837 — 1869 г.).

И если я роздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. (1 Кор. 13, 3).

Возможно-ли, чтобъ вѣрующій, предавши себя за вѣру на мученія, остался безъ всякой пользы? Возможно, говоритъ ап. Павелъ, если онъ не имѣетъ любви христіанской. Кто теряетъ любовь, теряетъ и все; кто враждуетъ противъ ближняго, не можетъ быть въ то же время другомъ Христовымъ.

Вотъ примѣръ изъ исторіи муче-

никовъ, который можетъ служить доказательствомъ сказанной истины.

Въ Антиохіи были два друга: священникъ Саприкій и Никифоръ простолюдинъ. По какому-то случаю вражда раздѣлила ихъ и усилилась до того, что они не могли смотрѣть одинъ на другого. По времени, Никифоръ созналъ свой грѣхъ, и послалъ одного изъ знакомыхъ своихъ просить прощенія у Саприкія; но Саприкій не хотѣлъ мириться. Никифоръ посылалъ къ нему, съ тою же просьбою, въ другой и въ третій разъ, и также безъ успѣха. Наконецъ, самъ пришелъ въ домъ къ прежнему другу своему, и, падши къ ногамъ его, говорилъ:

отецъ, ради Господа нашего, прости меня!“ Саприкій и тогда не хотѣлъ примириться съ Никифоромъ.

Между тѣмъ, внезапно открылось гоненіе на вѣрныхъ; (при Валеріанѣ и Галліенѣ) Саприкій взятъ былъ, и сдѣлался исповѣдникомъ Христовымъ.

Преторъ, которому представили его, предложилъ ему избрать одно изъ двухъ: или принести богамъ жертву, или идти на мученія и смертную казнь. Саприкій избралъ послѣднее. Его подвергли жестокимъ мученіямъ и онъ перенесъ ихъ съ твердостью. Наконецъ, повели его на смертную казнь.

Никифоръ, узнавъ о томъ, по-

спѣшили проститься съ мученикомъ, и, встрѣтивъ его на пути, палъ къ ногамъ его и говорилъ: „мученикъ Христовъ, прости меня. „Саприкій ничего не отвѣчалъ ему. Потомъ Никифоръ забѣжалъ на другую улицу, и предъ выходомъ изъ города опять молилъ Саприкія: „прости меня, мученикъ Иисуса Христа, прости меня теперь, когда ты получаешь вѣнецъ отъ Господа!“ Вражда и здѣсь связала языкъ Саприкія. Ликторы при этомъ говорили Никифору: „мы никогда не видали такого глупаго, какъ ты; что ты просишь милости у того, кто скоро будетъ безъ головы?“ Но Никифоръ отвѣчалъ имъ: „вы не знаете, а знаетъ Богъ, чего прошу я у исповѣдника Христова“. На самомъ мѣстѣ казни еще повторилъ Никифоръ свое прошеніе; но и тогда не могъ преклонить къ миру ожесточеннаго Саприкія. Чѣмъ-же кончилась столь упорная ненависть? Дивное и страшное дѣло! Исповѣдникъ Христовъ, претерпѣвшій за вѣру мученія, столь близкій уже къ вѣнцу мученическому, ослѣпленный враждою противъ ближняго, вдругъ измѣнился во врага Христова и сдѣлался богоотступникомъ!

Ликторы говорятъ Саприкію: „становись на колѣна и мы отрубимъ тебѣ голову“. Тогда Саприкій, какъ-бы помѣшавшись въ умѣ, спросилъ: „за что?“—За то, говорятъ ему, что ты не хотѣлъ приносить богамъ жертвъ, и презрѣлъ повелѣніе императоровъ“. „Нѣтъ, вскричалъ Саприкій; я исполняю повелѣніе императоровъ, я иду принести богамъ жертву!“

Такъ исполнились на немъ слова ап. Іоанна: „Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тмѣ, и во тмѣ ходитъ, и не знаетъ куда идетъ, потому что тма ослѣпила ему глаза. (1 Іоан. 2, 11).

Никифоръ, пораженный такою внезапною измѣною вѣрѣ, говорилъ Саприкію: „да сохранитъ Богъ тебя, братъ мой, отъ такого отступничества; не отрекайся Господа, не

отвергай вѣнца Его, претерпѣвши столько мученій! „Но тма, ослѣпившая душевныя очи братоненавистника, казалось, еще болѣе омрачила его,—и не любящій брата остался въ духовной смерти. (1 Іоан. 3, 14).

Никифоръ, видя непреклонность измѣнника вѣры, громко сказалъ ликторамъ: „Я христіанинъ, я вѣрую во имя Господа нашего Иисуса Христа; и такъ, меня казните вмѣсто Саприкія“. Ликторы донесли о семъ претору, и Никифоръ, въ награду за братолюбіе и смиреніе, получилъ вѣнецъ мученическій, потерянный непримиримымъ во враждѣ Саприкіемъ.

ВСТАВАЙ РАНО.

„Боже, Ты Богъ мой, Тебя отъ ранней зари ищу я“, ¹⁾ говоритъ царь Давидъ, и нѣсколько разъ въ псалмахъ его встрѣчается слово „рано“. „Я встану рано“, ²⁾ говоритъ онъ; онъ человѣкъ занятой, тѣснымъ заботами, огорченіями, онъ встанетъ рано для того, чтобы насытиться свѣтомъ Лица Божія, прежде чѣмъ узрѣть чье-нибудь лицо человѣческое.

Про многихъ и другихъ слугъ Божіихъ говорится намъ въ Писаніи, что они вставали рано.

Можно-бы назвать Авраама, Іакова, Моисея, Самуила, наконецъ, Иисуса Навина, завоевателя обѣтованной земли, мужественнаго, непрестанно бодрствующаго, который вставалъ рано, чтобы принять повелѣнія Божіи и исполнить ихъ. Также и переходя къ Новому Завету, часто встрѣчаемъ мы слово „рано“. Господь нашъ „утромъ, вставъ весьма рано, выпелъ, и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился“. ³⁾ Женщины, оплакивающія крестную смерть Его, пришли ко гробу Его „весьма рано“. ⁴⁾

Народъ Израильскій странствующій въ пустынѣ, долженъ былъ вставать очень рано, для того, чтобы собирать небесную манну. Та пища, которая должна была прокормить ихъ весь день, должна была быть собранной на зарѣ. „Путру насытитесь хлѣбомъ и узнаете, что Я—Господь“, ¹⁾ сказалъ Богъ, и вмѣстѣ съ утренней росой лежала пища обильная, Богомъ посланная, но надо было подняться съ ложа своего рано, чтобы эту пищу собрать.

И нынѣ есть пища небесная для народа Божія, и нынѣ долженъ онъ быть насыщенъ вдоволь, если хочетъ имѣть силу противустоять грѣху, вести побѣдительную брань противъ плоти и крови и всѣхъ козней діавольскихъ. Но можешь-ли быть насыщенъ, если голодные уста свои не открываешь и для принятія Божіей пищи времени не находишь! Есть дни праздничные, конечно, времена, положенныя для общей молитвы и эти времена и часы ты можешь быть и соблюдаешь. А каждый день? Каждый день тебя постигаетъ искушеніе, каждый день тебя люди раздражаютъ или огорчаютъ, или соблазняютъ, каждый день ты самъ склоняешь людей смутить или обидѣть, каждый день тебѣ трудиться надо, побѣждать зло надо, идти по узкому пути надо, безъ уклоненія, безъ колебанія, безъ остановки. „Кто способенъ къ сему?“ Тотъ воинъ способенъ сражаться, который облеченъ въ оружіе, который облекся, въ оружіе прежде, чѣмъ выступать на бой; а безоружному что предстоитъ, кромѣ пораженія? Ему и мѣста нѣтъ въ строю. Ранняя тревога пробуждаетъ воиновъ на дѣло; когда они въ оружіи, тогда только они готовы.

Что-же изъ этого выходитъ? „Вставай рано“—съ этого мы начали и это опять повторяемъ. „Я уже и безъ того рано встаю“, ска-

¹⁾ Псал. 62. 2.

²⁾ Псал. 56. 9.

³⁾ Марк. 1. 35.

⁴⁾ Марк. 16. 2.

¹⁾ Исх. 16. 12.

жешь ты, рабочій челоѣкъ. Стукнетъ рабочій часъ, такъ и вскочишь и бѣжишь безъ оглядки, чтобы не опоздать, чтобы выговора не получить, а пожалуй и отказа. Да, ты встаешь рано, для своего дѣла, своего мастерства, своей земной прибыли. — Встань еще пораньше для Бога. Встань еще пораньше, для того чтобы Господь видѣлъ, что ты прежде земной выгоды, царствія Божія ищешь, Его благословенія ищешь, свое слабое пустое сердце къ Нему приносишь, чтобы Онъ знающій, что тебѣ въ этотъ день предстоитъ, Самъ тебя чѣмъ нужно вооружилъ.

„Успѣю и послѣ“, скажешь ты.

Нѣтъ, не успѣешь послѣ, и если хочешь быть чистосердеченъ, то сознаешься, что это такъ: это **послѣ** никогда не приходитъ. Послѣ — что такое? Послѣ — заботы, и хлопоты, и суета мірская, и разговоры съ людьми, и ссоры съ людьми. Послѣ — сердце неспокойное, слова недобрыйя, нетерпѣливыйя, мысли грѣховныйя. Послѣ — если и дашь себѣ время подумать, сознаешь, что и тутъ грѣху поддавался и тамъ не такъ поступилъ, а все это не потому-ли, что безъ оружія вышелъ на бой?

У тебя времени мало, ночной отдыхъ коротокъ, — все это такъ, но четверть часа, (если не можешь больше) которая ты утромъ удѣлишь Богу, — неужели обѣдишь ты отъ этого? Неужели въ самомъ дѣлѣ, оскудѣютъ отъ этого твои силы, неужели не воздастъ тебѣ сторицею Господь, Источникъ всякой крѣпости, за то краткое время, что ты далъ Ему?

ВПЕРЕДЪ НЕ БУДУ.

(Изъ «Журнала Воскр. Чтеніе». Изд. 1837 — 1869 г.).

Знакомое слово. Сколько разъ мы сами повторяли его въ жизни! Сколько разъ слышали отъ другихъ!

Впередъ не буду.... Какими разнообразными тонами поется эта горькая пѣснь нашего паденія!

Впередъ не буду, кричитъ въ слезахъ дитя, и мало вѣрятъ обѣщанію его другіе, потому что тысячекратно сами давали его.

Впередъ не буду, говоритъ неопытный въ жизни юноша, въ первый разъ запятнавшій свое чистое сердце: это ошибка, думаетъ онъ, неопытность; еслибъ я зналъ.... Бѣдный юноша! Надъ тобой или смѣются или плачутъ, смотря потому, какъ на комъ отзывались слова твои, въ свое время также ими произнесенныя.

Впередъ не буду, съ чувствомъ произноситъ лицемѣръ, и старается выдать изъ глазъ своихъ непослушную слезу раскаянія, или придать себѣ видъ чистосердечія. Но какъ легко было сказать ему тѣ два слова, такъ легко и забыть о нихъ.

Впередъ не буду, уныло говоритъ впавшій въ бѣду; лишь-бы только Господь пронесъ это бѣдствіе какъ нибудъ мимо меня. И Господь пронеситъ бѣдствіе его надъ его головою; опасность минуетъ. Въ радости несчастный забываетъ о своемъ обѣтѣ, бѣжитъ опять на прежнюю дорожку, и съ безуміемъ снова кидается на встрѣчу бѣдѣ.

Впередъ не буду, съ досадою и рѣшимостью говоритъ исполненный силы и крѣпости мужъ совѣта, огорчаясь тѣмъ, что его побуждаетъ пустая и ничтожная мелочь жизни: все это несчастная забывчивость, думаетъ онъ, — нѣтъ, въ послѣдній разъ.... и еще долго, долго потомъ повторяетъ свое рѣшительное: въ послѣдній разъ.

Впередъ не буду, говоритъ грѣшникъ самому себѣ: пора позаботиться и о будущей жизни. Доколя же мнѣ колебаться всякимъ вѣтромъ?

Впередъ не буду, повторяетъ онъ, и ангелъ свидѣтель, можетъ быть, не безъ горести записываетъ слово его. Что-же бываетъ потомъ?

Впередъ не буду, говоримъ всѣ мы, пока видимъ, что у насъ есть еще **передъ** — время, въ которое можно что нибудъ сдѣлать. Но настанетъ часъ, когда этого времени не будетъ, когда у насъ останется одно только бесплодное и невозвратное прошедшее.

Что-же скажемъ мы тогда?...

ТЫ ТУТЬ.

Одна мать, разъ дала своему маленькому сыну игрушки и сказала ему чтобы онъ игралъ съ ними въ дѣтской, покуда она пойдетъ заниматься въ другую комнату. Прошло около получаса, вдругъ она услышала около двери шаги ребенка, дверь немножко растворилась и знакомый голосокъ спросилъ: „мама, ты тутъ?“

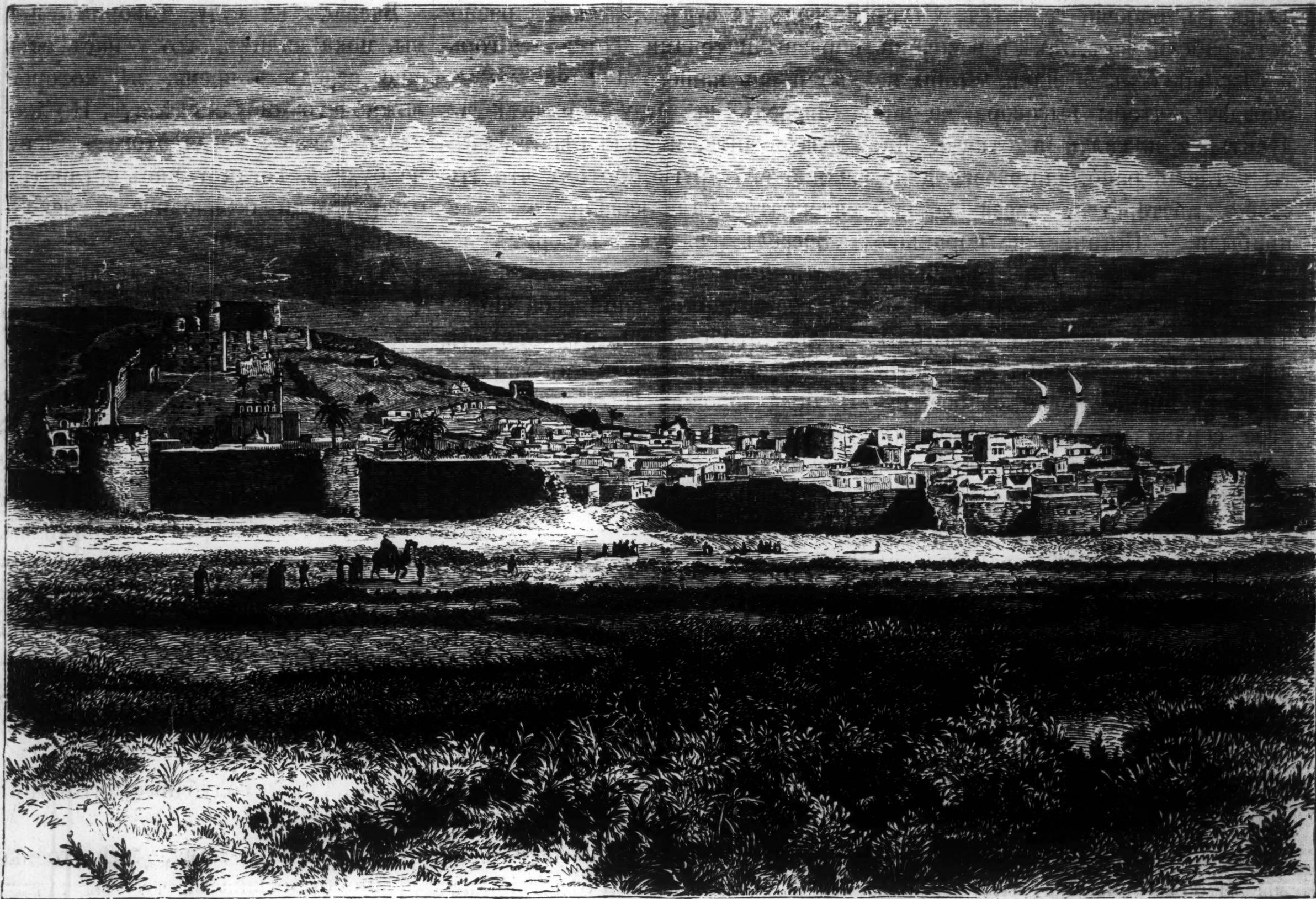
— „Тутъ, голубчикъ, что тебѣ надо?“

— „Ничего мама, мнѣ только нужно было знать, что ты тутъ“.

И мальчикъ опять спокойно пошелъ играть.

„Будьте какъ дѣти!“ Ребенку, хотъ онъ и не видѣлъ мать, нужно было знать, что она тутъ. Сколько довѣрья, сколько любви и сознанія своей безпомощности въ этомъ вопрое: „ты тутъ?“

У Господа станемъ-ли спрашивать: „Ты тутъ?“ когда мы знаемъ по слову Его, что Онъ съ нами. Спрашивать не станемъ, а напоминать станемъ и себѣ и другъ-другу: „Господи, Ты тутъ“. Отъ этихъ двухъ словъ въ сердцахъ, многое бы перемѣнилось въ жизни.

МОРЕ ГАЛИЛЕЙСКОЕ И ГОРОДЪ ТИВЕРІАДА.

МОРЕ ГАЛИЛЕЙСКОЕ И ГОРОДЪ ТИВЕРІАДА.

Море Галилейское; — два раза уже упоминали мы о немъ въ первой статьѣ нашей.

Необыкновенно красиво оно, говорятъ путешественники тамъ побывавшіе; не очень обширное, по этому называется также и **озеромъ** (Тиверіадскимъ или Геннисаретскимъ). Воды синія, прозрачныя, берега живописныя, мѣстность гористая, богатая, покрытая богатою растительностью. На одномъ берегу расположенъ былъ городъ Тиверіада, на другомъ—Капернаумъ.

Часто говорится намъ въ Евангеліи про море Галилейское. Много разъ стоялъ Господь нашъ у этого моря, или переправлялся черезъ не-

го въ лодкѣ, даже ходилъ чудеснымъ образомъ по водамъ когда „въ четвертую стражу ночи“ пошелъ успокоить застигнутыхъ бурей учениковъ Своихъ. Надъ волнами послышался голосъ: „это Я не бойтесь“; и вѣтеръ утихъ ¹⁾.

Притча о Сѣятелѣ и многія другія сказаны были на берегу этаго моря; или же Господь входилъ въ лодку и изъ лодки училъ народъ ²⁾.

Множество больныхъ тутъ же получали исцѣленіе; множество чудесъ было сотворено ³⁾.

„Пошелъ Иисусъ на ту сторону моря Галилейскаго, въ окрестности Тиверіады. За Нимъ послѣдовало множество народа, потому что видѣли чудеса, которыя Онъ творилъ

надъ больными. Иисусъ взошелъ на гору и тамъ сидѣлъ съ учениками Своими“. „Гдѣ намъ купить хлѣбовъ чтобы накормить ихъ?“ спросилъ Онъ, увидѣвъ множество народа. Оказалось только пять хлѣбовъ и двѣ рыбки; и этимъ насытилъ Господь пяти-тысячную голодную толпу ¹⁾.

И сердца голодные насыщали. Онъ живыми словами Своими. „Старайтесь не о пищѣ тлѣнной“, говорилъ Онъ, „но о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій“ ²⁾.

Вспомнимъ эти слова, сказанныя на берегахъ моря Галилейскаго, и **запомнимъ ихъ**.

¹⁾ Матѳ. 14. 22.

²⁾ Матѳ. гл. 13.

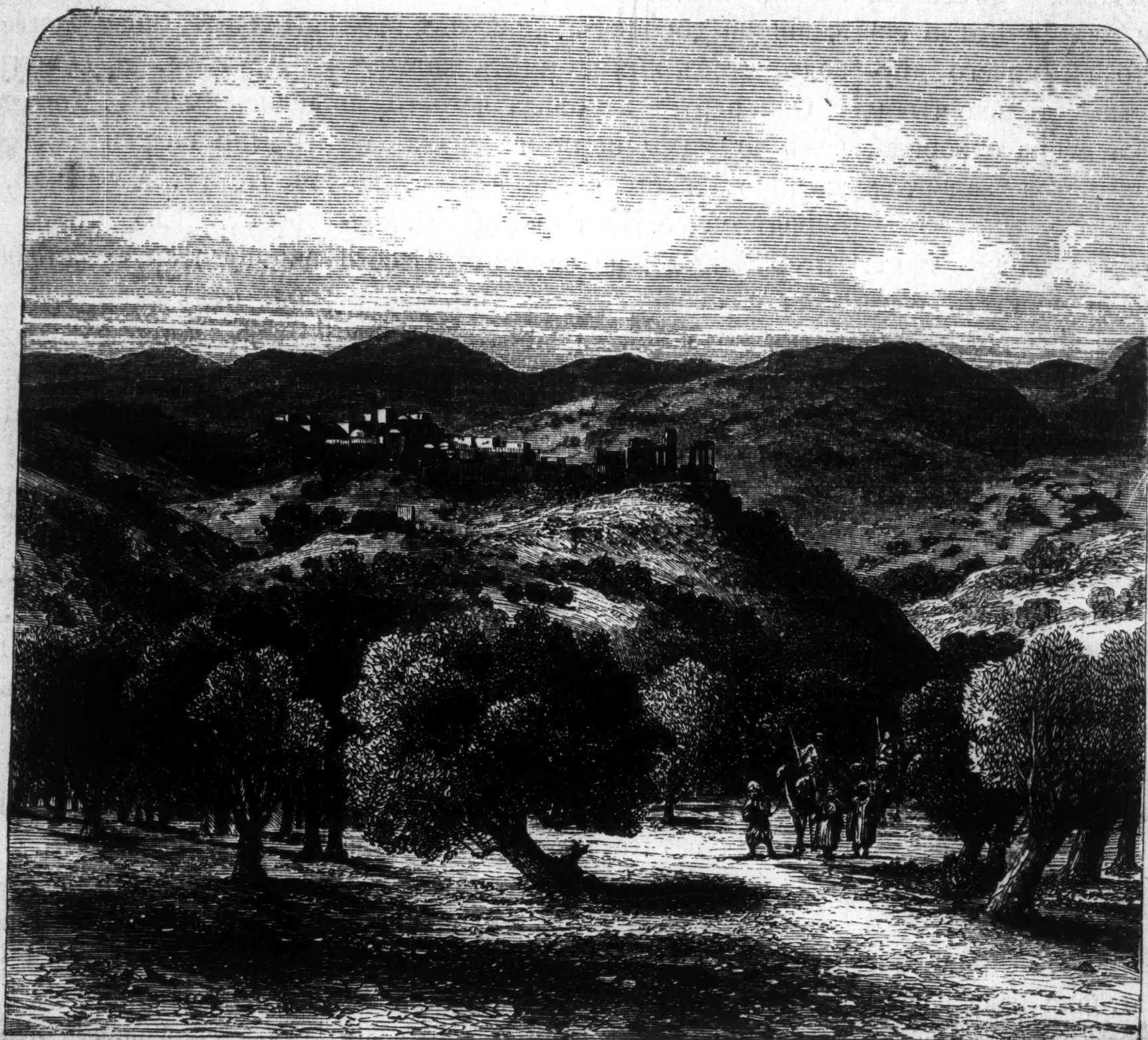
³⁾ Матѳ. 15. 29,—30.

¹⁾ Іоан. 6. 1.

²⁾ Іоан. 6. 27.

Условия подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

СИХАРЬ.

СИХАРЬ.

При названіи Сихарь, открывается намъ четвертая глава Евангелія отъ Іоанна, и кого встрѣчаемъ мы тутъ, около этого самарійскаго городка,—встрѣчаемъ Самого Господа. Перенесемся туда, въ этотъ знойный день, къ этому колодцу Іаковлеву, у самаго города, и остановимся.

Тутъ сидить, утрудившисьъ отъ пути, нашъ Спаситель, уста Его закрыты, Онъ одинъ, ученики пошли въ городъ купить хлѣба. Но не надолго молчаніе, недолго продлится время отдыха. Встанемъ поближе, сейчасъ услышимъ мы чудную бесѣду.

Идетъ изъ города женщина, за
водой, подошла къ самому колодцу
и слышитъ голосъ: „дай мнѣ пить“.

Удивилась она: просить пить Іудей, а вѣдь Іудеи съ Самарянами въ ссорѣ, не заговариваютъ даже другъ съ другомъ. Не знаетъ она, что заговорилъ съ нею Тотъ, Который пришелъ соединить всѣ сердца въ одну любовь. Она выражаетъ свое удивленіе; слушайте отвѣтъ: „Если-бы ты знала даръ Божій и кто говорить тебѣ: дай мнѣ пить, то ты сама просила бы у Него, и онъ далъ бы тебѣ **воду живую**“.

Женщина не понимаетъ, она смотритъ въ недоумѣніи на колодець подлѣ себя, и говоритъ: „тебѣ и почерпнуть нечѣмъ“, потомъ спрашиваетъ: „откуда-же у Тебя вода живая?“

Господь продолжаетъ:
— „Всякій, пьющій воду сію,
возжаждетъ опять“. Всякій, напол-

няющей душу свою какой-бы то ни было водою, которая течет на этой земле, **возжаждет** опять.

Душа безсмертная просить жизни вѣчной, просить прощенія грѣховъ, святости и общенія съ Богомъ, стремится къ Тому, Кто ея создалъ и возлюбилъ; душа безсмертная просить цѣлаго потока, чистаго и обильнаго, чтобы ея напиться вдоволь, а жажду ея хотятъ утолить одной каплей, и то нечистой. Жажду ея думаютъ утолить грѣхомъ, разными услажденіями грѣха, и она пьетъ отъ оскверненнаго источника и какъ будто замолчить на время, а потомъ опять закричитъ громче прежняго, еще съ большею тоскою, потому что не то ей нужно. И, наконецъ, настанетъ день, когда эта страшная, неутоленная жажда разразится раз-

дирающимъ крикомъ: „Господи, Господи, отвори намъ!“ Когда сознаетъ душа, что ей ничего другаго не нужно, какъ только чтобы Господь ей Свою дверь отворилъ, и эта дверь окажется запертою навсегда!

Да, велика будетъ жажда тѣхъ, которые пробовали напоить свою душу водою этого міра, будь она она даже съ виду и свѣтла, и привлекательна!

Самъ Творецъ, создавшій сердце человѣческое и извѣдавшій всѣ его тайны, сказалъ: „возжаждетъ опять“—дерзнемъ-ли мы прекословить!

„А кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“.

Возжаждетъ опять!

А тутъ нѣтъ больше жажды. Удовлетвореніе полное и вѣчное. Вода живая, которая жизнь вливаетъ въ душу и течетъ въ жизнь вѣчную. Вода, которая становится источникомъ глубокимъ, могучимъ, и этотъ источникъ все поглощаетъ, заливая всю душу, уноситъ изъ нея все нечистое, и стремится все быстрее и сильнее въ жизнь вѣчную. Откуда исходитъ, туда и возвращается, туда и душу человѣческую приносить. И какъ нуждалась она въ этой водѣ, сама того не сознавая! Какъ ожила она отъ нея, какъ расширилась, какъ возрадовалась!

И этой бѣдной, неразумной женщины хочетъ Господь влить въ душу воду живую, и ее хочетъ сдѣлать участницей той вѣчной жизни, которую Онъ принесъ какъ „даръ неизреченный“ на грѣшную землю.

И какъ можетъ она получить его?

„Ты попросила-бы у Него, и Онъ далъ-бы тебѣ“. (Ст. 10). Но, чтобы попросить—надо пожелать, надо, чтобы пробудилась жажда и вотъ она какъ будто пробуждается: смут-

но еще понимая то, что ей сказано, женщина говоритъ: „дай мнѣ этой воды, чтобъ мнѣ не имѣть жажды“.

Она вдругъ захотѣла чего-то, о чемъ до сихъ поръ не знала, но желаніе ея было еще слабое, неопредѣленное. Пастырь добрый, долготерпѣливый, не оставитъ Своего дѣла недоконченнымъ: Онъ достучится до самой глубины затемненной грѣхомъ души.

— „Пойди, позови мужа твоего“, говоритъ Онъ ей.

— „У меня нѣтъ мужа“, отвѣчаетъ она, и думаетъ, что этого отвѣта будетъ достаточно.

Но нѣтъ, всевидящій Глазъ проникаетъ дальше, Голосъ истины обличаетъ ее въ грѣховной жизни, такъ что она приходитъ въ сознаніе и восклицаетъ: „Господи, вижу что Ты Пророкъ“.

Она чувствуетъ себя виноватою, душа ея хочетъ какъ-нибудь вознестись къ Богу, она спрашиваетъ, чѣмъ Ему угодить, какъ и гдѣ Ему поклоняться; наконецъ, она упоминаетъ о Томъ желанномъ Мессіи, томъ Христѣ, Который долженъ прійти, Котораго ждуть, ждуть долго, и Самаряне, и Іудеи. Эта свѣтлая надежда соединяла во едино даже сердца, раздѣленные землею непріязнью. И Самарянка бѣдная ждала того-же самаго, чего ждали цари Іудейскіе, и первосвященники, и весь народъ. И вдругъ, въ отвѣтъ на ея слова: „знаю, что придетъ Христосъ“, слышитъ она: „Это Я, Который говорю съ тобою“.

Ничего и сказать не могла она на это, словъ не было, чтобъ выразить то, что почувствовала душа; она бросила водоносъ свой, побѣжала назадъ въ городъ и созываетъ всѣхъ:

„Пойдите, посмотрите человѣка, который сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала. Не Онъ-ли Христосъ?“ „Сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала“. Да, она сознала, что согрѣшила и готова была исповѣдать это передъ людьми; вмѣстѣ съ тѣмъ, какая неудержимая радость охватила ее,

и какъ спѣшить она сообщить ее: „Пойдите, посмотрите....“

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, дождались мы Того, Кого такъ жаждали?

„Они вышли изъ города и пошли къ Нему“. А ученики, между тѣмъ, просятъ Его, чтобы Онъ вкусилъ пицци, которую они достали, но Господь отвѣчаетъ:

„У Меня есть пицца, которой вы не знаете. Моя пицца есть творить волю Пославшаго меня и совершить дѣло Его“.

Господь, Сострадалецъ нашъ, эти грѣшные люди, которые толпятся къ Тебѣ, чтобы принять изъ устъ Твоихъ слова жизни, — вотъ она Твоя пицца! Нужна ли Тебѣ другая, въ эту минуту! Онъ глядитъ на идущій къ Нему изъ города алчущій и жаждущій народъ и говоритъ ученикамъ Своимъ: „возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“. Пора собирать эти колосья въ небесную житницу, чтобы не истопталь ихъ врагъ. Съ какою любовью глядитъ Спаситель нашъ на эти побѣлѣвшія нивы, на эти души, поспѣвшія къ жатвѣ, и какъ хочетъ Онъ возбудить ту же любовь и въ ученикахъ Своихъ!

„Возведите очи ваши и посмотрите“, проситъ Онъ ихъ.

И еще въ другомъ мѣстѣ: „Жатвы много, а дѣлателей мало и такъ, молитесь Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою“. ¹⁾

„Сбьющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ“. ²⁾ И радость эта ни съ чѣмъ другимъ несравнима.

Апостоль Павелъ испыталъ ее, и выражаетъ ее въ этихъ словахъ: „Какую благодарность можемъ мы воздать Богу за васъ, за всю радость, которою радуемся о васъ передъ Богомъ нашимъ“. ³⁾

Радость видѣть, что душа, мертвая во грѣхахъ, ожила, что душа темная, несчастная, пришла къ свѣту,—радость эта такъ велика, что

¹⁾ Матѣ. 9. 37, 38.

²⁾ Іоан. 4. 36.

³⁾ Фессал. 3. в.

ее объяснить нельзя тому, кто ея не испыталъ. Такъ велика, что ради этой радости Господь сошелъ съ небесъ и Апостолы Его готовы были трудиться день и ночь,—лишь бы только привести грѣшника къ Богу.

Многіе жители города Сихарь увѣровали во Христа, по словамъ женщины, которая созналась, что Онъ сказалъ ей все, что она сдѣлала. Они просили Его побыть съ ними, Онъ прожилъ въ этомъ городѣ два дня, и еще большее число людей увѣровали.

„Мы узнали, сказали они, что Онъ истинно Спаситель міра — Христосъ“.

Дивное дѣло было совершено у этого колодца, близъ города Сихарь: много сердець привлечено было къ живому Источнику, многіе утолили свою жажду навѣки.

И все еще этотъ Источникъ льется, и все еще есть жаждующія души, которыхъ Онъ къ Себѣ призываетъ.

ЧТО ЗА БѢДА!

Разскажу я вамъ про товарища моего молодого. Быть можетъ на пользу будетъ это вамъ; а у самага, какъ вспомнишь, просто сердце кровью обливается.

Росли мы съ Алешей, съ дѣтства, душа въ душу, мальчикъ былъ онъ ласковый, забавный; вмѣстѣ въ школу ходили, только воспитаніе давалось намъ дома разное.

Матери наши обѣ были вдовы, обѣ небогатые, и у каждой одна забота и радость—единственный сыночекъ. Но матушка моя, голубушка, была такая Божія душа. Никогда, казалось, не разлучалась она съ Богомъ и меня съ дѣтства Именемъ Божиимъ кормила. Не то, чтобы повторяла она это Имя Святое напрасно, необдуманно, какъ многіе дѣлаютъ; нѣтъ, у матушки оно всегда изъ души выливалось.

Именемъ Божиимъ останавливала она меня отъ худаго, Именемъ Божиимъ укрощала меня, когда я сердился, Именемъ Божиимъ утѣшала меня, когда я одно время долго былъ боленъ и скучалъ, лежа все на одномъ мѣстѣ. Маль я еще былъ тогда, многого не понималъ, а любовь матери къ Богу мнѣ точно своя сдѣлалась; говорила она о Немъ всегда такъ радостно и слова Евангелія повторяла, какъ будто ей это все такое близкое, родное, часто со слезами даже, но въ слезахъ этихъ печали не было. Я зналъ, что это матушка отъ любви сердечной къ Богу плачетъ, и мнѣ, малому ребенку, эта любовь капля за каплей въ сердце вливалась. Бывало, не послушаюсь я въ чемънибудь, а мать мнѣ не свои приказанія и правила выставляетъ, а такъ тихо, внушительно скажетъ: „Никита, Господь этого не любитъ. Намъ съ тобой надо Его во всемъ, во всемъ слушать. Не ты только, потому что маленький, долженъ слушаться, должна и я слушаться и тебѣ въ этомъ помогать“. И слушалась она дѣйствительно, ни въ чемъ никогда, казалось, Богу не прекословила. И я, глядя на нее, сталъ понимать что значить не по своей волѣ жить. Никогда я изъ устъ ея неправды не слышалъ, никогда она грубаго слова не скажетъ. Разъ, помню, былъ я еще маленький, лѣтъ десяти, спросили у насъ въ школѣ, за урокомъ закона Божія, есть-ли на свѣтѣ хоть одинъ человекъ безъ грѣха.

— „Есть, отвѣтилъ я,—моя мама“. Всѣ засмѣялись, а я удивился, чему они смѣются.

Но я, кажется, о матери заговорился, а вѣдь вамъ хотѣлъ про товарища разсказать.

У Алеши мать была на мою не похожа, давала она ему волю, баловала не въ мѣру, ни въ чемъ не перечила, и про Бога ему, должно быть, мало внушала, потому что онъ такъ дивился тому что слышалъ у насъ. Я очень его любилъ,

какъ брата родного, но когда мы оба выросли, я сталъ и горевать о немъ, не только любить его.

Алеша былъ такой легкомысленный, такъ легко сбивался съ пути, а какъ начнешь его уговаривать, онъ улыбнется тебѣ въ лицо, и шуткой отъ тебя отвернется.

— „Алеша, вѣдь это грѣхъ!“ часто говорилъ я ему, и казалось мнѣ, что этимъ все сказано; а онъ точно не понимаетъ; грѣхъ и соблазнъ называетъ невиннымъ удовольствіемъ; и такъ и кидался во всѣ стороны.

— „Что за бѣда! повторялъ онъ часто на то и другое, въ чемъ, по моему, была бѣда немалая. Что за бѣда! махнетъ головой и пошелъ по своей волѣ.“

Матушку мою ужъ Богъ взялъ въ свою обитель, а я работалъ на заводѣ и около осени отлучился на мѣсяць въ деревню повидаться съ ея родными. Возвращаюсь, а мнѣ кто-то знакомый повстрѣчался и говоритъ:

— „Знаешь-ли, Алеша при смерти лежитъ“.

Боже мой, какъ ударило меня въ сердце! Опрометью кинулся я къ нему, самъ не знаю какъ добѣжалъ, вхожу въ комнату—мать его сидитъ, заливаясь-плачетъ. Какъ увидѣла меня, вскочила съ мѣста, схватила за руки и потащила къ кровати, а тамъ лежитъ Алеша мой, самъ на себя не похожъ, на исхудаломъ лицѣ такое безпокойство, глаза закрыты, руки судорогами подергиваются.

— „Что съ нимъ?“ спросилъ я у матери.

— „Горячка, сказала она стараясь сдержать рыданія. Надѣлся докторъ, что поправится, а ему все хуже, хуже; теперь говорятъ, надежды нѣтъ никакой“. Она громко зарыдала и выбѣжала на лѣстницу.

Въ эту минуту Алексѣй открылъ глаза. Глаза слабые, мутные остановилъ онъ на мнѣ и хриплымъ голосомъ назвалъ меня по имени.

Я нагнулся къ нему, обнялъ его.

— „Никита, сказалъ онъ, вѣдь я умираю, какъ мнѣ страшно!..“

Я молчалъ, у меня у самого духъ захватывало.

— „Никита, вѣдь я Бога совсѣмъ не знаю..., а теперь и опомниться некогда,—смерть пришла; куда-же я дѣнусь!.. Ахъ какъ страшно!..“

Я все еще не могъ выговорить ни слова, а онъ схватилъ меня за руку и говоритъ:

— „Спаси меня..., молись..., чтобы Господь помиловалъ..., дажь-бы время хоть въ себя придти..., теперь я не могу..., я слабъ..., кабы дажь время опомниться..., молись“..., повторилъ онъ.

Глаза его закрылись — онъ лежалъ недвижимо, точно въ обморокъ.

Тутъ я очнулся.

Молись..., просилъ онъ, и стала душа моя къ Богу взывать. Я бросился на колѣни у кровати и умолялъ милосердаго Господа, помиловать Алексѣя, не дать ему погибнуть, продлить ему жизнь, чтобы онъ могъ опомниться. Всю ночь просидѣлъ я около него и худо ему было. Онъ бредилъ, метался, часто вскакивалъ и кричалъ: какъ страшно! Потомъ иногда жалобно, точно со слезами твердилъ: и опомниться некогда!

Я уговаривалъ его какъ могъ и молился. Молились и другіе за него, прошло еще нѣсколько дней тревоги, наконецъ заснулъ Алеша спокойно, спалъ долго и, послѣ этого сна, ему стало легче.

Медленно поправлялся онъ, долгое время и въ кровати даже сидѣть не могъ, но мы ходили за нимъ день и ночь, и такъ были рады, что опасность миновала.

Какъ благодарилъ я Бога въ тотъ день, какъ мы съ нимъ въ первый разъ прошли по комнатѣ! Шатался онъ на ногахъ, я его усадилъ, подаль ему поѣсть и говорю:

— „Алеша, другъ, какую Господь тебѣ и намъ милость показалъ! Тебѣ теперь въ жизни только и дѣла, что Ему служить!

Алеша молчалъ.

Что-же это онъ ничего не отвѣчаетъ? подумалъ я себѣ, и какъ-то сжалось у меня сердце.

— „Алеша, началъ я опять, дажь тебѣ Господь время опомниться, пусть-же это время и будетъ Божье, не давай врагу попутать тебя; скоро ты будешь совсѣмъ здоровъ, сколько ты опять встрѣтишь грѣха! Алеша, сбереги свою душу для Бога, не отдавай ее врагу“.

Алеша слушалъ меня, по дружбѣ, но видно было, что наскучили ему мои рѣчи. Какъ заговоришь о Богѣ, такъ онъ молчитъ, а разъ пришелъ я къ нему, когда у него другіе товарищи сидѣли, рассказывали ему о разныхъ мірскихъ дѣлахъ, и Алеша мой больше всѣхъ говоритъ, и лицомъ такъ оживился.

Это ему болѣе по душѣ, подумалъ я и много опасался я за него.

Выздоровѣлъ Алеша совсѣмъ, принялся опять и за работу и за прежнюю жизнь.

Меня онъ не забывалъ, сердце вѣдь у него было доброе, ко мнѣ часто заходилъ и къ себѣ звалъ, а я ему все свое твердилъ. Не постоянно, конечно, чтобы не докучать, а все таки нѣтъ, нѣтъ, и скажу: „берегись, Алеша, не по Божьему живешь ты, и опомниться тебѣ все некогда“.

Опять тотъ-же отвѣтъ: „что за бѣда?...“

Ахъ, ужъ я этого отвѣта просто даже и слышать не могъ.

Какъ, что за бѣда! когда лежалъ-же при смерти, въ страхѣ и трепетѣ, и объ одной только милости просилъ, чтобы дажь Богъ время опомниться. Вѣкъ свой не забуду я испуганнаго лица его, въ то время.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вздумалось Алешѣ непременно въ море уйти. Нрава онъ былъ живого, безпокойнаго, все чего ни-будь новенькаго хотѣлось, и вотъ теперь на сушѣ жить надоѣло, надо въ море отправляться. Приняли его

на какое-то купеческое судно матросомъ, и онъ самъ не свой отъ радости. Мать плачетъ, отговариваетъ: „ты у меня одинъ сынъ, на кого старуху оставляешь?“ а онъ обнадеживаетъ ее: скоро опять приѣду, и слезами ея мало огорчается. Пришелъ со мной прощаться, а я ему Евангеліе въ руки, мое собственное, которое у меня отъ матери осталось и говорю:

— „Нѣтъ у меня въ цѣломъ свѣтѣ ничего дороже, а для тебя не жалъ. Алеша, голубчикъ, пожалѣй ты душу свою“.

Онъ заплакалъ, повернулся и пошелъ.

Черезъ нѣсколько дней ужъ Алеша былъ далеко, а мы, съ матерью его, поджидали отъ него вѣсточекъ.

Прошли мѣсяцы и пришла вѣсть, да не отъ него, а объ немъ. Писалъ капитанъ парохода, что попивалъ Алексѣй и разъ въ нетрезвомъ состояніи перекачнулся черезъ бортъ и упалъ въ воду. Всячески пытались его спасти и не могли! Такъ и погибъ!.. Такъ и не опомнился!

Бѣдная мать съ горя потомъ скоро и сама умерла, а я—не забыть мнѣ Алешу никогда. Какъ стану думать о немъ, такъ и заноситъ сердце. Есть у меня теперь и жена, и дѣти свои, и живетъ мнѣ хорошо, а объ Алешѣ все тужить не перестаю. Все мнѣ чудится лицо его и голосъ его, какъ онъ сказалъ: Никита, молись..., а потомъ вдругъ, точно слышу, какъ онъ безпечно говоритъ: что за бѣда!...

Не знаю я лицомъ къ лицу того, кто будетъ читать мой рассказъ, но вѣдь всѣ мы братья, всякому желаетъ сердце истиннаго добра.

Есть намъ еще время опомниться, пусть не пропадетъ у насъ это время. Его потомъ не вернешь и тогда будетъ великая бѣда!

Что за бѣда, твердимъ мы, потому что не видимъ гибели души своей, а какъ стукнетъ послѣдній

часть, кто укроетъ насъ отъ великой бѣды, которую сами на себя накликали?

АВТОБІОГРАФІЯ АПОСТОЛА ПАВЛА.

Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Иерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи; они издавна знаютъ обо мнѣ, если захотятъ свидѣтельствовать, что я жилъ по учению фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи ¹⁾.

Я іудеянинъ, родившійся въ Тарсѣ Киликійскомъ, воспитанный въ семь городѣ при ногахъ Гамалиила, тщательно наставленный въ отеческомъ законѣ ²⁾. Если кто думаетъ надѣяться на плотъ, то болѣе я: обрѣзанный въ восьмой день, изъ рода Израилева, колѣна Веніамина, еврей отъ евреевъ, по учению фарисей, по ревности гонитель церкви Божіей, по правдѣ законной непороченъ ³⁾.

Я думалъ, что мнѣ должно много дѣйствовать противъ имени Иисуса Назарея,—это я и дѣлалъ въ Иерусалимѣ. Получивъ отъ первосвященниковъ власть, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ. И по всѣмъ синагогамъ я многократно мучилъ ихъ, и принуждалъ хулить Иисуса, и въ чрезмѣрной противъ нихъ ярости преслѣдовалъ даже и въ чужихъ городахъ ⁴⁾.

Не смотря на сіе—я помилованъ, потому что такъ поступалъ по невѣдѣнію, въ невѣріи. Помилованъ для того, чтобы Иисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него, къ жизни вѣчной ⁵⁾.

Идя въ Дамаскъ со властью и съ порученіемъ отъ первосвященниковъ, среди дня на дорогѣ, я увидѣлъ съ неба свѣтъ, превосходящій солнечное сіяніе, осіявшій меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы упали на землю и я услышалъ голосъ, говорившій мнѣ на еврейскомъ языкѣ: Савлъ, Савлъ, что ты гонишь меня? Трудно тебѣ идти противъ рожна. Я сказалъ: „Кто Ты, Господи?“ Онъ сказалъ: „Я Иисусъ, Котораго ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои, ибо Я для того и явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ и что Я открою тебѣ, избавляя тебя отъ народа Іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ Я теперь посылаю тебя: открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ тьмы къ свѣту и отъ власти сатаны къ Богу и вѣрою въ Меня получили прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными“. Поэтому, я не воспротивился небесному видѣнію, но сперва жителямъ Дамаска и Иерусалима, потомъ всей землѣ Іудейской и языникамъ проповѣдывалъ, чтобы они покались и обратились къ Богу, дѣлая дѣла достойныя покаянія ¹⁾.

Потомъ, спустя три года, ходилъ я въ Иерусалимъ видѣться съ Петромъ и пробылъ у него дней пятнадцать. Другого-же изъ Апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Іакова, брата Господня. Послѣ сего, отошелъ я въ страны Сиріи и Киликіи.

Потомъ, черезъ четырнадцать лѣтъ, опять ходилъ я въ Иерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. Ходилъ же по откровенію и предложилъ тамъ и особо знаменитѣйшимъ благовѣтствованіе, проповѣдуемое мною языникамъ,—не напрасно-ли я подвизаюсь или подвизался. Но и знаменитые не возложили на меня ничего болѣе. Напротивъ того, увидѣвъ, что мнѣ ввѣренно благовѣстіе для необрѣзан-

ныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, (ибо Содѣйствовавшій Петру въ Апостольствѣ у обрѣзанныхъ, содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ); и узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Кифа и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ языникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ, что и старался я исполнять въ точности ¹⁾.

Я наименьшій изъ Апостоловъ и недостойнъ называться Апостоломъ, потому что гналъ церковь Божію. Но благодатію Божіею есмь то, что есмь, и благодать Его во мнѣ не была тщетна, но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился; не я, впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною ²⁾.

Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ Іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сорокъ ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской. Много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лже-братьями; въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и въ жадѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ. Кромѣ постороннихъ приключеній у меня ежедневное стеченіе людей, забота о всѣхъ церквяхъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого-бы я не воспламенялся?

Если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немощью моею.

Знаю человека во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать

¹⁾ Дѣян. 26, 4, 8.

²⁾ Дѣян. 22, 8.

³⁾ Фил. 3. 4—6.

⁴⁾ Дѣян. 26, 9—11.

⁵⁾ 1 Тим. 1, 13, 16.

¹⁾ Дѣян. 26, 12—20.

¹⁾ Гал. 1, 13, 19, 21 и 2. 4—10.

²⁾ 1 Кор. 15, 9, 10.

лѣтъ (въ тѣлѣ-ли, не знаю, внѣ-ли тѣла, не знаю—Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла—Богъ знаетъ) что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизрѣченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать.

Такимъ человѣкомъ могу хвалиться, собою-же не хваюсь, развѣ только немощами моими.

Впрочемъ, если захочу хвалиться, не буду неразуменъ, потому что скажу истину, но я удерживаюсь, чтобы кто не подумалъ о мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видятъ или слышатъ отъ меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны удручаютъ меня, чтобы я не превозносился. Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его отъ меня, но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается въ немощи. И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мнѣ сила Христова. Посему я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа, ибо когда я немощенъ, тогда силенъ ¹⁾).

Все что для меня было преимуществомъ, то, ради Христа, я почелъ тщетою. Да и все почитаю тщетою, ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа моего. Для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы приобрести Христа, и найтись въ Немъ не съ своею праведностью, которая отъ закона, но съ тою, которая чрезъ вѣру во Христа, съ праведностью отъ Бога, по вѣрѣ ²⁾).

Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ, а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судья, въ день

онный, и не только мнѣ, но и всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его ¹⁾).

Будьте подражателями мнѣ, какъ я—Христу. ²⁾

Будьте, какъ я, потому что и я, какъ вы ³⁾).

ЛАДНО.

Какъ часто бываетъ, что люди говорятъ „ладно“ про то, что совсѣмъ не ладно. И много приключается отъ этого бѣды.

— „Зайдемъ въ питейную, Иванъ, выпьемъ стаканчикъ“.

— „Ладно“, отвѣчаетъ Иванъ.

А что-же тутъ ладнаго? Иванъ выпиваетъ не стаканчикъ, а гораздо больше; дома у него жена ждетъ заработка, чтобы хлѣба купить, а заработокъ пропалъ въ питейной, и совѣсть у Ивана виномъ заглушается, а тамъ смотришь, пришелъ домой не въ своемъ видѣ, съ пустыми руками, жена плачетъ, дѣти ѣсть просятъ, а онъ бранится, сердитый такой сталъ, точно они, бѣдные, виноваты передъ нимъ. Нѣтъ, дѣло-то вышло совсѣмъ не ладно.

— „Пойдемъ, прогуляемъ день, вмѣсто того, чтобы идти на работу, говоритъ юноша своему товарищу, а завтра, коли станутъ вычитать изъ жалованья, придумаемъ что больны были, или другое что нибудь“.

— „Ладно“, отвѣчаетъ тотъ, не обдуманно, и пошли оба по дурному пути праздности и обмана такъ же весело, какъ будто идутъ по хорошему. Даже и не помутится ничего въ душѣ, точно въ самомъ дѣлѣ ладно дѣлаютъ. И на другой день обманомъ увертываются отъ справедливаго выговора, а тамъ дальше, обманъ все легче дается.

— „Смотри, крѣпка-ли веревка, выдержитъ-ли вѣсъ человѣка“, кричитъ подрядчикъ одному изъ ра-

бочихъ. Копаютъ колодезь, надо спустить туда человѣка.

— „Ладно“, отвѣчаетъ рабочий. Отвѣчаетъ: ладно, а веревку не осмотрѣлъ какъ слѣдуетъ, спустил на авось, а она и оборвалась. Попадѣлись на его „ладно“, а вышло то какъ не ладно! Молодой парень, который спускался въ колодезь, ушибся чуть не досмерти, переломилъ себѣ ногу... Сколько тутъ было страху, стоновъ, печали, пролежалъ парень нѣсколько недѣль безъ работы, а старушка мать все тужила и о немъ, кормильцѣ своемъ, и о нуждѣ ихъ горькой. Долго не могъ онъ поправиться, а вѣдь сказано было про веревку: „ладно“.

— „Смотри, староста, не давай молодцамъ курить на сѣновалѣ, говоритъ хозяинъ, нечаянно бросятъ спичку, а тамъ далеко ли до бѣды...“

— „Ладно, баринъ“, отвѣчаетъ староста небрежно и самоувѣренно. Напрасно, думаетъ онъ, опасается баринъ, не вчера вѣдь мы родились. Сами знаемъ, что дѣлать“.

Улегся староста спать, рабочими предостереженія не далъ, оставилъ ихъ безъ надзора, и вотъ среди ночи бѣда страшная стряслась: отъ одной спички вспыхнуло все зданіе; пока добудились людей, много приключилось несчастія: сгорѣлъ сѣноваль, сгорѣла сосѣдняя избушка, въ которой жилъ одинъ изъ рабочихъ съ семействомъ; среди глухой ночи, стали задыхаться отъ дыма, сами милостію Божіею уцѣлѣли, а ребеночка спасти не могли,—обгорѣлъ онъ весь и задохся.

А барыня молодая отъ страха захворала и долго пролежала въ постели больная.

Ахъ, какъ вышло не ладно!

Сколько зла, сколько несчастія выходитъ на свѣтъ изъ-за того, что человѣкъ не строго примѣтилъ себѣ, что ладно и что нѣтъ, и не по этому строгому правилу живетъ. Живетъ онъ такъ, что у него и то и другое въ жизни перемѣшано, живетъ онъ какъ-то слѣпо, какъ-то

¹⁾ 2 Кор. 11. 23—30 и 12. 2—10.

²⁾ Фил. 3. 7—9.

¹⁾ 2 Тим. 4. 7—8.

²⁾ 1 Кор. 11. 1.

³⁾ Гал. 4. 12.

небрежно, не принимая во вниманіе того, что каждый шагъ его на землѣ есть добро или зло, и другихъ людей ведетъ къ тому или другому. Живетъ человѣкъ безопасно, живетъ какъ живется, какъ въ ту минуту захочется, и не замѣчаетъ, что затемняется у него пониманіе и не разобрать ужъ ему и въ самомъ дѣлѣ, что ладно и что нѣтъ. Идетъ онъ ко грѣху такъ же легко, такъ же весело, какъ будто на то и созданъ, чтобы грѣшить, какъ будто всякій грѣхъ не есть горькая язва, смертельный ядъ, отъ котораго надо бѣжать. Привыкъ онъ ко грѣху, притупилось у него сознаніе, онъ дѣлаетъ зло, иной разъ величайшее, кровавое зло, и у него сердце не дрогнетъ, ему это все равно. Грѣшить спокойно, безъ страданія, безъ боли сердечной, какъ ужасно до этого дойти! Это смерть!...

А Господь вѣдь создалъ человека не для того, чтобы онъ сквернилъ себя и другихъ, не для того, чтобы онъ жилъ какъ попало и умеръ какъ попало. Богъ человеку славную жизнь назначилъ, и на эту жизнь ему полное руководство въ Своемъ Словѣ далъ.

Богу угодно, чтобы человѣкъ, который Его позналъ и называетъ себя христіаниномъ, сдѣлался „новой тварью“, переродился духомъ такъ, чтобы ему отвратиться отъ всякаго грѣха, во всѣхъ его видахъ, и другихъ отъ грѣха отводить. Богъ даетъ крылья несчастному, ползающему созданію, чтобы поднять его къ Самому Себѣ, чтобы тянуло его не въ смрадную тину, а въ вольный, чистый воздухъ.

Рыба охотно плещается въ водѣ и головы оттуда не поднимаетъ, такова ужъ ея природа, тамъ ей и мѣсто; а превратись эта рыба въ птичку, не потянетъ ли ее вонъ изъ воды къверху, къверху. И если нечаянно попадетъ она въ воду, если обмочатся крылышки, какъ будетъ она выбиваться оттуда, стряхиваться и рваться прочь, опять на воздухъ! „Развѣ же есть

безгрѣшные люди на землѣ“, скажетъ ктонибудь, такіе, которые-бы никогда въ воду не попадали, все бы только на крыльяхъ къ Богу возносились. Нѣтъ, случается и такой душѣ, у которой крылья есть, согрѣшить, но какъ больно ей, какъ скорбитъ она отъ этого, какъ плачетъ, какъ живо сознаетъ, какъ вызываетъ и къ Богу, и къ людямъ, чтобы простили, какъ рада она стряхнуть съ себя нечистое и опять выйти на свѣтъ Божій!

Другъ читатель, понятно вѣдь все это твоему сердцу; неправда-ли? Скажешь ты, можетъ быть: все это правда. Внемли-же этой правдѣ, пусть она внутрь тебя упадетъ и по этой правдѣ поступай; **вотъ это будетъ ладно.**

ПОДНЕСИТЕ КЪ СВѢТУ.

Хочешь купить чтонибудь лучше, повыгоднѣе, не торопись рѣшаться, поднеси сперва къ свѣту. Вотъ эта матерія тебѣ нравится, но посмотри сперва на свѣтъ, не окажется-ли, что и ткань рѣдка, и цвѣтъ не такъ хорошъ, какъ казалось. Отойдешь отъ окна и пожалуй скажешь: нѣтъ, не куплю. Фарфоръ подносишь къ свѣту, — тутъ увидишь, прозраченъ-ли онъ, чистъ-ли онъ, всякое пятнышко разглядишь, которое раньше было незамѣтно. И многое другое, только какъ поднесешь къ свѣту, такъ окажется въ настоящемъ видѣ. Платье твое кажется тебѣ чисто, пока ты въ темномъ углу сидишь, а подойди-ка къ окошку, — чего-чего только не окажется на твоёмъ платѣ: и запачкано оно, и въ пыли оно, и разорвано оно, пожалуй, кое-гдѣ, а пока къ свѣту не подонелъ, казалось, ничего, еще носить можно.

Посуда какаянибудь кажется цѣлою, а посмотришь на свѣтъ, гдѣнибудь щель окажется, хоть и маленькая, а все-таки узнаешь, что посуда къ употребленію не годится.

Къ больному ты приходишь, занавѣски въ комнатѣ спущены.

— „Мнѣ гораздо лучше, говоритъ онъ, я почти совсѣмъ здоровъ“ и самъ ты обнадежился.

Вѣдь и вправду, кажется, ужъ беспокоиться нечего. Погоди, подними занавѣску, пусть ударитъ свѣтъ на твоего больного и увидишь ты, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Смотри, какъ исхудалъ, какъ подъ глазами посинѣло, какъ губы поблѣднѣли, все это тебѣ раньше не видно было.

Нѣтъ, много еще надо ухода, много заботы; плохъ еще больной, какъ на свѣтъ посмотришь. Да, многое, многое только и узнаешь хорошенько, когда къ свѣту поднесешь. А поглубже посмотримъ, и тутъ не такъ-ли выйдетъ? Выхваляешься ты тѣмъ и другимъ, что ты сдѣлалъ, а быть можетъ, оно тебѣ хорошимъ кажется потому, что ты во тьмѣ или въ полутьмѣ сидишь, поднеси-ка къ свѣту это дѣло твое, это слово твое, окажется-ли оно въ самомъ дѣлѣ такъ безупречно, какъ ты думалъ...

Поднеси душу твою къ свѣту, — чего ты тамъ только не найдешь, о чемъ раньше не подозревалъ.

А гдѣ-же свѣтъ для души?

„Говорилъ Іисусъ къ народу и сказалъ имъ:—Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“¹⁾.

Къ этому свѣту истинному поднеси твою душу, увидишь, какъ она нечиста, но не отчаивайся: Господь можетъ очистить ее; и живи во свѣтѣ, тогда падать не будешь, оступаться такъ часто не будешь, и оцѣнишь все, какъ есть. Ближе къ свѣту — это надо твердить другъ другу, тогда-бы грѣха и соблазна было поменьше. Къ свѣту понесемъ свою душу, свою жизнь, свои поступки и свѣта бояться не станемъ. Увидимъ болѣзнь нашу, но зато узнаемъ и исцѣленіе.

¹⁾ Ев. Іоан. 8. 12.

ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ.

ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ.

Дитя хочет напоить усталого раба и покупает ему чашу холодной воды. Великая рѣдкость, иной разъ, вода на Востокъ! Страна жаркая, обширныя пустыни, гдѣ иногда пространствуешь долгое время и не встрѣтишь ручейка. Продавцы воды разносятъ ее въ кожаныхъ мѣшкахъ и продаютъ, — и какъ рады бывають, хоть за какую угодно цѣну, добыть чашу холодной воды!

Господь Иисусъ Христосъ гово-

ритъ про „чашу холодной воды“, данную во Имя Его“; ¹⁾ драгоценна была эта чаша для измученнаго жаждой!

Какъ драгоценна и та чаша холодной воды, которая вливается въ душу, изнуренную знойною жизнью земною! Какъ много значить то доброе слово, тотъ ласковый привѣтъ, который ободритъ ее, освѣтитъ ее, дастъ ей силу дальше идти по трудному пути! И мало очень такихъ чашъ раздается въ мірѣ.

А если эта чаша дается во Имя Христа, она не только напоитъ человека разъ, она укажетъ ему на тотъ Источникъ воды живой, гдѣ онъ можетъ быть напоенъ **всегда**; чаша воды, привлечетъ къ Источнику воды и тогда жажда душевная умолкнетъ навсегда.

Стоялъ Иисусъ и возгласилъ, говоря: „Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“. ²⁾

¹⁾ Марк. 9 и.

²⁾ Иоан. 7. 37.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Сиб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ЧЕТЫРЕ ПЛѢННИКА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

ЧЕТЫРЕ ПЛѢННИКА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Умѣешь-ли ты, когда слѣдуетъ, сказать **нѣтъ**?

Было разъ на землѣ четверо юношей, которые сумѣли сказать **нѣтъ**, хотя имъ это было трудно, даже очень трудно. Всѣ они были молодые, привезенные изъ родины въ дальнюю страну. Всѣ они были плѣнники могущественнаго царя, который имѣлъ надъ ними полную власть. Всѣ они были красивые, поэтому обратили на себя царское вниманіе и могли надѣяться на особую царскую милость.

Онъ желалъ, чтобы они три года обучались разнымъ наукамъ и искусствамъ, назначилъ имъ пищу съ своего собственнаго стола, а послѣ трехъ лѣтъ они должны были вступить на службу и постоянно находиться при царѣ.

Юношей этихъ звали Даниилъ, Ананія, Мисаилъ и Азарія, родина ихъ была Иерусалимъ, и увезены они были оттуда въ плѣнъ царемъ Вавилонскимъ. Выслушали они повелѣніе и что-же оставалось имъ дѣлать,—имъ, одинокимъ, беззащитнымъ, въ чужой странѣ,—какъ повиноваться?

Но былъ у нихъ въ сердцѣ законъ, не рукой человѣческой начертанный, и котораго рука человѣческая изгладить не могла: законъ того Бога всемогущаго, Который почитался въ ихъ родинѣ и Котораго они сами почитали всѣмъ сердцемъ. Этотъ законъ они не могли ни забыть, ни нарушить. И вотъ, въ отвѣтъ на приказаніе, одинъ изъ нихъ, Даниилъ, говоритъ поставленному надъ ними начальнику, что они не могутъ оскверниться предлагаемой имъ пищей, потому что она посвящена идоламъ и это въ законѣ Божіемъ строго запрещается.

— „Боюсь я господина моего царя“, отвѣчаетъ начальникъ, „который самъ назначилъ вамъ пищу и питье“.

И уговариваетъ онъ отроковъ принять пищу, но они отворачиваются отъ нея (см. картину) и говорятъ: „нѣтъ“. Неумолимы они, не поддаются ни соблазну, ни увещеваніямъ; ахъ какъ глубоко, должно быть, врѣзался имъ въ душу законъ Божій!

Начальникъ, видя, что они еще такъ молоды, думаетъ, что легко разжалобить ихъ и говоритъ:

— „Если царь увидитъ, что лица ваши худощавѣе, чѣмъ у другихъ вашихъ сверстниковъ, то вы сдѣлаете голову мою виновною передъ нимъ“.

Но и это не помогло: сердца были хоть и молодыя, но твердыя. Они не сдались, только предложили испытать ихъ.

— „Сдѣлай опытъ надъ рабами твоими въ теченіи десяти дней: пусть дадутъ намъ въ пищу овощи и воду для питья и потомъ пусть явятся передъ тобою лица наши и лица тѣхъ отроковъ, которые питаются царской пищей, и затѣмъ поступай съ рабами твоими, какъ увидишь“.

Начальникъ согласился и испытывалъ ихъ десять дней. Сколько въ теченіи этого времени, вѣрно, возносилось молитвъ изъ юныхъ сердецъ! Какъ живо было упованіе на Бога Израилева! Онъ прославить Имя Свое и поможетъ слугамъ Своимъ крѣпко держаться закона Его до конца.

И вотъ, прошло десять дней и надежду ихъ не постыдилъ Господь. Когда позвали ихъ передъ начальника, лица ихъ оказались красивѣе и полнѣе, чѣмъ у всѣхъ тѣхъ юношей, которые питались царскими кушаніями.

Кто изъ читающихъ Священное Писаніе не знаетъ и дальнѣйшую жизнь этихъ четырехъ плѣнниковъ, описанную въ книгѣ пророка Даниила?

Кто не знаетъ, что за этимъ первымъ шагомъ на пути послушанія Богу, слѣдовали многіе другіе, и что уклоненія съ этого пути

не было ни на право, ни на лѣво!

Кто не читалъ про огненную печь, въ которую впослѣдствіи посажены были Ананія, Мисаилъ и Азарія за-то, что не согласились послушаться Бога своего? Или про львиный ровъ, куда брошенъ былъ Даниилъ за то, что молился своему Богу три раза въ день?

Мы сказали въ началѣ, что трудно имъ было сказать „нѣтъ“; трудно по земному разсужденію, трудно, потому что обстоятельства были противъ нихъ, потому что поддержки человѣческой не было, но на самомъ дѣлѣ, трудно-ли сердцу, въ которомъ начертана воля Божія, исполнить эту волю? **Нѣтъ**, оно иначе не можетъ: его покорила эта Воля. Оно скажетъ: лучше умереть, лучше терпѣть всякое поношеніе и лишеніе, чѣмъ пойти, въ чемъ-нибудь, противъ Бога. Оно скажетъ это искренно; и много было на свѣтѣ такихъ людей,—благодареніе Господу,—которые рѣшились лучше умереть, чѣмъ согрѣшить; и ихъ умертвили, но побѣда все таки осталась на ихъ сторонѣ.

Да, умѣемъ-ли мы, сказать: **нѣтъ**, когда нужно?

Многое въ жизни отъ этаго зависитъ: сказать **нѣтъ** именно когда нужно. Иные люди часто и рѣзко говорятъ: **нѣтъ**; но это **нѣтъ** такое своевольное, такое неласковое! Не хотятъ оказать ближнему услугу, не хотятъ для этого побороть лѣнь или себялюбіе, и въ отвѣтъ на просьбу,—сухо говорятъ: **нѣтъ**.— Не за Бога стоятъ эти люди, а за себя; не Его славу берегутъ, а свои удобства, или выгоды.

Другіе искренно любятъ Бога, и сердце у нихъ громко кричитъ: **нѣтъ**,—въ отвѣтъ на то, что противно Богу;—но выговорить этаго они не смѣютъ: мужества не хватаетъ; страхъ человѣческій сковываетъ имъ уста. И малодушіе доводитъ ихъ до того, что они идутъ противъ закона Божія, противъ собственнаго своего сердца,—и поддаются искушенію.

Юные плѣнники, на чужой сторонѣ, научите вы и насъ возлюбить Божій законъ и исполнить его, чего бы оно ни стоило! Вразумите вы юношей нашихъ, чтобы они поняли, что не въ старые годы только надо смириться передъ Богомъ и Его волею; а что, во всякомъ возрастѣ, эта Воля Святая есть наше благо, наша отрада, наша сила, наше великое приобритеніе.

Научи Ты насъ, Самъ Господь,—творить то что благоугодно Тебѣ, и не устами только, а всею нашею жизнью, сказать:

да будетъ воля Твоя!

ПЛАЧЪ НАРОДА.

„Весь народъ плакалъ, слушая слова закона“ (Нееміи 8, 9).

Мало любятъ, вообще, законъ въ наше время. По крайней мѣрѣ, мало любятъ исполнять его. Въ извѣстномъ смыслѣ, законъ признается, люди обучаются закону Божію, потому что это требуется, знаютъ многія слова закона на память, но возлюбить законъ, возлюбить его всею сердцемъ, какъ царь Давидъ, когда онъ сказалъ:

„Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу—повелѣнія Господа праведны—веселятъ сердце“¹⁾—

какъ это рѣдко въ нашъ вѣкъ! Народъ сталъ слабый, между тѣмъ—невоздержанный и непокорный. Хочетъ сбросить съ себя всякое иго, вырваться на свободу, между тѣмъ, свобода эта грѣховная, потому что нѣтъ разума, Богомъ просвѣщеннаго, нѣтъ сердечнаго подчиненія волѣ Божіей.

Давидъ молилъ:

„Открой очи мои и увижу чудеса закона Твоего“²⁾.

Просимъ-ли мы о томъ, чтобы Господь далъ намъ узрѣть эти чудеса, вкусить всю сладость этого закона?

Далѣе, онъ говоритъ:

„Потеку путемъ заповѣдей Твоихъ“³⁾.

Значитъ, **побѣгу** охотно, безъ прекословія, радостно, усердно, только потому, что это путь Твоихъ заповѣдей.

Кто изъ насъ можетъ сказать: „побѣгу путемъ заповѣдей Твоихъ“, когда мы знаемъ, какъ часто идемъ прямо напротивъ воли Божіей, а если и слушаемся Его, то какъ медленно, какъ неохотно, какъ уныло!

Еще далѣе:

„Вразуми меня, и буду соблюдать законъ Твой и хранить его всею сердцемъ“⁴⁾.

Вразуми меня для того, чтобы мнѣ Твой законъ соблюдать и хранить. Ахъ, въ наше время не то говорятъ люди!

Ничтожный разумъ свой ставятъ они напротивъ Бога, спорятъ съ Его закономъ, и бѣдное, немощное созданіе дерзаетъ судить своего Создателя и вмѣсто того, чтобы смиренно подчиниться Его слову, нагло превозносится надъ Нимъ.

„Какъ стѣснительно подчиняться!“ говорятъ люди, какое рабство признать надъ собой верховную волю, передъ которой смиряешься! Однако-же, былъ такой человекъ, который далъ обѣщаніе „хранить законъ Божій во вѣки и вѣки“, и сказалъ, что именно этотъ законъ далъ ему узнать истинную свободу.

„Буду ходить свободно, ибо я възыскалъ повелѣнія Твои“⁵⁾.

Свобода отъ оковъ грѣха, свобода отъ рабства лукавому, свобода, къ которой призвана всякая душа, созданная по образу и подобию Божію и искупленная Христомъ.

„Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“⁶⁾.

Это не та свобода, которая оскверняетъ душу грѣхомъ, гнететъ ее къ смерти, а та, которая ведетъ ее въ жизнь и святость.

И этотъ законъ, который для многихъ кажется стѣсненіемъ и рабствомъ, какъ огражденъ онъ для души, Богомъ просвѣщенной! Послушаемъ опять Давида:

„Какъ люблю я законъ Твой, весь день размышляю о немъ! Я люблю заповѣди Твои болѣе золота и золота чистаго“⁷⁾.

Да, возлюбить можно этотъ законъ, не только подчиняться ему!—Намъ это странно кажется, въ этотъ нашъ безначальный вѣкъ, когда люди стремятся къ тому, чтобы свергнуть всякое благое иго, разрушить Богомъ учрежденный порядокъ, когда по словамъ пророчества:

„Юноша нагло превозносится надъ старцемъ“⁸⁾;

когда подчиненіе родителямъ считается излишнимъ, устарѣлымъ, когда юныя, неразумныя сердца, въ слѣпой, необузданной самоуверенности, готовы затоптать всякую власть, лишь-бы только провести во всемъ свою волю. Было время, когда люди еще помнили то проклятіе, которое изречено было устами Божіими на тѣхъ, которые словесно отца или мать, и не почитаютъ ихъ; теперь объ этомъ забыли, теперь этому не вѣрятъ... Слово Божіе остается, однако, неизмѣннымъ! Не видно еще того проклятія, которое тяготѣетъ надъ виновной, непокорной головою, но придетъ время, оно разразится страшною карою. Горькими слезами не отворишь этой кары и не смоешь слѣдовъ этой тяжелой вины.

Вернемся теперь къ тѣмъ словамъ Писанія, съ которыхъ мы начали; прибавимъ еще только одно слово. Многіе люди любятъ иногда читать Евангеліе, любятъ перечи-

¹⁾ Псал. 118, 8, 9.

²⁾ Псал. 118, 18.

³⁾ Псал. 118, 32.

⁴⁾ Псал. 118, 34.

⁵⁾ Псал. 118, 45.

⁶⁾ Ев. Іоан. 8, 32.

⁷⁾ Псал. 118, 72, 97.

⁸⁾ Исая 3, 5.

тивать всѣ утѣшительныя слова про любовь Божію, любятъ умиляться надъ страданіями Христа, но никогда не можемъ мы какъ слѣдуетъ вникнуть въ Евангеліе, не можемъ понять все его значеніе, пока не признаемъ и не сознаемъ мы всю силу, все величіе, всю важность, всю святость закона, того закона, который Христосъ пришелъ не разрушить, а исполнить, и любовью Своею, начертать на сердцахъ каждаго изъ насъ:

„Вложу законы Мои въ мысли ихъ и напишу ихъ въ сердцахъ ихъ“⁹⁾.

Посмотримъ, какъ отнесся къ этому закону народъ, про который говорится въ книгѣ Нееміи.

Итакъ, въ началѣ восьмой главы говорится, что собрался „**весь народъ**“, какъ одинъ человекъ, и сказали книжнику Ездру, чтобы онъ принесъ книгу закона“. Весь народъ собрался, единодушно, въ одномъ желаніи: слушать законъ Божій. Они не боялись этого закона, потому что они въ эту минуту были искренни, они желали, чтобы этотъ строгій законъ проникъ имъ въ глубину сердца, какъ Давидъ, когда взывалъ:

„Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое. Испытай меня, и узнай помышленія мои, и зри, не на опасномъ ли я пути и направь меня на путь вѣчный“¹⁰⁾.

Народъ **пожелалъ** слушать законъ, и для того, чтобы всѣмъ было слышно, священнику Ездру устроили деревянное возвышеніе, на которомъ онъ стоялъ, и подлѣ него еще тринадцать человекъ, шесть по правую руку и семь по лѣвую. Ездра открылъ книгу закона передъ глазами всего народа и когда онъ открылъ ее—весь народъ всталъ. Онъ началъ съ того, что благословилъ Господа Бога великаго, и весь народъ дважды отвѣчалъ „Аминь“ поднимая къ небу руки и наклоняясь лицомъ до земли. Послѣ этого, онъ началъ читать. Удивительное было

это чтеніе! Сказано, что онъ читалъ на площади, которая передъ водяными воротами, отъ разсвѣта до полудня, передъ муштинами и женщинами и всѣми которые могли понимать, и повидимому никто не утомился: „уши всего народа были преклонены къ книгѣ закона“.

Для насъ, пожалуй, и получаса такого чтенія было-бы достаточно. Намъ скоро наскучило-бы слушать, здѣсь же читалось отъ разсвѣта до полудня и **всѣ внимали**.

Для того, чтобы слушать такъ внимательно, надо было, чтобы они понимали то что слышали. И вотъ, куда Ездра читалъ, нѣсколько толкователей, стоявшихъ въ толпѣ, объясняли народу прочитанное. Читали изъ книги Закона Божія внятно и присоединяли толкованіе и народъ понималъ прочитанное“. Не только понималъ, но вникалъ всѣмъ сердцемъ.

Представимъ себѣ это великое собраніе, эти внимательныя лица, эти чудныя слова древняго закона, которые лились изъ устъ читающаго прямо въ сердца слушателей. Вотъ, что говорилъ Богъ отцамъ ихъ, какъ избавлялъ Онъ ихъ, какъ хранилъ и велъ Своею рукою, какой завѣтъ заключилъ съ ними, какъ предостерегалъ ихъ, какъ много разъ прощалъ ихъ и какъ возмущались они противъ Него! Припомнилось все прошлое, быть можетъ забытое: дивныя обѣщанія Божіи и жестокосердіе тѣхъ, которыхъ Онъ избралъ, и осыпалъ милостями; и весь народъ плакалъ, слушая слова закона.

Откуда этотъ плачь? Плачь, должно быть, былъ сильный и продолжительный, потому что сказано, что Левиты стали унимать и успокаивать народъ, говоря имъ: „перестаньте, ибо день сей святъ, не печальтесь“.

О чѣмъ же плакать народъ такъ много? Посмотрите въ Посланіе къ Римлянамъ и найдете отвѣтъ:

„Закономъ познается грѣхъ“¹¹⁾.

Они слушали и эти слова закона проникли имъ въ душу: они сознали, какъ виновны они передъ этимъ святымъ закономъ. Вглядѣвшись въ этотъ законъ, какъ въ зеркало, они увидѣли себя нечистыми, глубоко оскверненными, и заплакали. Свѣтъ Божій показалъ имъ, сколько въ нихъ темноты, любовь Божія показала имъ, сколько въ нихъ жестокосердія и холодности, всѣ милости Божіи показали имъ, сколько въ нихъ неблагодарности и черствости, заповѣди Божія, ясно прочитанныя и объясненныя, показали имъ, сколько въ нихъ своеволия и непокорности. Они вникли во все это, взглянули внутрь себя, осудили себя, и слезы полились ручьями.

„Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣми силами твоими“¹²⁾.

Они знали, что они этого не исполнили.

„Будь непороченъ передъ Господомъ Богомъ твоимъ“¹³⁾.

И этого не исполнили.

„Берегись, чтобы ты не попалъ въ сѣть“¹⁴⁾.

„Берегись, чтобы ты не забылъ“¹⁵⁾.

„Старайтесь тщательнѣе исполнять“¹⁶⁾.

Они не берегли себя отъ зла, не помнили, и не старались.

„Господа Бога твоего бойся“¹⁷⁾.

Они Бога не боялись.

„Твердо храните заповѣди Господа Бога вашего“¹⁸⁾.

Они ихъ не сохранили.

Господу сказалъ ты нынѣ, что Онъ будетъ твоимъ Богомъ и что ты будешь ходить путями Его и хранить постановленія Его и заповѣди Его и законы Его и слушать гласа Его; и Господь обѣщалъ тебѣ нынѣ, что ты будешь собственнымъ Его народомъ, какъ Онъ говорилъ тебѣ“¹⁹⁾.

¹²⁾ Втор. 6, 5.

¹³⁾ Втор. 18, 13.

¹⁴⁾ Втор. 12, 30.

¹⁵⁾ Втор. 4, 29.

¹⁶⁾ Ис. Нав. 22, 5.

¹⁷⁾ Втор. 6, 13.

¹⁸⁾ Втор. 6, 17.

¹⁹⁾ Втор. 26, 17, 18.

⁹⁾ Евр. 8, 10.

¹⁰⁾ Псал. 138, 23, 24.

¹¹⁾ Рим. 3, 20.

Это торжественное обѣщаніе они нарушили!

„Глаза ваши видѣли всѣ великія дѣла Господа, которыя Онъ сдѣлалъ. И такъ, соблюдайте всѣ заповѣди Его“ ²⁰⁾.

Эти заповѣди они преступили.

„Вы сыны Господа Бога вашего“ ²¹⁾.

Отца своего они забыли, и исполнилось это слово Господне:

„Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня“ ²²⁾.

Дальше Господь говоритъ:

„Если-же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего,... то придутъ на тебя всѣ проклятія сія и постигнуть тебя“ ²³⁾.

И пришли они, эти проклятія. Благодатная страна, назначенная для нихъ Богомъ, которая должна была простираться до самой рѣки Ефратъ, какъ она сократилась, какъ уменьшилась, сколько разъ топтали ее враги!

Народъ сколько разъ былъ побѣжденъ непріателемъ, разсѣянъ, униженъ, уведенъ въ плѣнъ. Цѣлыя два поколѣнія прошли въ плѣну и теперь они вернулись, но только одна горсть ихъ осталась въ сравненіи съ тѣмъ, что было. И всему этому они сами виноваты! Да, было имъ о чемъ плакать!

Почему-же сталъ унимать этотъ плачъ Неемія? Вѣдь плакать о грѣхахъ хорошо и полезно; оно смиряетъ гордое сердце человѣческое.

Да, и поплакалъ народъ и вошелъ онъ въ сознаніе; а потомъ Левиты стали успокоивать его этими словами: „день сей святъ Господу Богу вашему, не плачьте и не печальтесь“. Господь хочетъ смирить, сокрушить, но Онъ-же хочетъ и вознести и обрадовать. Господь хочетъ какъ блуднаго сына, такъ и народъ довести до того, чтобъ онъ закричалъ: „Согрѣшилъ я... встану и пойду къ Отцу моему“. А затѣмъ, если этотъ крикъ искренній, Гос-

подъ, съ прощеніемъ Своимъ, съ милостію Своею, спѣшитъ на встрѣчу и говоритъ:

„Возьмите лучшую одежду, и одѣньте его, дайте перстень на руку его и обувь на ноги,... ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“.

„День сей святъ Господу Богу вашему“!

День святой радости, въ который Господь призываетъ народъ Свой къ Себѣ: сначала смиряетъ, облачаетъ его, потомъ даруетъ прощеніе и возстановляетъ союзъ любви.

„Не печальтесь, потому что радость передъ Господомъ — подкрѣпленіе для васъ“.

Такъ утѣшаетъ Неемія плачущій народъ: **радостію передъ Господомъ**; не тою радостію грѣховною, которая происходитъ отъ безпечности, отъ легкомыслія, отъ земной суеты, а тою чистою радостію, которою можетъ радоваться человѣкъ только передъ лицомъ Господнимъ. Радость, которую Онъ даетъ такой душѣ, которая вылила передъ Нимъ всѣ грѣхи свои; радость, которая возноситъ къ Нему и укрѣпляетъ на служеніе Ему.

„Пойдите, ѣшьте тучное и пейте сладкое, и посылайте части и тѣмъ, у которыхъ ничего не приготовлено“.

„Приведите откормленнаго теленка и заколите, станемъ ѣсть и веселиться“, говоритъ Спаситель въ притчѣ о блудномъ сынѣ ²⁴⁾.

Была скорбь великая, и нужда и плачъ, а теперь отрада великая и радость святая.

„И пошелъ весь народъ ѣсть и пить и **посылать части** и праздновать съ великимъ веселіемъ, ибо **поняли слова**, которыя сказали имъ“.

Посылали части отъ своего достатка неимущимъ, ибо радость передъ Господомъ всегда обильна и всегда дѣлится съ другими.

Поняли слова, и пробудилось сердце: сперва заплакало,—а потомъ возрадовалось.

²⁴⁾ Лук. Ев. 15. 23.

Народъ русскій! что думаешь ты объ этомъ? Не призываетъ-ли и тебя Господь къ тому, чтобы ты внялъ словамъ закона Его!

Оглянись на себя, взглянись поглубже, повнимательнѣе, а главное, взглянись въ святой законъ Божій и не опустишь-ли ты тогда главу свою? Гдѣ твое усердіе къ исполненію этого закона, гдѣ твоя любовь къ Богу и людямъ; на которую изъ заповѣдей Божіихъ можешь ты указать и сказать: „я это въ точности исполнилъ“. Взгляни на юношей твоихъ, на дѣтей твоихъ, какимъ путемъ идутъ они: пьянство, самоубійство, злодѣйства всякаго рода, обманъ и неправда! Развѣ не видишь ты, что погибаютъ они въ пороки и что зло умножается?!

Качаютъ головами иные благочестивые старцы и съ горестію глядя на нынѣшнее поколѣніе говорятъ: „Какъ ослабѣлъ народъ, какъ Бога забываетъ!“

И многими слезами хотѣлось-бы обливать русскую землю, умоляя Господа о прощеніи.

Бываютъ, правда, минуты сознанія, но какъ онѣ скоро проходятъ!

Разразится какое-нибудь бѣдствіе—голодъ или болѣзнь страшная, и скажетъ народъ: „это за грѣхи наши“. А минуетъ бѣда, минуетъ и сознаніе—всѣ старые грѣхи опять всплываютъ, и потокъ нечистый снова заливаетъ сердца.

Пожалѣй себя! Внемли словамъ закона! Ты имѣешь ихъ въ священномъ Писаніи, и это Писаніе теперь въ рукахъ или въ домѣ почти у каждаго. Заплачешь и ты, если примешь эти слова къ сердцу; плачь такъ, какъ плакалъ тотъ народъ, и Господь утѣшитъ тебя. Не оставитъ Онъ тебя въ плачѣ и въ уныніи, не слезами будешь ты хвалить Его, — милостію Своею възвѣститъ Онъ тебя.

Святъ будетъ и для тебя тотъ день, когда ты въ искреннемъ сознаніи предстанешь передъ Господомъ; Онъ отретъ твои слезы, Онъ явитъ тебѣ любовь Свою, Онъ воз-

²⁰⁾ Втор. 11, 7. 8.

²¹⁾ Втор. 14, 1.

²²⁾ Исаіа 1, 2.

²³⁾ Втор. 28, 15.

несетъ тебя въ радость передъ Нимъ, и въ этой радости ты окрѣпнешь и прославишь Его.

ДОЧЬ ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.

(Изъ жизни древнихъ царей Іудейскихъ.)

Въ небольшой комнатѣ, у раскрытаго окна, сидѣла за ткацкимъ станкомъ молодая дѣвушка. Передъ окномъ растилалась роскошная долина Іосафатская, близъ Іерусалима; а за нею гора Елеонская и селеніе Вифанія. По другую сторону, виднѣлось бѣлое, роскошное зданіе, блистающее на солнечномъ свѣтѣ: это былъ чудный храмъ, построенный царемъ Соломономъ Господу Богу Израилевому. Домъ, въ которомъ находилась молодая дѣвушка, принадлежалъ первосвященнику; она была его дочь и звали ее Іеруша.

Вотъ, сидитъ она у окна и усердно работаетъ, по временамъ, поглядывая на заходящее солнце. Быстро мелькаетъ челнокъ въ искусныхъ рукахъ. Вдругъ, онъ остановился: работа окончена. Іеруша поспѣшно стала отцѣплять богатую ткань отъ станка, осторожно свернула ее, и взявъ на руки, подошла къ двери. Но прежде чѣмъ она успѣла растворить дверь, солнце зашло, и въ ту-же минуту и въ домѣ, и внѣ дома, прекратился шумъ всякой работы, всякаго занятія. Не слышно стало ни звука топора, ни молота, ни пилы, не слышно стало колесъ на улицѣ, умолкли крики торговцевъ, настала полная тишина. Только изъ храма стала разноситься по воздуху стройная, звучная пѣснь хвалы.

Молодая дѣвушка постояла нѣсколько минутъ не двигаясь, потомъ съ глубокимъ вздохомъ раскрыла руки, и богатая ткань скатилась на полъ. Тутъ и пыль могла упасть на нее, и чья нибудь нога могла нечаянно ступить на нее, но ру-

ки, которыя надъ ней трудились, не смѣли ее поднять.

„Опоздала,“ шептала дѣвушка, „теперь ужъ нечего дѣлать, а я надѣялась, что еще успѣю убрать ее въ свою комнату до заката.“

Занавѣсь, которая висѣла надъ дверью, тихо раздвинулась и женщина уже пожилая, высокаго роста, вошла въ комнату.

— „Ты здѣсь еще; въ рабочей комнатѣ, Іеруша? воскликнула она. Развѣ ты не знаешь, что святой день субботній уже начался?“

— „Знаю, мать моя; и онъ засталъ меня въ ту минуту, какъ я принималась убирать работу.“

— „Почему же ты такъ засидѣлась, до самой послѣдней минуты? Развѣ я не говорила тебѣ чтобы ты оставляла работу, какъ только увидишь что заходитъ солнце.“

— „Правда,“ отвѣтила Іеруша смиренно, „но мнѣ хотѣлось докончить мою ткань, — оставалось уже такъ не много. Неужели я согрѣшила, мать моя?“ спросила она съ безпокойствомъ, поднимая на мать встревоженные глаза.

— „Чуть было не преступила ты заповѣдь Божию, дочь моя. Гдѣ-же ты была, когда солнце зашло?“

— „Здѣсь, гдѣ и теперь стою, съ моей тканью на рукахъ; а когда я услышала пѣніе изъ храма, я выпустила ее изъ рукъ, и вотъ она лежитъ на полу.“

— „Хорошо, теперь пойдемъ со мной.“

Іеруша съ жалостью оглянулась на свою красивую работу.

— „Матушка, сказала она робкимъ голосомъ, нельзя-ли приказать рабамъ убрать ее въ мою комнату, она здѣсь такъ запылится.“ Темные глаза матери засверкали гнѣвомъ.

— „Ты жалѣешь твою работу, сказала она строго, а о томъ не жалѣешь, что ты ради ткани твоей, готова была нарушить святой день покоя и накликать судъ Божій на Израиля. Оставь эту тряпку тамъ, гдѣ она лежитъ, — неужели она те-

бѣ дороже Бога Всевышняго и Его закона?..“

Іеруша покраснѣла, опустила голову и молча послѣдовала за матерью. Обѣ спустились внизъ и вошли въ довольно большую комнату. Тамъ, на небольшомъ диванѣ, сѣла мать, а дочь стала передъ ней.

— „Который псаломъ слѣдуетъ читать въ эту субботу?“ спросила мать.

Іеруша въ отвѣтъ медленно повторила 122-й Псаломъ:

„Къ Тебѣ возвожу очи мои, Живущій на небесахъ!“

„Вотъ, какъ очи рабовъ обращены на руку господъ ихъ, какъ очи рабы — на руку госпожи ея, такъ очи наши къ Господу Богу нашему, доколѣ Онъ помилуетъ насъ.“

„Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, ибо довольно мы насыщены презрѣніемъ.“

„Довольно насыщена душа наша поношеніемъ отъ надменныхъ и уничиженіемъ отъ гордыхъ.“

Мать слушала, благоговѣнно, наклонивъ голову, и когда она докончила, сказала:

„Аминь! Хорошо, что ты приготовилась къ празднику, прежде чѣмъ принялась за работу; но въ другой разъ будь осторожнѣе и убери ее до заката. Вотъ, кажется, и отецъ твой идетъ.“

Іеруша подошла къ двери, чтобы встрѣтить его. Дверь растворилась и въ комнату вошелъ первосвященникъ Садокъ, человекъ лѣтъ шестидесяти, въ длинномъ, темномъ одѣяніи, съ голубой шелковой каймой.

Жена привѣтствовала его словомъ „миръ“; а Іеруша преклонила передъ нимъ колѣна, онъ положилъ ей руки на голову и сказалъ: „да благословитъ тебя Всевышній, дочь моя!“ потомъ сѣлъ на диванъ.

— „Ты рано вернулся изъ храма сегодня, господинъ мой,“ сказала жена.

— „Старъ становлюсь я, Сусанна;“ отвѣтилъ онъ, „многое что раньше дѣлалъ самъ, теперь при-

ходится поручать другимъ, которые по моложе.“

Жена посмотрѣла на него съ безпокойствомъ:

— „Годами ты еще не старъ“, сказала она.

— „Не годами, такъ немощью своею; силы уходятъ“.

— „Отецъ мой,“ сказала Іеруша, „еслибъ я только была сынъ твой, а не дочь, я бы служила священникомъ въ храмѣ и помогала тебѣ.“

— „Будь довольна, дитя мое, тѣмъ, что для тебя Богъ назначилъ“, отвѣтилъ отецъ улыбаясь, „еслибы для тебя хорошо было служить въ храмѣ, — Господь-бы это такъ и устроилъ“.

Въ эту минуту вошли два ея брата, двадцати-двухъ и девятнадцати лѣтъ, и привѣтствовали отца и мать также словомъ „миръ“; первосвященникъ всталъ, благословилъ ихъ и вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующее утро, Іеруша одѣлась въ бѣлую одежду и приготовилась вмѣстѣ съ другими дѣвицами идти въ храмъ. Дѣвицы также принимали участіе въ богослуженіи, стояли на ступенькахъ храма, играли и пѣли хвалебныя пѣсни Богу. Іеруша, какъ дочь первосвященника, была одна изъ первыхъ. Вмѣстѣ со старшимъ братомъ, священникомъ, отправилась она въ храмъ, и тутъ присоединилась къ своимъ подругамъ.

Сначала онѣ всѣ издали и молча присутствовали пока приносилась утренняя жертва; какъ только сталъ возноситься дымъ, отъ жертвенника, на которомъ лежалъ заколотый агнецъ, всѣ благоговѣнно наклонили головы. Послѣ принесенія жертвы, начиналась самая служба, начиналась съ благословенія. Первосвященникъ Садокъ въ облаченіи, появившись на верхней ступени и поднявъ руки надъ головой, произнесъ громкимъ голосомъ, торжественное благословеніе, назначенное Самимъ Богомъ для народа Своего:

„Да благословитъ тебя Господь и да сохранить тебя,“!

„Да призритъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ, и помилуетъ тебя!“

„Да обратитъ Господь лицо Свое на тебя и дастъ тебѣ миръ!“

Послѣ этого Іеруша повела дѣвицъ въ притворъ, гдѣ къ нимъ присоединились двѣнадцать левитовъ, назначенныхъ, чтобы управлять хоромъ. И тутъ они расположились на пятнадцати ступеняхъ, ведущихъ во внутренность храма, и всѣ, глядя прямо къ Святилищу, стали пѣть назначенные псалмы и хвалебныя пѣсни. Нѣкоторые дѣвицы играли на гусляхъ и другихъ инструментахъ, но все это происходило чинно, въ строгомъ порядкѣ, въ глубокомъ сознаніи присутствія Божія.

Послѣ богослуженія Іеруша съ братьями вернулась домой.

Поздно въ тотъ-же вечеръ, когда уже день субботній считался оконченнымъ, Іеруша опять сидѣла въ рабочей комнатѣ, и вставляла въ пальцы роскошный кусокъ матеріи для вышиванія, когда вдругъ услышала вблизи лошадиный топотъ.

Это случалось не очень часто въ Іерусалимѣ, верхомъ ѣздили обыкновенно, люди особенно знатные или богатые; топотъ приближался и остановился у ихъ дома, Іеруша забыла наставленіе матери, что молодой дѣвушкѣ, слѣдуетъ сидѣть за работой, а не выглядывать на улицу, не утерпѣла — и подбѣжала къ окну.

Всадникъ былъ молодой, роскошно одѣтый, за нимъ ѣхали, также верхомъ, двое провожатыхъ. Онъ вошелъ въ домъ, побывъ тамъ нѣсколько времени, потомъ вышелъ и уѣхалъ. Іеруша недоумѣвала, кто-же бы это могъ быть? Вѣроятно, одинъ изъ царскихъ сыновей; но зачѣмъ пріѣхалъ онъ, въ такой поздній часъ? что нужно ему въ домѣ первосвященника? Іеруша наклонилась изъ окна; на крыльцѣ стоялъ отецъ

ея, и лицо его было грустное, озабоченное.

Молодая дѣвушка вернулась къ своей работѣ, и все раздумывала, что-же такое случилось?

За ужиномъ ничего она не узнала; отецъ былъ задумчивъ и молчаливъ, мать и старшій братъ, по видимому, чѣмъ-то очень довольны.

Она взглянула въ лицо младшаго, ближайшаго своего товарища, но и тутъ ничего разобрать не могла. Пошла Іеруша спать, но не спалось ей въ эту ночь: разныя мысли одна за другой проносились въ головѣ, и глаза несмыкались до утра.

Отчего же такъ разстроены отецъ и такъ довольна мать: рѣдко случалось между ними какое-бы то ни было несогласіе.

Въ разныхъ думахъ и предположеніяхъ прошла ночь, и на слѣдующее утро Іеруша была такъ блѣдна, что мать спросила: здорова ли она?

„Здорова,“ отвѣтила она, только очень мало спала.“

Мать взглянула на нее, но ничего не сказала.

Все утро занималась Іеруша домашней работой, а послѣ полудня, когда стало очень жарко, одолѣла ее дремота — она прилегла на своемъ диванчикѣ и заснула.

Черезъ нѣсколько времени, она сквозь сонъ еще услышала въ сосѣдней комнатѣ голоса отца и матери. Мать говорила громко, съ возбужденіемъ. „Господинъ мой, неужели хочешь ты, разстроить счастье ея? подумай, что лучшаго могли-бы мы для нея придумать, какъ сочетать ее съ домомъ царей Израильскихъ“.

Тутъ Іеруша совсѣмъ проснулась, сердце ея сильно забилося, она съ напряженіемъ стала прислушиваться, что скажетъ отецъ.

— „Домъ царей Израильскихъ сталъ храмомъ идоловъ,“ сказалъ Садокъ первосвященникъ, горестно.

— „Не говори этого, господинъ мой“ возразила жена, „вѣдь это же

домъ Давида праведнаго, и Соломона премудраго.“

— „Давидъ былъ праведенъ и вѣренъ Богу,“ отвѣчалъ Садокъ со вздохомъ, „а у Соломона сердце уже уклонилось къ чужестраннымъ богамъ, потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; развѣ ты забыла Гоолю, дочь Іезавели которая осквернила царскій домъ, пролила родную кровь и поставила боговъ языческихъ у самага предверья храма?... Нѣтъ, жена моя, не хорошъ твой совѣтъ въ этомъ дѣлѣ.“

— „Но чѣмъ-же коснется насъ нечестивая Гоолю, если мы и обвѣнчаемъ дочь нашу съ Іоафамомъ? Развѣ онъ не сынъ благочестиваго царя, который во всемъ дѣлаетъ благоугодное Богу? Развѣ и про него самага не говорятъ, что онъ живетъ праведно и богобоязненно? И твоя-же мать, господинъ мой,—миръ памяти ея—развѣ не дочь царя? Поэтому, развѣ не сродни намъ уже этотъ царскій домъ, куда ты не хочешь теперь отдать твою дочь?“

Вздохъ, болѣе похожій на стонъ, вырвался изъ груди Садока.

— „Да сохранить Богъ потомство первосвященниковъ отъ идолослуженія! проговорилъ онъ. „Ахъ, жена моя, тяжело мнѣ уступить тебѣ въ этомъ дѣлѣ, но нечего дѣлать, пусть будетъ по твоему.“

— „Дозволяешь-ли сказать объ этомъ нашей дочери?“ спросила жена, еле сдерживая свою радость.

— „Да, если она уже не угадала. Да оградить ее Всевышній“, и первосвященникъ медленными шагами вышелъ изъ комнаты.

А Іеруша все это время лежала на диванѣ не шевелясь и сердце ея билось такъ сильно, какъ никогда еще. Тихо подошла къ ней мать, положила ей руку на плечо и позвала ее по имени.

Іеруша, съ нѣкоторымъ дѣтскимъ притворствомъ, какъ будто только

что проснулась, вскочила и спросила:

— „Что угодно матери моей?“

— „Дочка,“ сказала Сусанна, „тебѣ завтра исполнится 17 лѣтъ и родители твои порѣшили отдать тебя въ замужество.“

— „Я готова повиноваться вашей волѣ“ отвѣтила дѣвушка и смиренно опустила глаза.

— „Всевышнему угодно было назначить тебѣ долю высокую и богатую. Іоафамъ, старшій сынъ царя, будетъ твоимъ мужемъ; онъ наследуетъ престолъ, послѣ отца своего.“

Ты будешь царицей, Іеруша“.

Іеруша встала и наклонила голову передъ матерью. Словами она ничего не отвѣтила, но яркій румянецъ покрылъ ея щеки, глаза заблистали, видно было, что вѣсть ей пріятна.

— „Обрученіе будетъ завтра;“ продолжала Сусанна, „пойди-же, дочь моя, приготовь твои наряды и ожерелья, а я пойду и куплю еще для тебя, что нужно.“

Мать встала съ дивана, но Іеруша удержала ее, и опустилась передъ нею на колѣни.

— „Благослови меня, мать моя,“ просила она“.

Сусанна положила обѣ руки на юную голову.

— „Да благословить тебя Всевышній, Богъ Израилевъ, да благословить Онъ тебя съ небесъ и да надѣлитъ тебя всѣми благами, да будешь ты благословенна въ Израилѣ и да видятъ очи твои славу Іерусалима. Милостью Своею да осѣнитъ Онъ главу твою и да сохранить тебя отънынѣ и на вѣки.“

Трудно намъ представить себѣ теперь, какъ велика была любовь, какъ безгранична была преданность древнихъ евреевъ къ ихъ родинѣ.

„Видѣть славу Іерусалима“ обитать на священной, Богомъ данной землѣ,—было для нихъ величайшимъ счастьемъ. И Спасителя котораго

они всѣ ждали, они ждали для Израиля одного: немогли вообразить себѣ, чтобы и другіе народы могли едѣлаться участниками того благословенія, которое Онъ принесетъ. Поэтому, такъ настоятельно говорилъ Христосъ: „Идите, проповѣдуйте **всѣмъ людямъ**“ и Апостолы, вѣрные слуги Его, носили благовѣсть спасенія ко **всѣмъ людямъ** и повторяли что драгоценная кровь пролилась за всѣхъ, безъ различія ибо Богъ волюбилъ не Израиля только, а весь міръ.

Іеруша встала, принявъ благословеніе, и мать оставила ее одну. Вскорѣ созвала она своихъ служанокъ и приказала имъ разложить всѣ ея нарядныя платья и все приготовить къ предстоящему празднеству.

Служанки всѣ были язычницы, плѣнницы, онѣ въ смиренномъ подчиненіи, скрестивъ руки на груди, стояли предъ госпожей своей и пристально глядѣли на ея руку,—она дѣлала знакъ и онѣ по знаку, молча, исполняли ея приказанія.

Теперь онѣ всѣ засуетились, стали выносить и раскладывать одно платье за другимъ и разныя ожерелья, которыми должна была украситься царская невѣста, въ день своего обрученія.

А Іеруша сама, полу-лежа на своемъ диванѣ, наблюдала за приготовленіями и раздумывала о томъ, что ей предстоитъ,—и съ радостью и съ трепетомъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

В И Т А Н І Я.

В И Т А Н І Я.

Витанія! Какъ живо представляется намъ, изъ рассказовъ Евангельскихъ, это маленькое селеніе вблизи отъ Іерусалима; а главное, одно жилище тутъ, и въ этомъ жилищѣ три сердца, преданныя Господу—храмъ живой, нерукотворенный, въ которомъ Господь любилъ пребывать. „Исусъ-же любилъ Марю и сестру ея (Марію) и Лазаря, брата ихъ¹⁾. Въ этомъ жилищѣ сидѣла Марія у ногъ Его, слушая слово Его, и Господь сказалъ ей, что она избрала ту благую часть, которая не отнимется отъ нея.

Въ этомъ жилищѣ послѣ того, пролито было много слезъ надъ смертью любимаго брата Лазаря; тутъ произнесены были потрясающія слова: „Я есмь воскресеніе и

жизнь, вѣрующій въ Меня если и умретъ — оживетъ“. Тутъ явилъ Господь изумительную любовь, когда Онъ Самъ заплакалъ надъ умершимъ и Іудеи, глядя на это, воскликнули: „смотри, какъ Онъ любилъ его!“ И тутъ совершилъ Онъ изумительное чудо, когда вызвалъ изъ гроба умершаго и „вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами“. Послѣ этого чуда, многіе увѣровали въ Иисуса, и вслѣдствіе этого злоба враговъ Его еще усилилась.

Но не въ самое жилище Марѣи, Маріи и Лазаря перенесемся мы сегодня, а въ другой домъ того же селенія. Въ домъ Симона прокаженного былъ приглашенъ Господь, и тамъ возлежалъ Онъ за вечерей²⁾. Вдругъ открывается дверь и входитъ женщина. Была-ли она

звана туда—намъ не сказано; быть можетъ и нѣтъ, но что ей до этого? Она не на ужинъ этотъ пришла, ей не гости эти нужны, она идетъ ко Христу.

И что ей до того, если присутствующіе и взглянуть на нее не ласково, если и скажутъ, что она пришла непрошенная: есть тутъ Одинъ, Который ее приметъ, она вошла въ этотъ домъ, потому что узнала, что Онъ тутъ; этого съ нея довольно. Прямо къ Нему направляется она и несетъ что-то въ рукахъ. Алавастровый сосудъ, полный чистаго, драгоценнаго мѹра: священной мази, которая употреблялась для помазыванія знатныхъ лицъ при погребеніи и другихъ случаяхъ. Подошла, разбиваетъ сосудъ и возливаетъ мѹро Ему на голову; все, до послѣдней капли, изливается изъ разбитаго сосуда. Это было сдѣлаю молча: и Господь не ска-

¹⁾ Іоан. 11, 3.²⁾ Марк. 14, 3

заль ни слова. Онъ видѣлъ сердце сокрушенное какъ этотъ сосудъ, которое разбивалось передъ Нимъ и изливало благоговѣйную любовь свою,—не нужны тутъ были слова.

Вдругъ, среди этого благодатнаго молчанія, раздаются рѣзкія, недружелюбныя слова: „Къ чему сія трата мѹра!“

Это присутствующіе: они возроптали на женщину, на щедрое приношеніе ея, „вознегодовали“ на нее; и тутъ раздался голосъ Іисуса:

„Оставьте ее! Что ее смущаете!“

Къ чему! сказали люди. Какъ холодно, должно быть, прозвучали эти слова въ горячемъ сердцѣ женщины, и какъ оскорбительны были они, эти слова, когда вникнешь въ нихъ! Господь шелъ на страданіе, Онъ шелъ предать душу Свою за людей нечестивыхъ, и тутъ не слышались слова—къ чему?

Отецъ небесный не говоритъ: къ чему такая жертва? Онъ возлюбилъ этотъ нечестивый мѣръ и отдаетъ ему едиnorodнаго Сына.

Сердце Спасителя не говоритъ: къ чему? Любовь влечетъ Его на мучительный крестъ, Онъ не жалѣетъ Себя, не считаетъ величія всей Своей жертвы, потому что любовь къ недостойнымъ людямъ больше даже этой жертвы. Она покрываетъ и жертву и страданія, и жестокосердіе людей. Возможно-ли сказать: къ чему!—тамъ, гдѣ любовь говоритъ!

Но здѣсь не то: здѣсь люди расчетливые, равнодушные, они пожалѣли этой драгоцѣнной мази для Того, Кто не жалѣлъ Своей драгоцѣнной жизни, и съ упрекомъ, съ недовольствомъ говорятъ: „къ чему!“

Конечно, они не понимали, быть можетъ, ясно, Кто, именно, сидитъ съ ними за столомъ и какое дѣло Онъ пришелъ совершить. Но Его Самаго какъ странно должны были поразить эти холодныя слова: „къ чему!“ И сколько разъ вторили этому люди и потомъ!

Однако-же Онъ на нихъ не возра-

жаетъ, Онъ только заступаетъ за бѣдную женщину: „оставьте ее“, говоритъ Іисусъ, „зачѣмъ вы ее смущаете? Она доброе дѣло сдѣлала для меня... она сдѣлала, что могла: предварила помазать тѣло Мое къ погребенію“.

Она провидѣла ту смерть, о которой никто изъ присутствовавшихъ не думаетъ: она помазала еще Живаго, къ будущему погребенію. Она впередъ принесла благодареніе и поклоненіе, и Господь принимаетъ это и ограждаетъ ее отъ нападенія людей.

Болѣе того, Господь сказалъ, что гдѣ ни будетъ проповѣдана впоследствии благая вѣсть о Его любви, въ цѣломъ мѣрѣ, будетъ сказано и про любовь этой женщины, и про этотъ разбитый сосудъ, и про это мѹро, разлитое на главу Его.

Да, люди осудили, а Господь оправдалъ: Онъ одобрилъ, Онъ даже пожелалъ, чтобы это доброе дѣло, сдѣланное Ему, осталось незабвеннымъ на всегда.

Для чего? Почему-же, угодно было Господу чтобы столько поколѣний, въ томъ числѣ и ты, пересчитали этотъ рассказъ?

А вотъ, взгляни внутрь себя: есть у тебя тамъ сосудъ переполненный. Не алавастровый онъ, не чистый, не прозрачный, и полонъ онъ не мѹра священнаго, а все таки пожелалъ Господь этотъ сосудъ принять отъ тебя, когда сказалъ: „отдай сердце твое Мнѣ“.

Не переменялись люди съ тѣхъ поръ, найдутся и теперь такіе, которые захотятъ остановить тебя, смутить тебя, которые будутъ говорить: „къ чему такая трата?“, посмѣются, быть можетъ, надъ твоимъ усердіемъ, осудятъ тебя, а ты смотри не на тѣхъ, кто тебя осуждаетъ, а на Того, Кто тебя при-метъ.

Къ чему! говорятъ люди. Довольно вспомнить Господа разъ въ недѣлю, самое большее разъ въ день.

довольно и послужить Ему изрѣдка. Къ чему-же отдавать все?

Къ чему такъ много усердія, такое непрерывное служеніе, такая преданная горячая любовь! Люди порицаютъ, а Господь говоритъ имъ: „оставьте, что смущаете“. Иди-же помимо людскихъ рѣчей и не смущайся ими. Привѣтъ Господень вознаградитъ тебя за все, что ты могъ слышать вокругъ себя, и не забудь, что угождая Ему, тебѣ часто придется не угодить людямъ, но что-же? „Избирай себѣ нынѣ, кому служить!“

Еще одно слово: если есть около васъ кто нибудь, кто съ пламенной душою стремится къ Господу, кто, какъ эта женщина, пробирается къ Нему и ищетъ Его, о, остерегитесь, чтобы не смутить такую душу! Скажете ей: „къ чему!“ и если она еще молодая, если она вамъ довѣряетъ, она, пожалуй, вдругъ остановится, пожалуй, назадъ пойдетъ....

Сколько было такого желанія, такого усердія, которое заглушено было людьми и никогда болѣе не возгорѣлось. Если вы сами христіане холодные, сдержанные, расчетливые, не препятствуйте-же тѣмъ, въ которыхъ святой огонь загорѣлся и которые хотятъ идти дальше и выше чѣмъ вы пошли.

„Что смущаете?“ говоритъ Христосъ, оставьте ихъ, не заграждайте имъ путь къ тому единому истинному блаженству, которое можетъ узнать душа даже и здѣсь, на землѣ. Не отнимайте „благой части“, не обрѣзываете крылья. Отцы и матери, наставники, пустите дѣтей вашихъ туда, куда влечетъ ихъ Господь. Благо имъ будетъ, ибо они „имѣютъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей;“ ¹⁾ благо и вамъ будетъ—глядя на нихъ, и вы не пойдете-ли вслѣдъ за ними?

¹⁾ 1 Тим. 4, 8.

ДОЧЬ ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.

(Окончаніе).

Приближался праздник жатвы и день свадьбы Иеруши. Много было тут волненія и суеты для молодой дѣвушки; наконецъ настало торжество и Иеруша водворилась въ жилищѣ царей Иудейскихъ. Вскорѣ послѣ того, воцарился мужъ ея, Иоафамъ; и въ той святой книгѣ, гдѣ неліцеприятно судятся дѣла каждаго, сказано про Иоафамъ, что онъ „дѣлалъ угодное въ очахъ Господнихъ“.

Царствованіе его было временемъ мира и благоденствія для Израіля; но коротко оно было! Отецъ его царствовалъ пятьдесятъ два года, а Иоафамъ только шестнадцать. Шестнадцать лѣтъ была Иеруша царицей Иудейской, т. е. это означало, что она была полновластной хозяйкой въ тѣхъ внутреннихъ покояхъ, которые назывались женской половиной царскаго жилища; а внѣ дома она имѣла довольно мало значенія, въ дѣлахъ мужа своего не принимала участія, и даже рѣдко съ нимъ видѣлась. При такой замкнутой и часто уединенной жизни, какъ крѣпко привязывалось сердце женщины къ дѣтямъ своимъ, и какъ безотраднѣе была жизнь ея, если она оставалась бездѣтной!

Но Иерушѣ послалъ Богъ двухъ дѣтей: дѣвочку, на которую обращалось довольно мало вниманія, и мальчика, на которомъ сосредоточивались все ожиданіе, всѣ надежды родителей. Мать дала ему имя Ахазъ, что значитъ „обладатель“ и держа на рукахъ младенца, какъ много мечтала о будущемъ его, и вспоминая о великихъ предкахъ, Давидѣ и Соломонѣ, мысленно облакала и своего ребенка тою же славою.

Чудно красиво было дитя! Какая мать не порадовалась бы, глядя на него! Быстро развивался мальчикъ, скоро уже научился говорить, такъ бойко, такъ забавно, что приводилъ всѣхъ въ восторгъ, а болѣе

всѣхъ мать свою. Нахмурится ли дитя, станетъ ли настоятельно требовать чего нибудь, она только восхищается, какъ будто такъ и слѣдуетъ: вѣдь онъ будущій царь Израильскій.

Съ малыхъ лѣтъ ребенокъ привычался исполнять во всемъ свою волю, а о Богѣ имѣлъ только самое смутное понятіе. Первые годы жизни своей, покуда онъ исключительно былъ на рукахъ матери, она тѣшила имъ, любовалась имъ, но не учила его послушанію и ни въ чемъ никогда ему не прекословила. Прочія родственницы ея и приближенные конечно слѣдовали ея примѣру — всѣ преклонялись передъ ребенкомъ и боготворили его.

Разъ, часа въ два или три послѣ полудня, царица Иеруша лежала на своемъ диванѣ, покоясь на роскошныхъ подушкахъ, а маленький сынъ ея сидѣлъ напротивъ, окруженный нарядно одѣтыми господами и служанками, которые всѣ его забавляли. Въ комнату вошелъ слуга, а за нимъ женщина въ длинномъ покрывалѣ. Слуга подошелъ къ Иерушѣ и сказалъ:

— Царица, твоя мать пришла навѣстить тебя.

Иеруша встала съ дивана, поспѣшила на встрѣчу матери и низко ей поклонилась. Никакой возрастъ и никакое положеніе не могли измѣнить того почтительнаго отношенія къ родителямъ, которымъ отличались тогда евреи.

Сусанна, въ отвѣтъ на привѣтствіе, благословила свою дочь и внука своего, потомъ сѣла на диванъ подлѣ Иеруши, и разговаривая съ нею, наблюдала за ребенкомъ.

Бойкій мальчикъ нисколько не стѣснялся присутствіемъ своей бабушки, скоро замѣтила она своеволие его, и лицо ея омрачилось. Она вдругъ прервала начатый разговоръ съ дочерью, и спросила:

— Иеруша, ты никогда не оставливалась твоего ребенка?

— Конечно, мать моя, когда

— Нужно, — повторила Сусанна, — по моему, давно бы нужно.

— Но, матушка, вѣдь онъ мальчикъ и будущій царь. Хорошо ли было бы вести его какъ дѣвочку?..

— Дѣти всѣ равны передъ Богомъ, и царь Соломонъ сказалъ, что „отрокъ, оставленный въ небреженіи дѣлаетъ стыдъ своей матери“¹⁾.

— Я ли не слѣжу за каждымъ шагомъ ребенка день и ночь! — воскликнула Иеруша, — я ли не забочусь о немъ больше, чѣмъ о жизни своей!

— Истинная забота въ томъ, чтобы удерживать ребенка отъ зла, отъ своеволия. „Наставь юношу при началѣ пути его“, — говоритъ еще Соломонъ, — „онъ не уклонится отъ него, когда и состарѣется“²⁾. Будь осторожна, дочь моя, внемли словамъ мудрости, а то ты сгубишь ребенка и много горечи принесетъ онъ твоему сердцу; опомнись, пока еще не поздно; потеряннаго времени потомъ никакими слезами не вернешь.

— Матушка, да вѣдь онъ еще такъ малъ, — робко возразила Иеруша, внутренне сознавая, однако, что мать ея права.

— Довольно великъ онъ, чтобы грѣшить, значитъ и довольно великъ, чтобы ты его удерживала отъ грѣха. „Можно узнать даже отрока по занятіямъ его, чисто ли и правильно ли будетъ поведеніе его“³⁾, говоритъ та же мудрость. Неужели надѣешься ты, что вырастетъ сладкій виноградъ тамъ, гдѣ теперь безпрепятственно растутъ тернія. Неужели думаешь, что выйдетъ хорошій человекъ изъ такого воспитанія, гдѣ грѣхъ остается безнаказаннымъ! И помни, что, именно, потому, что сынъ твой унаслѣдуетъ престолъ, ты съешь теперь горькіе плоды не для него и не для тебя только, но для всего Израіля. Неужели хочешь ты, чтобы потомъ ненавистна стала народу память

¹⁾ Пр. 29, 15.²⁾ Пр. 22, 6.³⁾ Пр. 20, 11.

твоя, какъ теперь ненавистно одно имя Іезавели или Гоолиі? Продолжай этимъ путемъ, увидишь, каковъ будетъ конецъ“.

Іеруша слушала молча, все сильнѣе чувствуя, что все это истина. Она намѣревалась даже послѣдовать совѣту матери, но прошелъ этотъ день, прошло и это намѣреніе.

А мать возвратилась домой съ печальнымъ сердцемъ и встрѣтила тамъ старшаго сына своего, который былъ теперь первосвященникомъ вмѣсто отца.

— Хорошо ли поживаетъ Іеруша, сестра моя? спросилъ онъ.

— Теперь хорошо, отвѣтила Сусанна отрывисто.

— А сынъ ея маленький?

— Теперь ему слишкомъ хорошо, — съ горестью отвѣтила мать, — а что дальше будетъ и для него и для другихъ черезъ него — одинъ Всевышній знаетъ.

Умеръ Іоафамъ и погребли его въ городѣ Давидовомъ. Воцарился сынъ его Ахазъ.

Двадцати лѣтъ отъ роду былъ юноша, когда онъ сѣлъ на престолъ отцовъ своихъ. Красивъ былъ онъ, какъ и въ дѣтствѣ, нравъ имѣлъ веселый, съ домашними былъ ласковъ, обходителенъ, до тѣхъ поръ, пока не прекословили ни въ чемъ его волѣ. Но лишь только кто нибудь дерзнетъ ему въ чемъ нибудь противорѣчить, страшно становилось глядѣть на него: все лицо его искажалось, онъ самъ себя не помнилъ отъ гнѣва, и готовъ былъ въ эту минуту на самое ужасное злодѣйство. Съ матерью, однако же, онъ обходился почти всегда почтительно, любилъ также и сестру свою, Зару, и молодую свою жену, Авію. Если случалось ему съ ними въ чемъ нибудь не поладить, онъ скоро опять мирился, а онъ охотно ему все прощали и половины того, что онъ дѣлалъ въ ихъ отсутствіи, онъ не знали.

Однако же, и до нихъ стали доходить какіе-то странные слухи и

разъ пришла Авія въ большой тревогѣ, и со слезами на глазахъ, къ свекрови своей.

— Что съ тобою, дочь моя? — спросила Іеруша, глядя на нее съ беспокойствомъ.

— Мать моя, — отвѣчала молодая женщина, — беспокоюсь я очень за царя. Я слышала многое, что меня пугаетъ, но боялась тебѣ сказать, чтобы не огорчить тебя.

— Что такое?

— Матушка, говорятъ, теперь приносятся жертвы и куренія идоламъ на высотахъ и на холмахъ, какъ въ дни Охозіи царя!

Голосъ Авіи задрожалъ и она горько заплакала.

— Неужели Ахазъ самъ приносить жертвы? спросила мать.

Авія молча кивнула головой.

— Надо мнѣ будетъ поговорить съ нимъ, — сказала Іеруша, — но утѣшься, дочь моя, вѣдь это еще не значитъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ поклоняется идоламъ.

— Ахъ, матушка, далеко ли до того! — воскликнула Авія съ горестью, — отъ одного непослушанія Богу, далеко ли до другаго! Если Всевышній сказалъ: „не дѣлай“, можно ли ослушаться Его!

Въ одномъ чемъ нибудь пойдешь противъ Бога, и потомъ такъ легко совѣмъ ослѣпнуть и ожесточиться. Израиль поклонялся золотому тельцу въ пустынѣ, называя его „богомъ“, который вывелъ его изъ Египта“ и какъ покаралъ ихъ Богъ за это! Іеруша молчала, а Авія продолжала тихо плакать. Ей казалось, что свекровь не вполне сочувствуетъ ея горю, но заговорить съ ней опять она не смѣла.

Во весь этотъ день, онъ обѣ Ахаза не видали, но когда окончился день, когда настала ночная тишина, тогда заговорилъ голосъ совѣсти съ Іерушей. Стало припоминаться ей прошлое, сперва далекое прошлое. Какъ будто возстали передъ нею одинъ за другимъ тѣ мужи и цари Израильскіе, которые твердо стояли на путяхъ Божіихъ, не уклоняясь

ни на право, ни на лѣво, про которыхъ сказано было въ лѣтописяхъ израильскихъ, что они дѣлали угодное въ очахъ Господнихъ. Увидѣла она передъ собою Давида, человека по сердцу Божьему, который хоть и впалъ разъ въ грѣхъ, но какъ горько оплакивалъ его и какъ крѣпко любилъ Законъ Господа Бога своего. Потомъ предсталъ передъ нею Соломонъ, у котораго „сердце уже уклонилось къ чужестраннымъ богамъ“, потомъ Ровоамъ, шаткій, колеблющійся; наконецъ Охозія, который также двадцати лѣтъ воцарился и „дѣлалъ неугодное въ очахъ Господнихъ, потому что мать его была совѣтницей ему на беззаконныя дѣла“.

Іеруша содрогнулась. А Ахазъ, сынъ ея, каковъ онъ? Ко всемъ этимъ людямъ, которые жили до него, какъ подкрадывалось зло съ разныхъ сторонъ и какъ возрастало это зло! А къ нему, къ Ахазу, подкрадывается-ли теперь зло извнѣ, или же проявляется теперь то зло, которое уже давно пустило корни у него въ сердцѣ?

Стало припоминаться Іерушѣ и ближайшее прошлое: предстало передъ ней маленькое дитя, которымъ она такъ гордилась, котораго она такъ слѣпо, такъ безумно любила, которому она позволяла безпрепятственно и безнаказанно исполнять все свои прихоти, которое съ дѣтства не знало другаго закона, кромѣ влеченій своего порочнаго сердца. Не тутъ ли было начало зла? вопрошала ее строгій голосъ совѣсти, и снова раздавались въ ушахъ ея эти слова: „мать его была ему совѣтницей на беззаконныя дѣла“.

Больно, больно заняло сердце Іеруши. Она вскочила съ мѣста и разодрала роскошную одежду свою сверху до низу; потомъ скинула съ себя все свои богатые одѣянія, одѣлась во вретище и распростертая на голомъ полу, предавалась горькой печали.

Такъ выражали скорбь и сокрушеніе свое древніе евреи; и въ та-

комъ положеніи нашли Іерушу служанки на слѣдующее утро. Онѣ сильно встревожились, не понимая, что съ нею случилось. умоляли ее встать, но она точно не слышала ихъ! Приносили ей разныя одежды, предлагали ей разныя кушанія, но она ни на что не смотрѣла, ни къ чему не прикасалась. Одна только молодая невѣстка ея поняла, въ чемъ дѣло и молча послѣдовала ея примѣру. Такъ прошло нѣсколько времени, вдругъ Іеруша приподнялась, распростерла руки и сказала:

„Господи, Боже, человеколюбивый и милосердый, сохраняющій милость, — но наказывающій вину отцовъ въ дѣтяхъ, до третьяго и четвертаго рода“ ⁴⁾), — „я сознаю передъ лицомъ Твоимъ, что я согрѣшила и поступила незаконно. Я возрастила терніе въ томъ виноградникѣ, который Ты поручилъ моей заботѣ. И теперь я пожинаю горькіе плоды. Но Боже мой, Ты заключилъ завѣтъ Твой съ Авраамомъ, ты милостью взыскалъ народъ Твой, внемли мольбѣ рабыни Твоей и прости незаконія ея! Изгладь согрѣшеніе юности моей и покарай меня, Господи; только пощди сына моего! И ради великаго завѣта Твоего помилуй его!“

Послѣ этихъ словъ опять опустилась царица на полъ, и все умолкло.

Около полудня пришелъ къ царю Ахазу посланный отъ матери спросить, можетъ ли она придти къ нему. Царь сидѣлъ на престолѣ своемъ, но желая выказать матери почтеніе, онъ повелѣлъ поставить для нея кресло рядомъ съ собою. Черезъ нѣсколько минутъ, приподнялась занавѣсь и царица Іеруша вошла. Удивился Ахазъ, увидѣвъ мать свою одѣтою во вретиче и въ длинномъ черномъ покрывалѣ. Онъ, однако же, ничего не сказалъ, подошелъ къ ней, низко ей поклонился и посадилъ ее подлѣ себя. А Іеруша съ горестью смотрѣла

на него. Самая красота его какъ будто колола ей сердце: снаружи все такъ хорошо и привлекательно, а внутри гнѣздится зло!

— Сынъ мой, начала она, отвѣть мнѣ, прошу тебя, на вопросъ мой.

— Спрашивай, мать моя, отвѣчалъ Ахазъ съ улыбкой.

— Правда ли, что въ Израилѣ воздвигнуты опять высоты и приносятся жертвы и куренія, негодныя Богу?

Лицо молодого царя омрачилось.

— Вѣроятно правда, отвѣтилъ онъ небрежно, но что же изъ этого?

— Вѣдь это не угодно Богу, повторила Іеруша торжественно.

— О, мать моя! Управляй ты своимъ домомъ, а царство представь мнѣ, сказалъ Ахазъ. Много ли понимаютъ женщины въ такихъ дѣлахъ?!

Іеруша положила руку свою на плечо его:

— Сынъ мой, радость моя, — начала она умоляющимъ голосомъ — и женщина можетъ понять, что есть грѣхъ предъ лицомъ Божиимъ. Отвѣть мнѣ, приносятъ ли ты самъ эти ненавистныя Богу жертвы и куренія идоламъ? Неужели и ты сдѣлался участникомъ этого оскверненія дома Израилева!

— Оскверненіе? повторилъ Ахазъ съ живостью, вѣдь я же въ сердцѣ своемъ не поклоняюсь идоламъ, матушка. Что-жъ изъ этого, если я и принесу куреніе на высотахъ?

— Еще не поклоняешься идоламъ, а далеко ли до этого? Въ одномъ преступилъ законъ, скоро преступишь и въ другомъ. О Ахазъ, сынъ мой возлюбленный, неужели такъ легко стало тебѣ грѣшить противъ Бога!

— Всѣ мы грѣшны, отвѣтилъ Ахазъ уклончиво.

— Да, и мы оправдываемъ себя этимъ, и узакониваемъ то, что Богъ караетъ. Такъ и я поступала въ молодости моей, и теперь что бы я дала, чтобы вернуть прошлое!...

О, милый, дорогой мой, не го-

товъ ты себѣ такую же горькую старость, какъ я себѣ уготовала!

— Матушка, что ты говоришь, воскликнулъ Ахазъ; видно было, что слова матери его тронули. — За что же можешь ты упрекать себя, что ты сдѣлала дурного?

— Сынъ мой, отвѣтила Іеруша и глубокая скорбь звучала въ ея голосѣ, — я позволяла тебѣ грѣшить безнаказанно и за это Всевышній теперь наказываетъ меня.

Молодой царь опечалился и задумался.

— Обѣщай мнѣ, Ахазъ, умоляла мать, обѣщай мнѣ, что ты никогда больше не будешь приносить жертвы на высотахъ.

— Неужели такая бездѣлица можетъ утѣшить сердце моей матери? отвѣтилъ Ахазъ ласково: „жива царица и жива душа ея — я обѣщаю“.

Такими словами произносилась обыкновенно клятва, и мы встрѣчаемъ ихъ часто въ священномъ Писаніи: „живъ ты и жива душа твоя“.

Іеруша поцѣловала сына своего, и Ахазъ поцѣловалъ ее и проводилъ ее до дверей.

Молодая невѣстка встрѣтила ее, вглядываясь въ лицо ея съ безпокойствомъ. Іеруша протянула къ ней руки и жѣлко ее обняла:

— Онъ обѣщаль, сказала она, онъ поклялся моею жизнью, что никогда болѣе не будетъ приносить куренія на высотахъ, но на долго-ли обѣщаніе; о Боже Всевышній, на долго-ли?

Тихо было во внутреннихъ покояхъ царскаго жилища въ Іерусалимѣ: тамъ лежала царица Іеруша при смерти. А за воротами города непріятель опустошалъ землю Іудейскую, внутри же, жертвенники Ваалу и другимъ разнымъ богамъ воздвигнуты были повсемѣстно.

Давно уже утратила Іеруша всякое вліяніе на сына своего. Напрасны стали увѣщанія ея, слезы, мольбы; онъ пересталъ обращать

⁴⁾ Исх. 34, 7.

на нихъ вниманіе, и все болѣе упорствовалъ во злѣ.

Повсюду видѣлись литыя статуи Ваала, Астарты и безчисленныхъ другихъ боговъ, такъ, что это уже стало не новостью въ Израиль.

Наконецъ, до того дошло даже, что царь, подражая обычаямъ язычниковъ, сталъ проводить собственныхъ дѣтей своихъ черезъ огонь, принося этимъ жертву богу—Молоху. Заперлись двери храма, разбиты были священные сосуды; развращеніе народа стало ужасно, казалось, зло дошло до крайнихъ предѣловъ.

Много бѣдствій посылалъ Господь и на царя, и на народъ, но нѣтъ, эти бѣдствія не образумили его; онъ все погружался болѣе и болѣе во тьму.

Еще одну послѣднюю попытку сдѣлала умирающая мать: она послала попросить царя навѣстить ее и стала ждать его каждую минуту. Но прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ послышались шаги Ахаза и онъ вошелъ въ комнату больной, подошелъ къ дивану, на которомъ она лежала, поклонился ей и молча стоялъ, глядя на нее.

— Ты желала видѣть меня, мать моя? спросилъ онъ смятеннымъ голосомъ,—онъ видѣлъ, что печать смерти уже лежала на ней, и что минута разлуки очень близка.

Іеруша указала ему мѣсто подлѣ себя, посмотрѣла на него пристально своими уже почти угасшими глазами и слабымъ голосомъ спросила:

— Какъ идетъ война?

— Плохо, отвѣтилъ царь, нахмурившись. Идумеяне и Филистимляне нападаютъ со всѣхъ сторонъ и берутъ наши города одинъ за другимъ. А царь Ассирійскій, къ которому я прибѣгалъ за помощью, и посылалъ ему столько золота, что ужъ больше и посылать нечего,—посмѣялся надо мною и также тѣснитъ меня.

— Что же ты будешь дѣлать? спросила Іеруша.

— „А вотъ, боги царей Сирійскихъ помогаютъ имъ“, отвѣтилъ Ахазъ съ горькой усмѣшкой, „принесу и я имъ жертву, чтобъ они и мнѣ помогли“.

— „Сынъ мой, сынъ мой“, прошептала мать, „неужели ты еще рѣшишься и на это беззаконіе?“

— Какое тутъ беззаконіе! возразилъ Ахазъ, „то, что одинъ человекъ называетъ зломъ, другой называетъ добромъ. Почему же и не принести мнѣ жертвы богамъ Дамасскимъ?“

— „Вѣдь это страшный грѣхъ въ очахъ Божіихъ, сынъ мой“, молила бѣдная мать.

— „Отчего же мнѣ Богъ не помогаетъ? Я-бы тогда и сталъ служить Ему“.

— „А боги Дамасскіе тебѣ помогутъ?“ вмѣшалась молодая сестра его Зара. „Неужели ты сравнишь ихъ съ Богомъ живымъ и истиннымъ?“

— „Оставь“ съ нетерпѣніемъ прервалъ ее Ахазъ, „ты сама поклоняйся, кому знаешь, и мнѣ доставь то же самое“.

— „Ахазъ, сынъ мой дорогой“, сказала мать, приподымаясь съ своего ложа, „если-бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело умирать, глядя на тебя!“

— „Ничего, мать моя“, отвѣтилъ Ахазъ равнодушно, „успокойся, послѣ бури настанетъ и тишина“.

— „Послѣ той бури, которая разгромила Содомъ, никогда не настало для Содома тишины“, отвѣчала Іеруша и горько вздохнула. Ахазъ всталъ съ мрачнымъ лицомъ.

— „Не нужны мнѣ ваши наставленія“, сказалъ онъ съ досадой, потомъ обратился къ матери: „прощай, мать моя, не тревожься напрасно“ и съ этими словами онъ вышелъ.

Іеруша протянула къ нему руки, молодая жена его, Авія, умоляющими глазами смотрѣла ему въ глаза,

но онъ ни того, ни другого не видалъ.

Умирающая повернула лицо свое къ стѣнѣ и нѣсколько времени лежала безъ движенія. Дочь ея, Зара, подошла и наклонилась надъ ней.

— Уже стемнѣло? спросила Іеруша тихимъ голосомъ.

— „Нѣтъ еще“, отвѣтила Зара.

— „А внутри темно, совсѣмъ, совсѣмъ темно“, проговорила больная.

„Хотя я во мракѣ, но Господь свѣтъ для меня“⁵⁾, отвѣтила Зара словами Пророка, недавно слышанными.

— „Онъ свѣтъ для тѣхъ, которые ходятъ въ праведности передъ Нимъ, а для тѣхъ, которые дѣлаютъ грѣхъ, Онъ тьма и скорбь“, сказала Іеруша; помнишь-ли, что тотъ же самый столпъ огненный былъ *свѣтомъ* для Израиля въ пустынѣ, и тьмою для враговъ Божіихъ Египтянъ.

— „Гнѣвъ Господень я буду нести“, продолжалъ тихій голосъ Зары, „потому что согрѣшила передъ Нимъ. Доколѣ Онъ не рѣшитъ дѣла моего, и не совершитъ суда надо мною, тогда Онъ выведетъ меня на свѣтъ и я увижу правду Его“⁶⁾.

— Все это будетъ во дни Мессіи, но это время еще далеко и до тѣхъ поръ, какая тоска безотрадная... сказала Іеруша; дочь моя, когда братъ твой Ахазъ лежалъ на рукахъ моихъ, какъ радостно трепетало средце мое! Я назвала его обладателемъ, въ надеждѣ, что онъ будетъ обладать и мудростью, и и крѣпостью и славой; что царство его будетъ обширно и богато. А вмѣсто того, какое мнѣ горе, какое горе! Какая тьма непроглядная, и страшная власть тьмы все растетъ“.

— „Возвожу очи мои къ горамъ, откуда придетъ помощь моя—Господь свѣтъ мой и спасеніе мое“⁷⁾, —сказала Зара, нѣжно цѣлуя мать.

⁵⁾ Мях. 7, 8.

⁶⁾ Мях. 7, 9.

⁷⁾ Пс. 120, 1 и 26, 1.

На этихъ горахъ сіяетъ свѣтъ и для тебя. О, мать моя, возведи очи твои, и ты увидишь его!.. Придетъ грядущій Мессія, принесетъ этотъ свѣтъ и на землю, разсѣетъ грѣховную тьму, а покуда, покуда... будемъ крѣпко надѣяться и ждать“.

— „И когда Онъ придетъ, Онъ сниметъ и скорби наши“,—добавилъ кроткій голосъ Авія,—„обратитъ сѣтованіе наше въ ликованіе, явитъ намъ славу Свою, а покуда будемъ терпѣть и ждать“.

— „Дѣти мои,—сказала умирающая Іеруша, и глаза ея вдругъ засвѣтились,—слава, которая отъ Бога, совсѣмъ другая, чѣмъ слава этого міра. Ахъ, если бы я это раньше поняла и искала только той небесной славы для сына моего! Но я была слѣпа, безумна; теперь глаза мои открылись, но то зло, которое я сдѣлала, я его исправить не могу. Остерегитесь вы: ведите дѣтей вашихъ, съ малыхъ лѣтъ, по путямъ Божиимъ, научите ихъ смириться во всемъ передъ волей Божіей, а то будутъ они страшнымъ жаломъ для васъ, въ вашъ смертный часъ“.

Покуда Іеруша еще говорила, вдругъ прекратился всякій шумъ, всякое движеніе и работа въ городѣ: наступила суббота.

Послышались и звуки пѣнія, но уже не изъ храма. Храмъ стоялъ запертый, врата его были заколочены. Какъ грозный свидѣтель отступничества Израіля, стоялъ онъ, величественный, замкнутый, безгласный, на горѣ Моріа. Но въ маленькой синагогѣ, на горѣ Сіонѣ, еще собраны были нѣкоторые вѣрные, которые не преклонили колѣна передъ Вааломъ, и они привѣтствовали день покоя своимъ пѣніемъ. „Ты, Господи, высокъ вѣки! Ибо вотъ враги Твои, Господи,—вотъ враги Твои погибнутъ, и разсыплются всѣ дѣлающіе беззаконіе“⁸⁾. А умирающая царица какъ будто перенеслась въ дни юности своей,

мысли ея стали мѣшаться—она начала бредить.

— „Солнце заходитъ,—говорила она,—пора убрать работу, вотъ день субботній, все стихаетъ, въ храмѣ молятся... Сложи работу, покой настаетъ“... Она умолкла на минуту, потомъ опять заговорила словами псалмовъ: „Тысячу лѣтъ въ очахъ Твоихъ—какъ одинъ день... Подкрѣпляетъ душу мою, направляетъ меня на стези правды ради Имени Своего... У Тебя прощенье...“

„Грѣховъ и беззаконій юности моей не воспоминай!..“

„Услышь, Господи, голосъ мой, которымъ я взываю“...

Опять она утихла, потомъ снова:

„Господи, Ты испыталъ меня, и знаешь... Иду-ли я, отдыхаю-ли,—Ты окружаешь меня!.. Положи слезы мои въ сосудъ у Тебя,—не въ книгѣ-ли онѣ Твоей?.. Судъ и правду Ты совершишь“.

Наконецъ, послѣ долгаго молчанія: „Какъ далека востокъ отъ запада, такъ удалилъ Онъ отъ насъ беззаконія наши... Благослови, душа моя, Господа“.—Сложи твою жизнь земную... покой насталъ.

И она умолкла совсѣмъ.

На слѣдующій вечеръ, при свѣтѣ факеловъ, положили прахъ дочери первосвященника въ гробницѣ царей Іудейскихъ.

— Какъ одиноко, какъ тяжело безъ нея... рыдала Авія.

— „Настала для нея вѣчная суббота“,—сказала Зара,—„окончено время труда и терпѣнія. Недолго ужъ и намъ: покой близокъ“.

ЗМѢЯ ВЪ КНИЖКѢ.

Одинъ господинъ разъ разбиралъ свою бібліотеку и досталъ съ полки какую-то книжку. Онъ перелисталъ ее и вдругъ почувствовалъ въ пальцѣ боль, какъ будто его укололи булавкой. Палецъ сталъ пухнуть, потомъ вся рука, боль сдѣлалась нестерпимой и черезъ нѣсколь-

ко дней онъ умеръ. Что это значитъ? Господинъ жилъ въ горной странѣ, гдѣ много бываетъ ядовитыхъ змѣй, и большихъ и маленькихъ. Такая ядовитая змѣйка подкралась на его полку, спряталась между листами книжки, ужалила его незамѣтно и онъ умеръ.

Много такихъ змѣекъ скрывается и въ нашихъ книжкахъ, такихъ книжкахъ, которыя расходятся въ большомъ количествѣ, которыя читаются съ увлеченіемъ, а душа отъ нихъ заражается смертельнымъ ядомъ. Ядъ этотъ бываетъ привлекательный, къ нему все сильнѣе возбуждается охота, а душа... душа также умираетъ!

Бери каждую книжку осторожно, а то смотри, она ужалитъ тебя, ты и самъ не замѣтишь—какъ. Если знаешь человѣка благочестиваго, посоветуйся съ нимъ и если онъ тебѣ скажетъ, что эта книжка поведетъ тебя ко благу, внушитъ тебѣ мысли хорошія, тогда читай ее; если-же нѣтъ, то берегись: ужалить тебя змѣйки ядовитыя, а залѣчить раны будетъ трудно. Напитаешься ты мыслями нечистыми, попадетъ ядъ въ сердце, сперва капля за каплей, а потомъ вольется цѣлымъ потокомъ, и этимъ потокомъ ты еще многихъ другихъ заразишь. Берегись дурныхъ нечистыхъ книгъ, написанныхъ безъ благословенія Божія, безъ истинной любви къ людямъ, безъ желанія имъ добра. А главное: береги дѣтей твоихъ отъ такихъ книгъ. Тебѣ жаль было-бы, если-бы тѣло ребенка твоего ужалила змѣя, ты-бы сталъ плакать, горевать, звать докторовъ на помощь, умолять ихъ, чтобы они выжгли ужасную рану, а душу твоего ребенка ты не жалѣешь.

По небрежности твоей, изъ-за того, чтобы дитя не докучало тебѣ, ты даешь ему въ руки какую попало книгу, не разбирая, и потомъ ты сидишь, спокойно занимаешься твоимъ дѣломъ и радъ, что дитя сидитъ смирно, тебѣ не мѣшаетъ. А между тѣмъ, ядъ, ядъ который

⁸⁾ Псал. 91, 9, 10.

никакая сила человеческая потому не вырветъ, все это время всасывается въ душу его.

Дитя подрастаетъ и ты ему добра желалъ, откуда же у него такія мысли не дѣтскія, такія рѣчи странныя, куда дѣвалась простота ребенка? Отчего сталъ онъ недоволенъ своею жизнью, отчего сталъ метаться куда-то, отчего сталъ нравиться ему грѣхъ? Его змѣя укулила, а ты этого не замѣтилъ. Укулила его въ этой книжкѣ, которую ты же, отецъ его, мать его, наставникъ его, необдуманно далъ ему въ руки. Конечно, нельзя дѣтей держать подъ стекломъ, нельзя спрятать отъ нихъ все дурное, нельзя закрыть имъ глаза и уши, чтобы они не видѣли и не слышали всего того, что дѣлается въ мірѣ. Но не будемъ торопиться: узнаетъ онъ зло довольно рано, пусть останется ребенкомъ доколѣ возможно. И покуда у него еще разумъ не развитъ, и сердце въ добръ не окрѣпло и душа не научилась отворачиваться отъ зла, будемъ беречь ребенка, чтобы не нахлынулъ на него потокъ грѣха прежде, чѣмъ онъ сможетъ поднять надъ нимъ голову и „все преодолѣвъ, устоять.“

А когда придетъ время, когда подрастетъ дитя и начнетъ вопрошать и сознательно осматриваться въ жизни, тогда поговорите съ нимъ про то зло, съ которымъ оно встрѣчается, но поговорите серьезно, осторожно, помолясь Богу, поговорите такъ, чтобы внушить ребенку ужасъ ко грѣху, чтобы представить ему грѣхъ, именно такимъ, какъ онъ есть въ глазахъ Божіихъ; и тогда это не повредитъ ему. Ребенокъ будетъ знать, — и это неизбежно, — что есть много зла на свѣтѣ, но онъ будетъ знать это не для того, чтобы на это зло легко смотрѣть, чтобы этимъ зломъ тѣшиться или надъ нимъ смѣяться, а чтобы отъ него

отвернуться, всѣми силами ему противодѣйствовать, и другихъ отъ него спасать.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

(Сокровище духовное отъ міра собираемое).

Какъ Слово Божіе и молитва есть оружіе христіанское, слыши и внимай. Діаволь поощряетъ тебя ко грѣху, но ты, въ сердцѣ твоёмъ, отвѣтствуй ему: не хочу, ибо Богу противно, Богъ то запретилъ. Діаволь возбуждаетъ въ тебѣ скверную мысль; ты отвѣчай ему: Богъ мой запретилъ мнѣ сіе. Діаволь возбуждаетъ въ тебѣ гнѣвъ и злобу ко отмищенію; ты пресѣкай сію мысль мечемъ Слова Божія, говоря въ сердцѣ твоёмъ: Богъ того не повелѣлъ. Указуетъ тебѣ діаволь на чужую вещь и подстрекаетъ сердце твое къ хищенію, говори въ сердцѣ твоёмъ: Богъ это запретилъ: „не укради, не пожелай“. Такъ, въ прочихъ мысляхъ противныхъ закону Божію, возстающихъ въ сердцѣ твоёмъ, поступай и смотри: согласная ли, или противная закону Божію мысль твоя? Согласную прими, и въ дѣло произведи; противную закону отражай, да, укрѣпившись, не побѣдитъ тебя. Въ семь, въ примѣръ подавъ намъ Себя Христосъ, Спаситель нашъ, Который, на всякое діавольское искушеніе отвѣчалъ искушителю: „Написано... Написано“. ¹⁾ Приводитъ тебя сатана къ отчаянію и говоритъ тебѣ въ сердцѣ твоёмъ: нѣтъ тебѣ спасенія, ты много согрѣшилъ; ты столько и столько зла сдѣлалъ. Ты отвѣчай ему: ты осужденный, а не судія; тебѣ нѣтъ спасенія, но уготованъ

вѣчный огонь. Моя надежда и спасеніе — Христосъ Богъ, Который пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти. Спасетъ же и меня; ибо я одинъ изъ грѣшниковъ, которыхъ Онъ пришелъ спасти.

Но вездѣ нужно и другое оружіе, то есть молитва, безъ которой все наше тѣло и сопротивленіе врагу безсильны. Во всякомъ искушеніи должно возводить очи свои ко Христу и молиться Ему: Господи, помоги мнѣ. — „Укрѣпляйся же“, христіанинъ, „Господомъ и могуществомъ силы Его“. ²⁾ И какъ садовникъ отрѣзаетъ сучки и отросли дереву вредныя, дабы, возросши, дереву не повредили; такъ ты возникающіе злые помыслы тотчасъ пресѣкай мечемъ Слова Божія и молитвою, дабы, укрѣпившись, не повредили и не умертвили внутренняго человѣка. Угаси искру, пока въ пламень не возросла; и убивай врага, пока малъ есть. Если же искру не угасишь, то великій огонь будетъ; и если врага не убьешь, пока малъ есть, то возросши, укрѣпится, одолѣетъ тебя и низложитъ тебя.

„Блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ“ сихъ „о камень“. ³⁾

²⁾ Ефес. 6, 7, 10.

³⁾ Псал. 136, 9.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ доставк. 60 к. съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

28
10

ГРЕКИ ПРОСЯТЪ ФИЛИППА: „Намъ хочется видѣть Иисуса“.

„ХОЧЕТСЯ ВИДѢТЬ ИСУСА“.

(Иоан. 12, 21.)

Чего просить этотъ человѣкъ, протягивающій руки къ другому? Чего-то онъ добивается, чего-то действительно желаетъ, что-же ему нужно? И гдѣ они находятся, эти люди? — У самаго Иерусалима стоятъ они всѣ, въ такое время, когда собрано тамъ было множество народа. Наступилъ праздникъ великой Пасхи, къ которому стекались люди изъ разныхъ мѣстъ.

Въ этотъ-же день привѣтствовалъ народъ тамъ Одного Гостя пальмовыми вѣтвями и возгласами: „Осанна! благословенъ Грядущій во имя Господне.“ Фарисеямъ это

привѣтствіе не нравилось, но они ничего не могли сдѣлать противъ могучей толпы и съ досадой говорили между собою: „видите-ли, что не успѣваете ничего, весь міръ идетъ за Нимъ.“

А тутъ еще пришли чужіе, греки, захотѣли принести тутъ и свое поклоненіе, но прежде всего нашли Филиппа, одного изъ учениковъ Христовыхъ и просятъ его: „Господи, намъ хочется видѣть Иисуса!“

За Иисусомъ бѣжала эта Іудейская толпа, оглашая воздухъ своими криками радости; — та самая толпа, которая не долго спустя такъ-же громко закричитъ: „распни Его!“

А тутъ къ Нему влечетъ ее ка-

кая-то невѣдомая сила, къ Нему несетъ она, Его окружаетъ, Его благословляетъ, какъ-будто помимо ея, вырывается изъ груди ея истина, что Онъ есть Благословенный, Богомъ Посланный, что Ему принадлежитъ всякая слава и поклоненіе.

Къ Нему-же льнуть и пришельцы изъ чужого народа: не видавъ Его, Его-же ищутъ безсознательно еще, къ Нему стремятся, Его желаютъ увидѣть. И тѣ, и другіе, и Іудеи, и чужіе, въ этомъ желаніи, въ этомъ поклоненіи какъ-бы сливаются и чувствуютъ, что это есть Тотъ, Который пришелъ и пришельцевъ и Своихъ соединить въ одно благодатное царство любви и для испол-

ненія этого принесетъ величайшую жертву. Они не понимаютъ этого ясно: безумные, ослѣпленные, они, черезъ нѣсколько дней, повлекутъ Спасителя своего на казнь и будутъ ругаться надъ Нимъ и безжалостно оскорблять Его. Но **этотъ** крикъ, въ этотъ праздничный день, былъ крикъ истинный, живой, еще не заглушенный всѣми страстями злаго, человѣческаго сердца. И эти греки, чего могли они пожелать лучшаго, болѣе угоднаго тому Господу, Который пришелъ всѣхъ привлечь къ Себѣ — какъ „видѣть Иисуса“!

„Весь міръ идетъ за Нимъ“, сказали фарисеи съ горечью. Да, потому что Онъ такъ возлюбилъ **весь міръ**, что, пришелъ умереть за него; въ эту минуту этотъ міръ, который окружалъ Его въ Иерусалимѣ, какъ будто затрепеталъ отъ смутнаго сознанія этой всеобъемлющей любви, и пошелъ за Нимъ.

А потомъ что?

А потомъ—власть тьмы. Потомъ крестъ позорный, мучительная смерть Искупителя, одиночество Его полное; только кое-гдѣ, ученикъ стоитъ и глядитъ издали, или сотникъ бьетъ себя въ грудь, говоря: „истинно, это былъ Сынъ Божій!“

Потомъ—основаніе церкви Христовой на землѣ, и непрестанная борьба между тьмою и свѣтомъ, между плотью и духомъ; и черезъ всѣ вѣка, во всѣхъ истинно вѣрующихъ сердцахъ, было одно и тоже желаніе: **видѣть Иисуса**. Видѣть Его Невидимаго, среди скорбей и испытаній міра сего, и Имъ утѣшаться и укрѣпляться противъ искушеній. Видѣть Его сердцемъ, просвѣщеннымъ Духомъ Божиимъ, видѣть Его волю, Его любовь ко всѣмъ, и, наконецъ, по окончаніи земнаго странствованія „увидѣть Его какъ Онъ есть“ во славѣ. „Какъ-бы видя Невидимаго“¹⁾, они пребывали тверды и радостны среди всѣхъ напастей, они побѣждали

грѣхи, они пламенѣли святымъ огнемъ среди охлажденія даже тѣхъ, которые считали себя христианами.

А теперь что?

Есть и охлажденіе, есть и тьмы много, есть и власть грѣха и плоти, но да возбудитъ въ себѣ Церковь Христова желаніе среди всего этого, **видѣть Иисуса**; да вспомнитъ она, что это есть ея назначеніе, ея преимущество, ея цѣль и ея побѣда.

МАШИНА ПРИНЕСЛА.

— Посидите, посидите-ка здѣсь у меня на скамейкѣ, добрые люди; а я расскажу вамъ, что со мной было, какой подарокъ привезла намъ разъ, мнѣ и моей старушкѣ, машина. Дайте только собраться съ духомъ и все я вамъ расскажу.

Живемъ мы тутъ уже давно, близехонько отъ станціи желѣзной дороги, и держу я огорождъ, продаю разные овощи, тѣмъ и кормимся. Разъ, подъ вечеръ, уже много лѣтъ тому назадъ, слышимъ мы, въ обыкновенное время, свистокъ пассажирскаго поѣзда. Подѣхала машина, простояла на станціи минутъ пять и потянулась дальше.

Сидимъ мы съ Лизаветой, женой моей, чай пьемъ, вдругъ стучится къ намъ кто-то, вбѣгаетъ сосѣдка, схватила меня за рукавъ и говоритъ: „идите, я вамъ что-то покажу“. Я выхожу, за мной жена, сосѣдка подводитъ насъ къ самой калиткѣ нашего садика, и тутъ, на зеленой травкѣ, узелочекъ лежитъ.

„Я шла мимо станціи“, говоритъ сосѣдка, „а тутъ изъ вагона выбѣжала какая-то женщина съ узелочкомъ, прямо къ вашей калиткѣ, узелокъ оставила, а сама поскорѣ назадъ въ вагонъ и уѣхала“..

Наклонились мы всѣ трое, раскрываемъ узелокъ, а тамъ ребеночекъ, маленькій, премаленькій, лежитъ и спитъ.

Взяла жена моя младенца на руки, поцѣловала его, плачетъ надъ нимъ и понесла домой. „Видно пожалѣлъ Господь наше сиротство бездѣтное“, говоритъ она, „прислалъ намъ съ машиной сокровище“.

Ласковая была моя Лизавета, такъ и глядитъ, кого-бы приголубить, а дѣтей-то у насъ и не было. Радехонекъ и я былъ, и на жену-то весело смотрѣть, и самому любо, что ребенка машина принесла. Оставили мы себѣ дѣвочку, назвали ее Лизаветой, только прозывать ее у насъ стала **Лиля** и просто не наглядѣться было на нее: что за дѣвочка. Не знали мы, ни кто она, ни чья, вотъ и стала она совсѣмъ наша родная и радоваться на нее не могли.

Стала Лиля подростать, уже шестой годокъ пошелъ, глазки какъ незабудочки, волосы кудрявые, золотистые, сама бѣленькая, веселая, такъ и вьется вокругъ насъ, то папу, то маму цѣлуетъ, ласкаетъ, просто такая голубушка, что другой, такой, кажется, и не найди.

Разъ подбѣгаетъ ко мнѣ Лиля и спрашиваетъ: „Папа, вѣдь я твоя дочка родная? Правда, вѣдь твоя же? Вотъ Катя говоритъ, будто меня къ тебѣ машина привезла; — ей такъ ее мама сказала“.

Катя была старшая дочка нашей сосѣдки и часто съ Лилей играла.

— „Пустяки“, сказалъ я, „не слушай ты Катю, моя милочка“.

— „А можетъ быть это правда, папа?“

Тутъ жена моя заговорила:

„Слушай, душечка“, сказала она, „Ангелы Божіи видѣли, что у папы и у меня нѣтъ маленькой дѣвочки и что намъ безъ нея очень скучно, вотъ они тебя взяли, Лиля, и прислали къ намъ“.

Разъ, поздно вечеркомъ, тебя къ намъ машина привезла; съ тѣхъ поръ ты и наша“.

„Ангелы“, повторила дѣвочка, „да, я разъ одного видѣла на картинкѣ, у него въ рукѣ цвѣточекъ и глазки кверху смотрятъ“.

¹⁾ Евр. 11. 27.

Потомъ, въ полголоса, какъ бы про себя, она прибавила: „а если опять захотятъ меня Ангелы назадъ взять, такъ опять приплютутъ за мной машину?“

— „Нѣтъ, моя дѣточка“, вскричала жена, „долго, долго еще не понадобится ты имъ, погостишь еще у насъ“.

Но послѣ того дня малютка наша часто, бывало, играетъ себѣ и все твердитъ: „Захотятъ меня Ангелы опять назадъ взять, приплютутъ за мной машину, подѣдетъ машина, пухъ, пухъ, тихонько, тихонько; потомъ остановится, позовутъ: Лиля, иди скорѣй. Я поцѣлую маму, папу, скажу: прощайте, не плачьте, меня Ангелы опять назадъ берутъ, туда, къ Богу“.

Такъ болтала себѣ дѣвочка чашенько, а мы, какъ прислушивались—у насъ сердце такъ и замирало. А между тѣмъ, бояться, казалось, нечего: здоровенькая она у насъ такая и никогда не хворала. Разъ даже досадно мнѣ какъ-то стало и говорю я женѣ:

„Напрасно ты сказала ей, она теперь все про одно твердитъ“, а жена мнѣ отвѣчаетъ:

„Мало-ли что болтаетъ ребенокъ въ игрѣ“, а у самой слезы на глазахъ.

Разъ иду я продавать овои свои (ровно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а ужъ какъ памятенъ мнѣ этотъ день) провожаетъ меня Лиля и кричитъ: „прощай, папа, приду встрѣчать тебя у забора“!

Заборъ былъ недалеко отъ нашего дома, у самого полотна желѣзной дороги. Мимо этого забора проходилъ я, когда шелъ домой, а Лиля съ подругой своей Катей любила выбѣгать навстрѣчу, и куда меня еще нѣтъ, сядутъ обѣ на заборъ и смотрятъ какъ тихо подвигается машина къ станціи. Привычное дѣло имъ это было и опасности мы не боялись, потому что послушная было наша дѣвочка, мы знали, что она не станетъ перебѣ-

гать черезъ полотно, потому и не запрещали ей любимую забаву. Да и Катя была разумная, большая дѣвочка, лѣтъ десяти.

Попрощавшись я съ милой дочкой и пошелъ себѣ со своимъ товаромъ. Все продалъ довольно скоро; пора домой идти, а жара страшная, въ горлѣ такъ пересохло, что долго показалось мнѣ ждать до дому, чтобы напиться чего нибудь. По дорогѣ трактиръ—давай, зайду, выпью хоть стаканъ пива.

Выпилъ я не одинъ, а гораздо больше, должно быть, такъ ужъ истомился жаждой. Самъ не знаю, сколько я выпилъ, только помню, что, какъ вышелъ я оттуда, у меня голова какъ камень отяжелѣла; къ тому еще солнце пекло, такъ что еле передвигалъ я ноги. Дошелъ я до забора, а Лили еще нѣтъ. „Давай“, думаю, „посижу здѣсь, отдохну, подожду дѣвочку“.

Сѣлъ у забора, да какъ разъ по ту сторону, которая къ самому полотну, задремалъ сейчасъ-же и во снѣ растянулся такъ, что голова у меня на самыхъ рельсахъ очутилась. Народу тутъ не было, потому что заборъ не у самой станціи былъ; я себѣ и лежу, ничего не помню.

Остальное намъ Катя рассказала.

Приходятъ онѣ съ Лилей къ забору, а я лежу поперекъ полотна и сплю крѣпко.

„Онъ спитъ“, закричала Лиля, „Катя, онъ спитъ, а что это тамъ гудитъ? слышишь?“

Вдали гудѣлъ подходящий поѣздъ.

„Папа, вставай“, закричала Лиля „вставай, вставай, папа“, но я ничего не слыхалъ и не двигался. „Машина раздавить“, закричали обѣ дѣвочки вмѣстѣ и стали дергать меня за руку, но я все таки не шевелился.

Тогда Лиля кинулась ко мнѣ, обхватила своими рученками мою голову, стараясь сдвинуть ее съ мѣста, и все молила: „папа, милый, вставай, слышишь, папа, скорѣй вставай, машина идетъ, папа“.

Катя пробовала помочь ей сдвинуть меня, но вѣдь я былъ полный, высокій мужчина и спалъ тяжелымъ сномъ, гдѣ же было двумъ дѣвочкамъ со мной справиться.

Ближе, ближе подходитъ поѣздъ, я смутно помню какой-то шумъ, точно въ самой головѣ у меня, тутъ Катя закричала: „отойди, Лиля, машина идетъ прямо на тебя“, но дѣвочка не трогалась, все не выпускала изъ рукъ моей головы; наконецъ, въ отчаяніи, что я все не просыпаюсь, она кинулась съ распростертыми ручками навстрѣчу машинѣ и громко, громко закричала: „стой, стой, тутъ мой папа лежитъ!“ Услышали крикъ, остановили машину въ двухъ шагахъ только отъ меня, такъ что обдало меня вдругъ жгучимъ паромъ и тутъ я только очнулся и поднялъ голову. Не могъ сперва понять, что случилось, вижу только, что какой-то человекъ подымаетъ съ травы Лилю. Я вскочилъ на ноги, подбѣжалъ, схватилъ ее на руки и гляжу на нее! Не дышетъ Лиля, посинѣвшія губки полуоткрыты, глаза замкнуты, въ лицѣ ни кровинки. Но поврежденія нѣтъ на ней никакого, даже не опалила ее машина жаркимъ своимъ дыханіемъ, только отбросила въ сторону. и упала Лиля, какъ скошенный цвѣточекъ, вѣрно ударилась головкой обо что нибудь, такъ и жизнь кончила. Жизнь кончила! не вѣрилось мнѣ, неужели не придетъ она въ чувство?

Понесъ я ее домой, а у самого такая тоска, что хотѣлось бы въ сырую землю лечь и не встать больше. Ахъ, кабы не это пиво, кабы перетерпѣлъ я жару и не заходилъ туда, гдѣ потерялъ рассудокъ,—была-бы моя крошка еще цѣла! Идетъ рядомъ со мною Катя, плачетъ и рассказываетъ все, какъ было, а я и слушаю и не слушаю, и все жду—не откроетъ-ли Лиля глазки, и сердце такъ и рвется, рвется. Донесъ домой, жена поблѣднѣла, какъ смерть, приняла ее изъ

моихъ рукъ и положила на кроватку.

Ничего тутъ она выговорить не могла, только уже подъ вечеръ, глядя на нее, сказала:

„Такъ и вышло, по ея словамъ: понадобилась она опять Ангеламъ. Прислали ее къ намъ по машинѣ, и по машинѣ назадъ унесли.“

Позвали доктора, но чѣмъ могъ онъ насъ утѣшить! Только тѣмъ, что осмотрѣвъ ее, сказалъ: „она не страдала, ее сразу убило, однимъ ударомъ“ и за то слава Богу: хоть не мучилась она, спасая мнѣ жизнь.

Пролежала у насъ наша дѣточка еще три денька; тихо стало въ домѣ, только слышался плачь безутѣшный.

Разъ, уже въ послѣдній день, стою, гляжу я на Лилю, лежитъ еще, какъ живая, точно рассказать хочетъ про Ангеловъ, точно окружаютъ они ее, такъ радостно было лицо ребенка. „Господи, думаю себѣ, дай Ты увидѣть намъ еще нашу дѣточку въ радости, весельи небесномъ, дай опять услышать голосокъ ея!“

Долго я тутъ плакалъ, а вечеромъ, самъ не знаю какъ, взялъ съ полки большое Евангеліе, которое давно не читалъ и раскрылъ его, самъ не зная, на какой страницѣ, жена лампочку поближе подставила, я гляжу въ книгу святую и сквозь слезы ничего разобрать не могу. Наконецъ, очки надѣлъ и прямо упали глаза мои на эти слова Христовы: „Я есмь Путь“! Путь туда, куда улетѣла наша пташка сердечная, путь къ этой радости и веселью небесному, гдѣ мнѣ хотѣлось ее видѣть; путь къ Богу Ангеловъ и людей, Который въ пресвѣтломъ Своемъ раю упокоилъ нашу малютку.

„Я есмь Путь“ это точно отвѣтъ на мое желаніе, на мою молитву. Я сначала дальше и читать не могъ, все повторялъ: „Я есмь путь“, а жена смотритъ на меня и слушаетъ. Потомъ я уже ей всю главу прочиталъ: про чудныя оби-

тели небесныя, про вѣчный миръ душевный и про то, какъ Господь общалъ насъ сиротами не оставить.

На другое утро схоронили мы Лилю и какъ опускали ее въ могилу, я уже не въ землю смотрѣлъ, а все точно подымали меня къ небу слова: „Я есмь Путь“. И какъ домой пришли, я сказалъ женѣ: „Лиза, этотъ путь намъ съ тобой узнать надо и крѣпко его держаться, пока и насъ Богъ къ Лилѣ призоветъ“.

Сперва мнѣ все переѣхать хотѣлось подальше куда нибудь, не могъ я на машину глядѣть, а мимо оконъ какъ разъ проѣзжаетъ она много разъ въ день и точно все твердитъ намъ: „Принесла и унесла! Принесла и унесла!“ А потомъ думаю себѣ: „нѣтъ, останусь здѣсь; все здѣсь нашу дѣвочку такъ напоминаетъ, тѣмъ и лучше. Чѣмъ живѣе видишь ее передъ собою, тѣмъ яснѣе все слышится и слова Христовы: „Я есмь Путь“, и не хочется съ этого пути сходить ни на минуту. И Лиза пожелала лучше здѣсь остаться; такъ и остались.“

И вотъ, состарѣлись мы уже, посѣдѣли оба, и живемъ себѣ вдвоемъ только; а дѣвочка наша у насъ все передъ глазами. Все манитъ насъ по Божьему пути впередъ, впередъ; и благодаримъ мы Бога каждый день за эти шесть годковъ, которые прожила она съ нами. И когда машина мимо проѣзжаетъ, и многихъ людей въ разныя мѣста несетъ, глядишь и думаешь: „Приведи Ты насъ, Господи, къ одному мѣсту, которое Ты для насъ уготовалъ“!

Добрые люди! желаю и вамъ того-же самаго. Хороша была наша дѣвочка, хорошо было наше житіе съ ней, къ хорошему она насъ привела; хотѣлось и вамъ про нее рассказать...

ПОДРАЖАНІЕ.

изъ твореній св. Тихона Задонскаго.
(Сокровище духовное отъ міра собираемое. Ч. II).

Видимъ въ мірѣ, что подданные царю, рабы господину, дѣти отцу, ученики учителю, а прочіе люди другимъ людямъ подражаютъ. Что одинъ дѣлаетъ, то и другой, то и третій, то и всѣ дѣлаютъ. Одинъ сдѣлалъ такіе-то покои, и другой, и третій дѣлаетъ такіе же. Одинъ началъ въ такомъ-то платьѣ ходить, и прочіе ему послѣдуютъ въ томъ. Такъ и въ прочемъ.

Видишь, христіанинъ, что сыны вѣка сего дѣлаютъ, и какъ другъ другу подражаютъ. Намъ что дѣлать? Кому подражать? Мы христіане отъ Христа: кому же и подражать какъ не Христу, отъ Котораго имя свое имѣемъ? Онъ нашъ Царь; мы подданные Его. Онъ нашъ Господь; мы недостойные рабы Его. Онъ нашъ Отецъ, отъ Котораго вновь родились мы; мы недостойныя чада Его. Онъ нашъ учитель; мы недостойные ученики Его. Кому же подражать намъ, какъ не Ему? Пусть сыны вѣка сего другъ другу подражаютъ; мы положимъ предъ собою Христа и святое житіе Его, и подражаемъ Тому, Который Самъ намъ Себя во образъ и подраженіе представляетъ. «Я далъ вамъ примѣръ, чтобъ и вы дѣлали то же, что Я сдѣлалъ вамъ¹⁾». Былъ Онъ смиренъ, кротокъ, тихъ, терпѣливъ, милостивъ, милосердъ, нищъ, такъ что не имѣлъ гдѣ главы приклонить, какъ Самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ: „Лисицы имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ гдѣ приклонить голову²⁾“. Предложимъ сіи и прочія прекрасныя Его добродѣтели предъ умными нашими очами, и потщимся по силѣ подражать имъ. Былъ Онъ смиренъ; будемъ и мы смиренны предъ Богомъ и Человѣками. Любилъ Онъ всѣхъ такъ, что и душу Свою за всѣхъ поло-

¹⁾ Іоан. 13. 15. ²⁾ Матѣ. 8. 20.

жилъ; возлюбимъ и мы другъ друга и Его Самого во первыхъ. Былъ Онъ кротокъ ко всѣмъ хулящимъ Его; будемъ и мы кротки къ поносящимъ и укоряющимъ насъ. Былъ Онъ долготерпѣливъ ко всѣмъ страданіямъ Своимъ; претерпимъ и мы все, что намъ ни приключится противное. Презрѣлъ Онъ всю міра славу, честь и богатство, — „Его же земля и что наполняетъ ее“³⁾; презримъ и мы, и возлюбимъ вѣчныя блага. Видимъ, что люди подражаютъ другимъ ради различныхъ причинъ: иные подражаютъ во угодность тѣмъ, коимъ подражаютъ; иные въ свое удовольствіе и угожденіе; иные ради своей пользы. Намъ, христіанинъ, для всѣхъ сихъ причинъ должно Христу, Господу нашему подражать. Угодно сіе есть Христу, когда Ему подражаемъ; ибо Онъ хочетъ сего отъ насъ, не такъ ради Себя, какъ ради насъ. Угодно сіе и намъ благопріятно; ибо что любезнѣе, благопріятнѣе и слаще, какъ небесному Царю смиренному, насъ ради обнищавшему, кроткому, долготерпѣливому, преблагому, щедрому, Агнцу Божию незлобивому, непорочному, пречистому послѣдовать? Весьма намъ и полезно сіе. Самъ разсуди, что полезнѣе, какъ Христу послѣдовать? Онъ есть свѣтъ міру; когда въ слѣдъ Его будемъ ходить, не пребудемъ во тьмѣ, но свѣтѣ. „Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“⁴⁾. Онъ есть „путь, истина и жизнь“⁵⁾. Когда Пути сего будемъ держаться, подлинно не заблудимся. Когда Истинѣ будемъ послѣдовать, не прельстимся отъ злаго и прелестнаго міра. Когда при Жизни сей пребудемъ, не умремъ, но живы будемъ во вѣки. Видишь, христіанинъ, что не только полезно, но и нужно Христу послѣдовать. Мы, бѣдные, какъ овцы заблудившіеся въ мірѣ семъ; не знаемъ пути къ небесному отечеству. Поручимъ

себя въ предводительство Спасителю нашему, Иисусу Христу, и пойдемъ въ слѣдъ Его, и приведетъ насъ къ небесному Своему Отцу, въ вѣчное Его Царство, ибо говорить: „Никто не приходитъ ко Отцу, какъ только чрезъ Меня“⁶⁾.

Христіанинъ! если боишься вѣчно погибнуть, и сердечно желаешь вѣчно спастись, вѣруй во Христа, и смиренно живи на землѣ, какъ и Онъ жилъ; и спасешься. — Чего и тебѣ желаю!

ДУША.

„Благослови, душа моя, Господа!“¹⁾

Давидъ пробуждаетъ свою душу. Онъ знаетъ, милые друзья, какъ легко говорить и даже думать о духовныхъ вещахъ, а душа спитъ! Не пробуждается та внутренняя, сокровенная часть человѣка, не изливается она ничего потому, что спитъ. Знаете, что нужно бываетъ главнымъ образомъ и во всякое время, — это душа. Кто-то разъ замѣтилъ, что когда Авраамъ вышелъ изъ Египта, сказано въ Библии, что онъ вывелъ съ собою много душъ. Онъ былъ очень богатъ, намъ говорится, и скотомъ, и серебромъ, и золотомъ, и душами.

Въ древнія времена, слуга человѣка назывался душой.

А теперь что онъ такое? Рука. Спрашиваютъ: Сколько рукъ работаютъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такомъ-то заводѣ?

Что такое слуга въ наше время? — Пять пальцевъ, которые забираютъ какъ можно больше жалованья, и даютъ какъ можно меньше труда взаменъ.

А хозяинъ? Хозяинъ смотритъ на эти пять пальцевъ для того, чтобы вложить въ нихъ какъ можно меньше жалованья, и за это извлечь изъ нихъ какъ можно больше пользы.

А если за рукой у человѣка

еще проглядываетъ и душа, душа живая; и если хозяинъ кромѣ руки, видитъ въ своемъ слугѣ еще и душу, ахъ, тогда хорошее время бываетъ и для хозяина и для слуги!

Міръ очень бѣденъ сталъ; бѣденъ, именно душами, и въ чемъ нуждается онъ болѣе всего: — въ душѣ. Люди даютъ свое время, свой трудъ, свои дарованія, но они не даютъ свою душу. Эту душу, которая есть единое богатство человѣка, эту душу, безъ которой всякое дѣло мертво; гдѣ же спрятана она, эта душа?

Нанялъ я разъ работника по-работать у меня въ саду, но нѣсколько разъ подходилъ я къ нему и все видѣлъ, что онъ смотритъ по сторонамъ, кое-какъ, небрежно, копаетъ землю и дѣло впередъ не подвигается. Скоро послѣ полудня я рассчиталъ этого работника, потому что видѣть не могъ такой работы.

И всякая работа, можетъ-ли быть успешна, если она дѣлается безъ души?

Слово Божіе говоритъ: „все, что дѣлаете, дѣлайте отъ души,“²⁾ значитъ, душа нужна прежде всего.

Душа нужна міру, душа нужна въ этомъ домѣ, душа нужна въ этомъ дѣлѣ, вездѣ, вездѣ душа.

Давай душу твою, другъ мой, иначе ты напрасно трудишься, напрасно молишься, напрасно надѣешься на какой нибудь успѣхъ. „Благослови, душа моя, Господа“, говоритъ Давидъ „и вся внутренность моя Святое Имя Его“.

Давай всю твою душу, не жалѣй; отдавая душу твою, ты приобрѣтешь ее. Она расширится, она обогатится, ты найдешь жизнь настоящую и трудъ твой принесетъ обильный плодъ. Безъ души-же всѣ твои старанія, твоя работа, все дѣло рукъ твоихъ — одна насмѣшка.

Человѣкъ, давай душу твою и вложи ее во все, что ты дѣлаешь для Бога, и для ближнихъ. Мо-

³⁾ Псал. 23. 1. ⁴⁾ Иоан. 8. 12. ⁵⁾ Иоан. 14. 6.

⁶⁾ Иоан. 14. 6. ¹⁾ Псал. 102. 1.

²⁾ Кол. 3. 23.

лишься ты—молись отъ души; трудись-ли—трудись отъ души; люби, жалѣй, старайся отъ всей души. Какъ оживится тогда весь твой путь земной, какую силу получатъ твои слова и твое усердіе! Душа твоя, Богомъ просвѣщенная, станетъ чуткая на голосъ Божій; услышитъ повелѣнія Его и будетъ стремиться по путямъ Его все ревностиѣ, все радостиѣ, пока отвернется ей небо и Господь приметъ ее къ Себѣ. „Благослови душа моя Господа!“

ЖАЛОБЫ.

Одинъ человѣкъ хорошій имѣлъ нравъ недовольный. Все было не по немъ, а главное—съ прочими людьми житья нѣтъ: и несносные они и обижаютъ его и все ему на-противъ дѣлаютъ. Былъ онъ учителемъ въ большомъ селѣ, имѣлъ дѣло и съ родителями дѣтей и съ другими людьми, и казалось, какъ бы не жить тутъ и дѣлать свое дѣло? Онъ и работалъ сколько могъ, себя не жалѣлъ, да только самому-то было невесело, потому что все съ людьми не ладилъ.

Разъ пріѣхалъ къ нему пріятель, человѣкъ благочестивый, смиренный, повѣряетъ ему тотъ всѣ свои горести, рассказываетъ про окружающихъ: что и тотъ ему не такъ отвѣтилъ, и другой не такъ посмотрѣлъ, и видно, что много накопилось у него на душѣ, потому что рассказамъ его конца не было, — обрадовался, что нашелъ кому повѣдать горе. А пріятель слушаетъ и молчитъ. Наконецъ, вдругъ сказалъ:

— „Позволь-ка, другъ мой, я тебѣ сдѣлаю теперь три вопроса, про всѣхъ этихъ людей. Скажи мнѣ, во-первыхъ, плевали-ли они тебѣ когда нибудь въ лицо?“

— „Нѣтъ“.

— „Били-ли они тебя по щекамъ?“

— „Нѣтъ“.

— „Надѣвали-ли на тебя вѣнецъ терновый и вбивали-ли тебѣ гвозди въ руки и ноги?“

— „Нѣтъ“.

— „Ну, вотъ видишь-ли“, сказалъ пріятель, „а Христу все это сдѣлали люди и Онъ не отверзалъ устъ Своихъ, тебѣ же ничего такого еще не сдѣлали, а ты не перестаешь открывать уста, чтобы осуждать ихъ“.

Учитель опустил голову, пристыженный, и долго молчали оба въ этотъ вечеръ.

На другой день пріятель уѣхалъ, но слова его не изгладились и все пошло другое для нашего учителя. Онъ пересталъ даже и въ сердцѣ жаловаться на своихъ ближнихъ. Онъ обратилъ къ нимъ много любви и много терпѣнія, и показалось ему, что они стали совсѣмъ другіе, а между тѣмъ—это онъ сталъ другой.

АВРААМЪ И ТРИ СТРАННИКА.

(Быт. гл. 18).

Великія двѣ вѣсти принесли эти три странника Аврааму. Небожители были они, Ангелы Божіи въ образѣ человѣческомъ, сошли на грѣшную землю и подошли прямо къ шатру, у котораго сидѣлъ Авраамъ, въ знойный день.

Какую вѣсть принесли они этому человѣку, который вѣрою выпелъ изъ родины своей въ землю, которую указалъ ему Богъ; который вѣрою жилъ на этой землѣ, въ шатрахъ, какъ чужой¹⁾. Престарѣлый, бездѣтный, оторванный отъ всего своего прошлаго, онъ опирался на одно только могучее обѣтованіе Бога своего.

Что скажутъ они старцу, который давно уже слышалъ отъ Господа эти слова: „Не бойся, Авраамъ, Я твой щитъ; награда твоя весьма великая,... посмотри на небо, и сосчитай звѣзды, если ты можешь счастье ихъ... столько будетъ у тебя потомковъ“;²⁾ и повѣрилъ онъ этому

¹⁾ Евр. 11. 8, 9. ²⁾ Быт. 15. 4.

Авраамъ и три странника.

обѣтованію, и хранилъ его въ сердцѣ, и ждалъ въ упованіи.

Радость несутъ ему небесные Вѣстники.

Авраамъ всталъ на встрѣчу имъ, поклонился до земли и сталъ просить: „Владыка! не пройди мимо раба Твоего!“.

Они остановились, отдохнули, по просьбѣ его, приняли отъ него пищу, потомъ Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Я опять буду у тебя въ это же время, въ слѣдующемъ году и будетъ сынъ у Сарры, жены твоей“.

Дивная вѣсть! Усумнилась Сарра; усмѣхнулась даже, такъ ей невѣроятно это показалось. Но въ отвѣтъ на эти слова: „Есть ли что трудное для Господа?“—что могла она сказать? Она испугалась, замолчала, и смирилась.

А Авраамъ? Скрывъ драгоцѣнное обѣщаніе въ сердцѣ, онъ идетъ провожать великихъ гостей,—и тутъ содрагается отъ чужой бѣды, отъ чужой тяжелой вины его сердце, только что обрадованное.

Ангелы пошли къ Содому, многогрѣшному городу, откуда вопль нечестія возносился къ небу день и ночь. Авраамъ пошелъ за ними; и тутъ повѣдалъ ему одинъ изъ ангеловъ (Самъ Господь) вторую вѣсть: что Онъ идетъ страшнымъ судомъ поразить этихъ беззаконныхъ лю-

дей. Велика была въ душѣ Авраама радость, при мысли о только что обѣщанномъ сынѣ; велико было негодованіе его праведной, боголюбивой души, при мысли о тѣхъ страшныхъ грѣхахъ, которыми жители Содома гнѣвили Бога; но выше всего этого была безпредѣльная жалость къ этимъ несчастнымъ погибающимъ, и къ этимъ нѣсколькимъ праведникамъ, которые, быть можетъ, не осквернили себя грѣхомъ.

И начинаетъ онъ, со смиреннымъ, великимъ дерзновеніемъ любви, свое ходатайство.

„Неужели Ты погубишь и не пощадишь?... Ради пятидесяти.... ради сорока пяти.... ради тридцати.... ради двадцати.... ради десяти праведниковъ?“

И Господь даетъ себя умолить. „Не истреблю ради десяти“, говоритъ Онъ.

Послѣ „десяти“ Авраамъ замолчалъ, не дерзая просить дальше.

Надѣялся онъ, что хоть десять найдется; но и тѣхъ не нашлось.

Да, грозная была эта вторая вѣсть! И страшно было ея исполненіе! Тѣ-же благодатныя уста, которыя произнесли благословеніе на вѣрующаго Авраама, изрекли и проклятіе на преступный городъ. Ибо праведенъ Господь, и не терпитъ зла.

Между тѣмъ, долготерпѣливъ Господь! Какъ милостиво долго терпитъ насъ, оскорбляющихъ Его святость каждый день! Еслибы такіе три Странника подошли сегодня къ нашему жилищу, что сказали бы они намъ, эти гости небесные, нелюбезныя, непорочные?

Если ты имѣешь „добрую совесть“ ³⁾ передъ Богомъ,—о, моли за другихъ, да помилуетъ ихъ Господь, дѣло въ томъ, что они покаются,—и смотри, чтобы свѣтъ твой горѣлъ передъ ними и тревожилъ ихъ грѣховный сонъ.

Если же сердце твое осуждаетъ тебя ⁴⁾, смипись во прахъ передъ

Господомъ, — моли Его, да пробудитъ Онъ тебя, да очиститъ, да вложитъ тебѣ свѣтильникъ Свой въ руку, да сдѣлаетъ тебя однимъ изъ тѣхъ живыхъ праведниковъ, ради которыхъ Онъ и другихъ пощадитъ.

МЕРТВОЕ МОРЕ. ¹⁾

Печальный видъ представляетъ собою нынѣ земля обѣтованная, нѣкогда кипѣвшая молокомъ и медомъ, но теперь, за грѣхи народа Божія, превращенная почти въ безплодную пустыню. Но всего печальнѣе на ней видъ Мертваго или Соленого моря и его окрестностей. Мертвенная стихія, не питающая въ лонѣ своемъ ни одной живой твари, страшно, какъ Божіе проклятіе, тяготеетъ надъ развалинами преступныхъ городовъ, въ которыхъ тицетно правосудіе Божіе желало найти десять праведниковъ! Взоръ странника печально скользитъ по этой мертвой, неподвижной глади водъ, никогда не возмущаемыхъ ни весломъ пловца, ни дуновеніемъ бури, — вѣчно сонныхъ и неподвижныхъ; только, изрѣдка, струи Иордана или Кедрскаго потока, несущихъ воды свои въ Мертвое море, оживятъ на мгновеніе печальную поверхность его, но тотчасъ же исчезнуть, поглощенные горькими и солеными водами его.

Этой мертвой неподвижности моря соотвѣтствуютъ самые берега и окрестности его. Песчаныя и гористыя, онѣ не представляютъ взору никакой зелени, никакого кустарника, или дерева; ядовитыя испаренія моря убиваютъ на далекое пространство отъ береговъ всякую растительность, и только питаютъ, и то изрѣдка, одно растеніе: виноградъ или лозу содомскую. ²⁾ Красивый по наружности гроздь его внутри наполненъ не питательнымъ

сокомъ, но прахомъ и горечью. Напрасно взоръ путешественника искалъ-бы слѣдовъ какого нибудь жилья человѣческаго въ пустынныхъ окрестностяхъ Мертваго моря. Люди и даже животныя не дерзуютъ основывать себѣ жилища въ странѣ, обреченной Богомъ на всегдѣшнее заустѣніе; только, иногда, пустынный арабъ, этотъ истый потомокъ Измаила, котораго „руки на всѣхъ и руки на него“, ²⁾ рыщетъ по безлюднымъ окрестностямъ Мертваго моря, высматривая неосторожнаго странника; или толпа поклонниковъ, увлеченная библейскими воспоминаніями, приходитъ изъ Іерусалима нарушить безмолвіе пустыни Мертваго моря: Словомъ, все мертво, безплодно и безлюдно въ окрестностяхъ его, какъ бы въ вѣчное доказательство той непреложной истины, что и жизнь физическая не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ изсякъ источникъ жизни духовной.

Но всегда-ли эта несчастная страна была такъ мертвенна и безлюдна?... Было время, когда она покрыта была городами и селеніями, кипѣвшими жизнью, — устлана тучными пажитями, усеяна цвѣтущими садами, такъ что взору зрителя представлялся на ней рай Божій. „Лотъ возвелъ очи свои“, говоритъ бытописатель о разлученіи Лота отъ Авраама, „и увидѣлъ всю окрестность Иорданскую, что она, прежде нежели истребилъ Господь Содомъ и Гомору, вся до Сигора орошалась водою, какъ садъ Господень, какъ земля Египетская“. ³⁾ Но нечестіе жителей превратило этотъ рай Божій, эту цвѣтущую страну въ безплодную пустыню. И сказалъ Господь: „воплъ Содомскій и Гоморскій, великъ онъ, и грѣхъ ихъ, тяжель онъ весьма“. ⁴⁾ Свѣтлая радость Авраама, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ получившаго славное обѣтованіе о рожденіи Исаака, омрачи-

¹⁾ Изъ Журн. Воскресное чтеніе. IX. 209

²⁾ Втор. 32, 32. ²⁾ Быт. 16, 42.

³⁾ Быт. 13, 43. ⁴⁾ Быт. 18, 20.

³⁾ Петр. 3, 16. ⁴⁾ Иоан. 3, 20.

МЕРТВОЕ МОРЕ.

лась бѣдствіемъ, предстоявшимъ нечестивымъ городамъ, и праведникъ дерзнулъ, именемъ самой правды Божіей, ходатайствовать предъ Богомъ за нечестивыхъ. Бытописатель передаетъ намъ прекрасную бесѣду Бога съ Авраамомъ, въ которой отчасти раскрыта тайна долготерпѣнія Божія къ грѣшникамъ и тайны стоянія цѣлаго міра. ⁵⁾

Но десяти праведниковъ не нашлось въ цѣлыхъ пяти городахъ, кипѣвшихъ жизнью! Только Лотъ, едва ли не единственный праведникъ въ Содомѣ, съ небольшимъ семействомъ своимъ, найденъ достойнымъ чудеснаго спасенія изъ среды истребленія, и едва онъ оставилъ землю, въ которой „живя между ними, ежедневно мучился въ праведной душѣ, видя и слыша дѣла беззаконныя“. ⁶⁾

⁵⁾ См. Статью Авраамъ и три странника.

⁶⁾ 2 Петр. 2, 8.

„И пролилъ Господь на Содомъ и Гомору дождемъ сѣру и огонь отъ Господа съ неба. И низпровергъ города сіи, и всю окрестность сію, и всѣхъ жителей городовъ сихъ, и всѣ произрастенія земли“. ⁷⁾ Пять нечестивыхъ городовъ погибли, со всѣми жителями и имуществомъ, въ семь ужасномъ пожарѣ, и ничего не осталось отъ нихъ, кромѣ соленого столба,—это жена Лотова, вопреки повелѣнію Господню оглянувшаяся назадъ и превращенная въ соленый столбъ. Нѣсколько вѣковъ она стояла уединеннымъ стражемъ пустыни Мертваго моря, пока время не сокрушило ее.

„Содомъ и Гомора, по словамъ Апостола Іуды, „подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ“. ⁸⁾ Таковъ былъ конецъ ихъ,

таковъ будетъ и послѣдній день міра, „и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и все дѣла на ней сгорятъ“. ⁹⁾ И такъ-же преуспѣетъ и возвысится нечестіе предъ концемъ міра, какъ возвысилось оно въ Содомѣ во дни Лота: „такъ-же какъ было во дни Лота: ѣли, пили, покупали, продавали, садили, строили; но въ день, въ который Лотъ вышелъ изъ Содома, пролился съ неба дождь огненный и сѣрный, и истребилъ всѣхъ. Такъ будетъ и въ тотъ день, когда Сынъ Человѣческій явится“ ¹⁰⁾.

Блаженны тѣ, которые, подобно Лоту, будутъ спасены отъ „озера огненнаго“ ¹¹⁾ и вселены на землѣ новой и подъ новымъ небомъ“. ¹²⁾

⁹⁾ 2 Петр. 3, 10. ¹⁰⁾ Лук. 17, 28—30. ¹¹⁾ Откр. 20, 14. ¹²⁾ Откр. 21, 1.

⁷⁾ Быс. 19, 24, 25. ⁸⁾ Іуд. 1, 8.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ доставк. 60 к. съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ДОЧЬ ІЕФѢАЯ.

ДОЧЬ ІЕФѢАЯ.

Горе и радость одновременно представлены на нашей картинѣ.

Молодая дочь кидается на встрѣчу отцу, а онъ отворачивается отъ нея, почти отталкиваетъ ее, въ скорби своей.

Что это означаетъ?

Мы находимъ этотъ рассказъ въ Библии, въ книгѣ Судей Израилевыхъ. (Гл. II).

Описывается отступленіе народа Израилева отъ Бога, приносили жертвы разнымъ языческимъ богамъ, а „Господа оставили и не служили Ему“. Воспылалъ на нихъ гнѣвъ Божій и Онъ предалъ ихъ въ руки враговъ. Аммонитяне стали тѣс-

нить народъ, раззорять его, наконецъ перешли Іорданъ и вступили въ землю Іудейскую. Стало народу тѣсно, страшно, невыносимо, вспомнили онъ Бога своего, Котораго оскорбилъ „и возопили сыны Израилевы къ Господу и говорили: согрѣшили мы передъ Тобою, потому что оставили Бога нашего“.

Но Господь отвергъ моленіе ихъ. „Пойдите, взывайте къ богамъ, которыхъ вы избрали, сказалъ Онъ, пусть они спасаютъ васъ въ тѣсное для васъ время. Я не буду спасать васъ“. Но народъ неотступно молилъ: „согрѣшили мы, избавь насъ“. И отвергнули отъ себя чужихъ боговъ и стали служить Господу. И тогда что? Писаніе говоритъ: „не

потерпѣла душа Его страданія Израилева“ и рѣшилъ Господь избавить ихъ.

Расположились оба войска близъ мѣста называемаго Галаадъ, и тутъ выступилъ начальникъ войска Израильскаго человѣкъ, про котораго сказано, что „на немъ былъ Духъ Господень“. Этотъ человѣкъ былъ Іефѣай. Онъ послалъ сперва пословъ къ царю Аммонитскому, прося его отступить и не вторгаться въ наслѣдіе народа Израильскаго; но тотъ не послушалъ и Іефѣай выступилъ противъ него. Прежде того, онъ далъ обѣтъ Господу и сказалъ: „если Ты предашь Аммонитянь въ руки мои, то по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ Аммо-

нитянь, что выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу, и вознесу сіе на всесоженіе“.

Поразилъ Господь Аммонитянь, смирились они передъ Израилемъ, и отступили. Вернулись назадъ побѣдители, подходитъ Іефѳай къ дому своему, и вотъ, изъ воротъ, на встрѣчу ему, выходитъ — его дочь!

Выходитъ съ тимпанами и ликами, съ весельемъ и привѣтствіями. единственная любимая дочь. „Она была у него только одна“, говоритъ Писаніе и сколько сказано въ этихъ словахъ!

Онъ поднималъ глаза и увидѣлъ ее! Увидѣлъ и разодралъ одежду свою, и сказалъ: „Ахъ, дочь моя, ты сразила меня: я отверзъ о тебѣ уста мои передъ Господомъ и не могу отречься“.

Что скажетъ дѣвица?

Поняла-ли она весь смыслъ этихъ словъ? Она поняла и она отвѣчаетъ: „Отецъ мой, ты отверзъ уста твои передъ Господомъ и **дѣлай со мною то, что произнесли уста твои**, когда Господь совершилъ черезъ тебя отмщеніе Аммонитянамъ“.

Она не возмущается, она не ужасается, она покорно принимаетъ то, что было сказано о ней передъ Господомъ, она считаетъ себя и свою жизнь маловажными: въ сравненіи съ той побѣдой, которая одержана надъ врагомъ, съ тѣмъ бѣдствіемъ, отъ котораго избавленъ Израиль, съ тѣмъ миромъ, который водворился для него. Она считаетъ неизмѣннымъ то, что разъ было **сказано передъ Господомъ**. Она не проситъ помилованія, она облегчаетъ отцу его скорбный долгъ, говоря: „**дѣлай со мною то, что произнесли уста твои**“.

Мало извѣстна, вообще, исторія дочери Іефѳая, и мало подробностей сообщаетъ о ней священная лѣтопись; но душа ея какъ будто видна сквозь это краткое повѣствованіе. Душа кроткая, тихая, душа, для которой обѣщаніе данное передъ Богомъ, было дороже

жизни; душа самоотверженная, которая готова была своею собственною кровью запечатлѣть великую радостную побѣду.

Одного только попросила она: „отпусти меня на два мѣсяца, я пойду, взойду на горы и оплачу дѣвство мое съ подругами моими“. Онъ сказалъ: „пойди“.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ она „возвратилась къ отцу, и онъ совершилъ надъ нею обѣтъ свой“.

Да, были и тогда и впослѣдствіи, въ Израилѣ, такія души, которыя настолько искали славы не своей, а народа, Богомъ избраннаго, настолько дорожили милостію и прощеніемъ и избавленіемъ Божиимъ, что въ сравненіи съ этимъ все личное, все свое собственное теряло значеніе. А самый народъ столько разъ прощенный, помилованный, какъ поступить онъ теперь, какое поклоненіе, какую преданность принесетъ онъ Богу, въ отвѣтъ на милость Его?

Читатель, открой начало тринадцатой главы книги Судей и читай эти слова: „**Сыны израилены продолжали дѣлать злое передъ очами Господа**“, и не говори: „ахъ, какой народъ упорный, жестокосердый, нечестивый, а взгляди поближе. Этотъ народъ,—это сердце наше. Сколько благодѣяній приняло оно и какъ упорно продолжаетъ грѣшить! Сколько обѣщаній давало оно въ минуты бѣдствія: если Господь только избавитъ меня я обѣщаю жизнь переимѣнить, бросить то или другое, что противно Его волѣ, и что же? Обѣщаніе нарушено, забыто, жизнь все та же! Каждый день, каждый годъ, какую надпись можно сдѣлать на жизни этаго человѣка, котораго Господь столько разъ миловалъ и призывалъ? Какую надпись? Вотъ она:

„**Продолжаетъ дѣлать злое передъ очами Господа**“.

РАЗРѢЗАННАЯ КНИГА.

Одинъ человѣкъ, странный, жестокой человѣкъ, который не только Бога не любилъ, но даже, кажется, и не признавалъ, разъ увидалъ у жены своей новое, большое, крупной печати Евангеліе въ переплетѣ.

— Это что такое? Откуда? закричалъ онъ.

Жена робко отвѣтила, что это подарокъ отъ тетки, которую Федоръ также не любилъ за то, что она была благочестивая женщина.

— Ладно, сказалъ онъ съ усмѣшкой, мы съ тобой, какъ мужъ и жена, все должны дѣлить пополамъ, давай-ка, раздѣлимъ и это пополамъ.

Онъ выхватилъ у жены изъ рукъ Евангеліе, снялъ со стѣны маленький топоръ и прежде, чѣмъ она успѣла вскрикнуть, перерѣзалъ книгу пополамъ.

Эго, говоритъ, тебѣ, а это мнѣ.

Жена заплакала, а онъ сунулъ свою половину книги въ карманъ, повернулся и вышелъ.

Прошло нѣсколько дней, половина книги все лежитъ въ карманѣ: забылъ, должно быть, про нее Федоръ.

Разъ пошелъ онъ на работу, въ полдень сѣлъ отдохнуть, сунулъ руку въ карманъ, а тамъ разрѣзанная книга лежитъ.

Досада его ужъ немного остыла, онъ вытащилъ книгу и отъ нечего дѣлать сталъ читать, какъ разъ на послѣдней страницѣ. А тамъ шелъ разсказъ про блуднаго сына и страница заканчивалась этими словами: „встану и пойду къ отцу моему“.

Вечеромъ, вернувшись домой, онъ съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ женѣ:

— Софья, дай-ка мнѣ твою половинку Евангелія. Я тамъ читалъ про какого-то малаго, который ушелъ изъ отцовскаго дома въ далекую сторону и какъ натерпѣлся тамъ хорошенько, такъ захотѣлъ вернуться. Тутъ кончается моя половина, а мнѣ хочется знать, по-

паль-ли онъ назадъ домой, и какъ его отецъ принялъ.

У жены сильно забилося сердце отъ радости, но она ее скрыла и молча подала мужу свою половину книги.

Онъ прочиталъ рассказъ до конца и перечиталъ его снова и снова; и читалъ долго до поздней ночи, но женѣ не говорилъ ни слова.

На слѣдующій день опять то же самое, опять онъ вечеромъ составилъ обѣ половинки вмѣстѣ и сидитъ молча, углубившись въ чтеніе. Такъ прошло нѣсколько дней, жена ничего не смѣла спросить, только наблюдала и ждала, что будетъ.

Наконецъ, послѣ цѣлой недѣли, кажется, такого молчаливаго чтенія, Федоръ вдругъ разъ, часу въ одиннадцатомъ вечера, громко сказалъ:

— Нечего сказать, хороша книга, лучше и быть не можетъ.

Софья такъ и вздрогнула, подошла къ нему и посмотрѣла черезъ его плечо въ Евангеліе. Онъ читалъ ту страницу Евангелія отъ Луки, гдѣ говорится про страданія Спасителя и про разбойника, умирающаго и про обѣщаніе Христово: „сегодня ты будешь со Мною въ раю“.

Еще нѣсколько дней прошло, Федоръ по вечерамъ все не отрывался отъ разрѣзанной книги, которая была уже теперь составлена и склеена въ одно цѣлое.

Жена стала не такъ боязлива съ тѣхъ поръ, какъ Федоръ сталъ постоянно читать Евангеліе и разъ дождалась она того, что Федоръ положилъ ей руку на плечо и сказалъ:

— По этой книгѣ надо жить. Безумный былъ я, когда разрѣзалъ ее, а теперь зато, хотѣлъ бы каждое словечко въ сердце собрать.

ЖИЗНЬ СИРОТЫ.

Настала минута, когда Господь долженъ былъ покинуть Своихъ учениковъ. Три года ходилъ Онъ съ ними, наставлялъ, благоворилъ, являлъ чудеса; оставался еще вѣнецъ дѣла: искупительное страданіе. То, что предсказывали пророки, должно было исполниться: „Иисусъ Христосъ будетъ преданъ язычникамъ и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его, и будутъ бить, и убьютъ Его и въ третій день воскреснетъ. Но они ничего изъ этого не поняли; слова сіи были для нихъ сокровенны и они не разумѣли сказаннаго ¹⁾“.

Послѣ послѣдней вечери, когда уже готовилось предательство Иуды, Иисусъ зналъ, что наступаетъ время: начнется борьба, тоска смертельная, терзаніе души и тѣла. Можно бы подумать, что Господь мысленно уже вполне погрузится въ Свое будущее страданіе; — но нѣтъ. Онъ занятъ Своими учениками, Онъ сердцемъ ближе къ нимъ, чѣмъ когда-либо, Онъ думаетъ о друзьяхъ Своихъ, а не о Себѣ; ни-когда еще не бесѣдовалъ Онъ съ ними такъ, какъ теперь. Что станетъ съ ними, когда Онъ будетъ взятъ отъ нихъ? Брошенные, какъ агнцы среди волковъ, какъ устоятъ они? Теперь еще не чувствуютъ они одиночества, но придетъ время, и оно охватитъ ихъ. Будутъ они разсѣяны, тѣснимы со всѣхъ сторонъ, осаждаемы врагами и борьбою въ собственномъ сердцѣ. Господь предвидитъ все это и, накануне смерти Своей, хочетъ оставить имъ такое наслѣдство, которое поддержало бы ихъ, когда видимаго присутствія Его не станетъ. Онъ оставляетъ имъ обѣщаніе, которое, какъ всѣ обѣщанія Христовы, имѣетъ значеніе вѣчное. Вотъ эти слова: „**Не оставлю васъ сиротами, прииду къ вамъ**“. И слова эти касаются не только двѣнадцати Апостоловъ, но

и всей Церкви Христовой. Съ тѣхъ поръ, какъ Господь вознесся на небо, Церковь Его живетъ этимъ обѣтованіемъ.

Это свѣтъ, который сіяетъ во тьмѣ нашей, крѣпость, которая утверждаетъ насъ, какъ на скалѣ, жизнь, которая наполняетъ насъ, когда собственные силы уходятъ. Нужно было, чтобы вознесся Христосъ, для того, чтобы малое стадо Его испытало всю силу этого слова.

Нужно было лишиться видимаго присутствія Господня, для того, чтобы узнать, что значитъ быть сиротами и вмѣстѣ съ тѣмъ, что значить, когда Иисусъ Христосъ съ нами „во всѣ дни, до скончанія вѣка“. Размышляя вмѣстѣ объ этомъ драгоценномъ обѣщаніи, которое Господь оставилъ Своей Церкви, мы можемъ взглянуть на него съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ: что такое наша жизнь безъ Господа? Это **жизнь сироты**. А съ Нимъ, — что такое? Мы можемъ сказать, что тогда наша жизнь — это путь къ верху — **постепенное вознесеніе**. Гдѣ Глава, тамъ и члены.

Мы говоримъ, что жизнь человеческая безъ Господа, — это **жизнь сироты**. Это правда, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Знаете ли вы какогонибудь сироту? Представьте себѣ, что онъ стоитъ тутъ, между нами, — дитя, у котораго нѣтъ ни отца, ни матери, и которое еще только начинаетъ жить. Что станетъ съ нимъ? Онъ лишился тѣхъ, которые были бы для него поддержкой, нигдѣ не встрѣтитъ онъ больше отцовской заботы, нѣжной любви матери, онъ будетъ окруженъ чужими и крова родительскаго не найдетъ себѣ нигдѣ. Дадутъ ему кое-какое воспитаніе, чтобы онъ могъ заработать кусокъ хлѣба, а послѣ того, брошенъ будетъ онъ въ пучину міра сего и какъ выберется онъ оттуда — Богъ знаетъ!

Но этотъ сирота — вѣдь это ты самъ; ты брошенъ въ міръ, гдѣ нѣтъ для души твоей роднаго крова. Жизнь земная отнимаетъ у насъ,

¹⁾ Лук. 18, 32—34.

одну за другой, человѣческія наши опоры. Самый окруженный изъ насъ, скоро станетъ самый одинокій, и самое обычное наше чувство — это сознаніе нашего одиночества. Постепенно отрываетъ насъ жизнь, то отъ того, то отъ другого, и если вся наша надежда заключается въ этой только временной жизни „то мы несчастіе всѣхъ человѣковъ“¹⁾.

Куда ушли тѣ годы, которые ты провелъ подъ кровомъ отца и матери? Они исчезли на всегда. Отняла у тебя жизнь, прежде всего, то счастливое время, когда ты „по младенчески говорилъ, по младенчески мыслить, по младенчески рассуждалъ“²⁾. Простота дѣтства, радости дѣтства миновали, какъ сонъ, и не вернешь ихъ никогда. Наступаетъ пора зрѣлаго возраста, и что это за пора? Часто такое время, когда сердце, теряя свою свѣжесть, холодѣетъ, подчиняется обычаямъ міра сего и преждевременно завядаетъ.

А вотъ и мечъ приближается и отрѣзаетъ отъ тебя то или другое. Вмѣсто того, чтобы видѣть горе только издали, начинаешь видѣть его вблизи; ужъ подступаетъ оно къ самому сердцу. Тебѣ еще только двадцать лѣтъ, а сколько разъ уже, можетъ быть, приходилось хоронить близкихъ; тебѣ сорокъ лѣтъ, счастливъ ты, если сохранилъ еще хоть одного изъ твоихъ родителей! Найдутся друзья, конечно; но и это надолго-ли? Имѣешь-ли ты ихъ подлѣ себя, именно, тогда, когда нужно, а главное такіе-ли эти друзья, какъ ты бы желалъ? Да, наступило для души твоей великое одиночество, вотъ оно — настоящее сиротство!...

Но у тебя есть дѣти, ты какъ бы молодѣешь въ нихъ, оживаешь ихъ жизнью. А вотъ и дѣти тебя покидаютъ или уже покинули, — уходятъ каждый въ свою семью, или въ страну далекую, и у тебя нѣтъ ихъ больше. И въ семейномъ кругу, также, часто бываетъ больше си-

ротъ, чѣмъ мы думаемъ. Живешь вмѣстѣ, и другъ друга не понимаешь, другъ о другѣ сокрушаешься, и вздыхаешь, и плачешь: я искалъ и не нашелъ, или то, что имѣлъ, не сохранилъ! Міръ считаетъ меня счастливымъ, и не видитъ, что я сирота.

Ахъ, и дальше такъ продолжаетъ. Сколько жертвъ приносится: ищешь познанія, ищешь удовлетворенія той или другой потребности. Но чѣмъ болѣе подвигаешься, тѣмъ болѣе ускользаетъ именно то, за что всего крѣпче ухватывался. И душевная твоя нужда удовлетвори-лась ли тѣмъ, что ты тутъ подаль нищему, тамъ тебя похвалили люди за твою добродѣтель? Ахъ нѣтъ! Сердце человѣческое — это бездна: наполняй его, а оно все голодаетъ. Глядишь на все, чего достигнулъ и говоришь себѣ: все это не то, все-тѣмъ не то. Приходитъ такой часъ, когда чувствуешь себя обманутымъ, усталымъ, обнищавшимъ. И это еще не конецъ: приближается то совершенное опустошеніе, которое называется **смерть**. Мы бѣжимъ всѣ прямо къ смерти; насъ страшитъ одиночество; мы ищемъ радостей и развлеченій, а между тѣмъ, насъ ожидаетъ одиночество полное, и оно можетъ постигнуть насъ хоть завтра. Жизнь насъ опустошаетъ, время отъ насъ все уноситъ, каждый прошедшій день громко кричитъ намъ: ничего у тебя нѣтъ прочнаго здѣсь на землѣ. Оторвись отъ этого всего, или тебя сама жизнь оторветъ, взгляни на себя поближе, вѣдь ты сирота, круглый сирота! Еще не говорили мы о грѣхѣ. Среди всей пустоты этого міра, звучитъ еще голосъ жалобный, — это голосъ совѣсти. Она стонетъ и вызываетъ тебѣ, что нельзя свергнуть Бога и Его законы. Но нѣтъ поддержки для этого голоса истины, — потому что грѣхъ царствуетъ. И какъ грустно становится, когда смотришь на свою надломленную, запятнанную жизнь! Ищешь покоя и не можешь его найти! Міръ тебя

покидаетъ, то, на что ты рассчитывалъ тебѣ измѣняетъ, и ты одинъ на свѣтѣ, одинъ, какъ сирота.

Совѣсть твоя пробудилась и ты видишь, что ничего нѣтъ у тебя, кромѣ твоихъ грѣховъ и ихъ послѣдствій. Сердце, оскверненное зломъ, снѣдающая тоска, горькія воспоминанія! Оглянешься назадъ, — потерянная жизнь; а впереди — вѣчность!

Да, тутъ-то почувствуешь себя одинокимъ; не знаешь, куда кинуться и почвы подъ собою не находишь.

Но изъ глубины этой великой скорби, этой безпредѣльной нужды вызываетъ другой голосъ; это уже не голосъ совѣсти, а любви Божественной и этотъ Голосъ говоритъ: „не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ“.

Жизнь человѣческая безъ Господа, — мы видѣли, что это такое. Это нищета, это нужда безвыходная, это сиротство полное. Но „у Него милосердіе для сиротъ“¹⁾, говоритъ Священное Писаніе и когда Его любовь касается охладѣвшаго, отжившаго, омертвѣлаго сердца, оно оживаетъ новою жизнью и исполняется для него слова пророка: „возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и разцвѣтетъ“²⁾. Жизнь безотрад-ная, безнадежная, угасающая, озаряется живой надеждой, святою радостію, возгорается неугасаемымъ пламенемъ и становится восхожденіемъ къ небу.

И все это чудо совершаетъ любовь. Любовь сошла на землю для того, чтобы призрѣть сиротъ. Любовь пошла на смерть для того, чтобы избавить ихъ отъ власти грѣха и тьмы, и дать имъ „власть быть чадами Божиими“³⁾. Любовь Божія слѣдитъ за сиротой на одинокомъ пути его и жалѣетъ его и вызываетъ къ нему; и если только откроетъ онъ похолодѣвшее сердце,

¹⁾ Кор. 15. 19.

²⁾ 1 Кор. 13. 11.

¹⁾ Осія 14.

²⁾ Исаіа, 35. 1.

³⁾ Іоан. 1, 12.

Любовь для него чудо сотворить. Она его такь наполнить, что ему ничто иное болѣе не потребуется. Она его такь смирить, что оно всецѣло предасть себя во власть этой любви; она начертаетъ на немъ чудные законы и чудныя обѣтованія, она вызоветъ въ немъ отвѣтную любовь.

И смотрите: это сердце, поникшее до земли въ уныніи своемъ, это сердце, нелюбимое и нелюбящее, оно въ радости невыразимой подымается, глядитъ прямо къ небу и возноситъ пѣснь хвалы и приносить служеніе любви.

Да, жизнь земная становится восхожденіемъ къ Небу. Иисусъ Христосъ Своимъ вознесеніемъ вознесъ туда и насъ. Онъ открылъ намъ Отцовскій домъ, нерукотворенный, вѣчный, и, взирая туда, мы уже „не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу“ ¹⁾.

Правда, что еще не открылось, что мы будемъ, но достаточно для насъ знать, что мы имѣемъ залогъ этого, если только дѣйствительно, Духъ Христовъ обитаетъ въ насъ.

А покуда,—у насъ чресла препоясаны и свѣтильники горящіе, покуда, у насъ всѣ потребности сердца слились въ одну только жажду: исполнять Волю Божию; и жизнь полна, и полна душа до избытка.

Божіи сироты, не горюйте, если Онъ разбиваетъ ваши земныя опоры! Въ разбитыхъ сердцахъ живетъ небесная радость. Когда узнаете свою нищету, тогда узнаете и свое богатство. Слышите-ли, черезъ всю жизнь вашу несется какое-то воздыханіе: это-то неизреченное воздыханіе Духа Утѣшителя, Который влечетъ васъ къ Богу, Который помогаетъ вамъ въ немощи вашей и хочетъ обитать съ вами вѣчно.

Руки Господа Иисуса все еще распростерты. Благословляя Своихъ, вознесся Онъ на небо, и теперь про-

стираетъ Онъ руки къ вамъ. Подойдите поближе — эти благословляющія руки ищутъ сиротъ, онѣ коснутся и васъ; онѣ даруютъ радость и вамъ, онѣ приведутъ и васъ въ тотъ пребывающій, небесный градъ, который есть вѣчная, Богомъ уготованная, обитель сиротъ.

ВАРЯ.

Она была дочка пьяницы, маленькій, нѣжный ребенокъ, лѣтъ пяти. Рано начала она страдать, и отъ жестокаго обращенія, и отъ многого другаго. Недавно еще только стала бѣгать, и уже на дѣтскомъ ея тѣлѣ виднѣлись темныя пятна — слѣды ударовъ, которые нанесла тяжелая рука отца. Варя, какъ будто, скоро забывала про эти удары и мать, когда раздѣвала ее вечеромъ, скорѣй покрывала ее одѣяльцемъ, чтобы глазки ребенка не остановились на этихъ темныхъ пятнахъ, которыя еще не зажили. Мать разговаривала съ нею все время, покуда укладывала ее въ кроватку, такъ что дѣвочка глядѣла на нее, и кромѣ глазъ матери ничего не видѣла. Но разъ, неизвестно почему, точно угадала она, о чемъ думала мать, прижалась къ ней малютка, заплакала и сказала.

— „Мама, мама, вѣдь мнѣ уже совсѣмъ не больно, а тебѣ все еще больно“.

Да, матери все еще было больно, но она надѣялась, что дитя этого не замѣтитъ: вѣдь она еще такъ мала.

Правда, она была еще очень мала, но сердечко у нея было чуткое, нѣжное, такъ, что она казалось, все знала и понимала, а главное, горе понимала хорошо. Свыклась она съ нимъ съ младенчества, съ того времени, какъ лежала еще груднымъ ребенкомъ на рукахъ матери. Дѣтскіе глаза много видѣли слезъ, видѣли изнуренное, стра-

дальческое, ласковое лицо, слышали грубыя слова и страшный голосъ того, кто называлъ себя отцомъ, и все это врѣзалось въ душу ребенка глубоко, глубоко.

Стала подростать дѣвочка, и все крѣпче сливалась она душою съ матерью, и все болѣе томилась ея страданіемъ. Мать старалась скрывать свою печаль, нарочно отворачивалась, когда плакала; но трудно было утаить что нибудь отъ внимательныхъ, заботливыхъ глазъ ребенка. Старалась мать оградить ее отъ ударовъ и брани, но и это ей рѣдко удавалось и чѣмъ она становилась старше, тѣмъ болѣе сыпалось на нее и того и другаго. Но не отъ этого только изнывала Варя, не это одно ее убивало: она перенести не могла такой жизни мрачной, грубой, страшной. Качаетъ буря могучее дерево, рветъ она и малый цвѣточекъ, который растетъ у ногъ его. Дерево, хоть и обсыплется, но устоитъ, быть можетъ, а цвѣточекъ сломится и погибнетъ.

Какая-то дикая ненависть горѣла въ глазахъ отца и когда эти глаза останавливались на ребенкѣ, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Когда его не было, она его забыть не могла, часто блѣднѣла при малѣйшемъ шумѣ на лѣстницѣ; мать старалась развлекать ее, забавлять чѣмъ могла и какъ радовалась, если дѣвочка засмѣется. Но это случалось все рѣже и рѣже.

Еще малымъ ребенкомъ узнала она, что значитъ постоянно бояться, и теперь этотъ томительный страхъ все усиливался. Варя стала такъ пуглива, что поминутно вздрагивала, боялась каждаго лица, почти каждаго голоса, кромѣ голоса матери. Она старалась, чтобы мать этого не замѣчала и часто поблѣднѣетъ, испугается, — потомъ вдругъ опять улыбнется и говоритъ: „ничего, мама, это я только такъ“; но мать все видѣла. Бѣдная мать! Она видѣла, что чахнетъ ребенокъ и сдѣлать ничего не могла. А отецъ?

¹⁾ Ефес. 2. 19.

Онъ также какъ будто видѣлъ, иной разъ, и это его сердило; онъ нарочно звѣрскимъ образомъ пугалъ дѣвочку угрозами и потомъ смѣялся надъ нею, когда она плакала. Иногда онъ, въ безсмысленной своей жестокости, подзывалъ ее къ себѣ, говоря: „поздоровайся же съ отцомъ“ или что нибудь подобное и схватить ее за ручку своей жесткой, неласковой рукой. А Варя стоитъ, вся дрожащая, точно застывшая, и онъ, съ грубой насмѣшкой, оттолкнетъ ее отъ себя, и дикимъ голосомъ начнетъ бранить ее и жену!

— „Ну, ужъ воспитала какого-то истукана безсловеснаго, слова выговорить не умѣетъ.“

И польются упреки на безвинную, кроткую мать, а Варя все слышитъ и блѣднѣетъ, и крѣпко сжимаетъ худенькія ручки. А когда отецъ, шатаясь, опять выйдетъ изъ комнаты, дѣвочка прильнетъ къ матери, — бѣдной труженицѣ матери, которая работаетъ безъ устали, — цѣлуетъ крѣпко, крѣпко ея исхудалыя щеки и жалобнымъ голосомъ приговариваетъ: „Ахъ, мамаша!“

Отрадно матери отъ теплой любви ребенка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ болить за нее сердце, какой тоской обливается, когда слышитъ голосъ ея печальный, не дѣтскій и видеть, какъ таетъ она на глазахъ у нея.

Разъ, когда отца не было дома, и можно было ожидать, что онъ долго не вернется, свела мать Варю къ доктору, и въ платокъ завязала сбереженный полтинникъ на лѣкарство. Можетъ быть, поможетъ.

Но у доктора былъ глазъ вѣрный;

— „Лѣкарства тутъ не къ чему“, сказалъ онъ, „острой болѣзни никакой нѣтъ.“

И правда; острой боли не было, только дѣтства настоящаго не было у ребенка; радости, жизни, свободы не знала она никогда. А между тѣмъ, сердечко ея во всемъ этомъ нуждалось: могла бы она и поиграть, и порѣзвиться, какъ прочія

дѣти, — но все это рано угасло и ничего не осталось, кромѣ горячей, но безпомощной любви матери. Не могла она укрыть дитя отъ всего того, что ее убивало; одно еще, однако, придумала. Дѣвочкѣ пошелъ седьмой годъ, такая она смысленная, все о чемъ-то думаетъ, лучше-бы ее книжкой занять, можетъ быть, ей веселѣе будетъ.

Вблизи была школа, бесплатная, рѣшила мать посылать туда Варю: хоть полъ дня дома не будетъ, развеселится, можетъ быть, съ подругами, и забудетъ домашнее горе. Но и тутъ той же бѣды не миновать. Раза два встрѣтился Варѣ отецъ на улицѣ, все въ обычномъ своемъ видѣ, и началъ приставать къ ней, браниться, грозить ей при другихъ дѣвочкахъ и Варѣ стало такъ ужасно, ужасно стыдно. Такое лицо было у нея, когда она домой пришла, что мать испугалась: „Варя, Варя, что такое?“ вскричала она.

Тихенькая, кроткая дѣвочка зарыдала и стала умолять: „мама, не посылай больше въ школу, мама, спрячь меня отъ всѣхъ, мама, пусть мы съ тобой только вдвоемъ будемъ!“ „Только вдвоемъ“, повторяла она, обнимая мать, и мать догадалась.

— „Боже мой, застонало ея сердце; неужели не уйти ей отъ горя никуда!“

Бѣдная женщина! Куда же на землѣ уйдетъ отъ горя дочка пьяницы, такого страшнаго пьяницы, какъ твой мужъ!

Мать знала, что напрасно угваривать Варю, напрасно говорить ей: ничего, ничего. Варя, можетъ быть этого въ другой разъ не случится, — она взяла ее на руки, успокоила ее своей лаской и сказала: „хорошо, моя дочка, мы съ тобой будемъ, только вдвоемъ“.

Да и не пришлось-бы Варѣ больше въ школу ходить. Время настало холодное, одежда плохая. Работала мать сколько могла, чтобы было чѣмъ пріодѣть дѣвочку, чтобы

не стыдили ее подруги ея за бѣдность, но силъ не хватало и одѣться и прокормиться на скудную работу.

А Варя становилась еще тише, еще блѣднѣе и почти ничего не кушала, — неужели умереть она? Въ самомъ дѣлѣ, умереть? Для нея такъ лучше, мнѣ ея не спасти, — говорила себѣ мать и старалась покориться, но не могла. Столько горя претерпѣла она, такъ привыкла страдать, а этого горя боялась, боялась ужасно. Последнее усиліе сдѣлаетъ она, чтобы отвратить его отъ себя. Разъ, когда Варя уже спала, а мужъ только что пришелъ такой-же грубый и шумный какъ всегда и потребовалъ ужинать, она рѣшилась подойти къ нему, встала передъ нимъ и сказала:

„Павель, вѣдь наша Варя умираетъ“.

Онъ какъ будто вздрогнулъ, но поднималъ на нее все тотъ же дикій, свирѣпый взглядъ.

— „Посмотри на нее“, продолжала мать, и вся робость ея какъ будто исчезла, вѣдь въ ней еле душа держится, она истаяла, исчахла отъ ужасной жизни нашей, отъ горя, и нужды, и страха. Промучилась съ самаго рожденія; пожалѣй ты хоть теперь ее. Можетъ быть, кабы теперь ей вдругъ хорошо стало, она бы и пожила еще на землѣ“.

Она остановилась и глядѣла на него пристально, никогда еще не видалъ онъ ее такою. Тусклые, отъ слезъ напухшіе глаза теперь сверкали и страха не было въ нихъ.

Его это покорило, чуть чуть не покорило, но онъ не далъ себя покорить, онъ злобой все заглушилъ, стиснулъ кулакъ и ударивъ ее по плечу, крикнулъ: „молчи!“ Да, молчи, совѣсть; молчи, голосъ правды; молчи, сердце; молчи, все человѣческое; пьянство все это унесло, одинъ только дикій звѣрь остался.

Бѣдная женщина замолчала, не потому чтобы она побоевъ боялась, а боялась что шумъ разбудитъ ре-

бенка, боялась что Варя откроетъ глаза и увидитъ снова и снова, какъ отецъ бьетъ мать ея. А вдругъ и она, слабенькая, больная не выдержитъ, заплачетъ, закричитъ, тогда достанется и ей....

Павель бросилъ взглядъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала дѣвочка и мать уже было привстала, чтобы защитить ее отъ него, но онъ къ ней не подошелъ, только проворчалъ сквозь зубы: „пускай ее“... и легъ спать.

На слѣдующее утро онъ опять ушелъ, какъ обыкновенно, и остались Варя съ мамой вдвоемъ. Ни когда еще кажется, не было такъ печально лицо матери: она убѣдилась, что горя, которое ей угрожало, ничѣмъ не отвратишь, — надо его принять. За-то Варя, какъ будто оживлялась и чѣмъ болѣе слабѣла, тѣмъ яснѣе становился взглядъ ея. Запуганнаго выраженія больше не было. Даже когда отецъ входилъ въ комнату, она уже не вздрагивала, не прятала головку подъ одѣяло; Варю точно охватывало что то неземное и все земное теряло надъ ней силу, — все, кромѣ матери, сокрушенной горемъ.

Съ нея Варя почти глазъ не спускала и когда говорить не могла, то взглядомъ утѣшала ее, ласкала ее. Иной разъ протянетъ ручки и скажетъ только „ахъ, мама моя!“ и столько любви было въ этихъ краткихъ словахъ. А мать клала усталую свою голову подлѣ дѣвочки и согрѣвалась около нея и сама съ ней какъ будто уходила въ другой міръ. Отецъ уже больше не билъ Варю, даже и его рука не подымалась надъ умирающаго ребенка, но онъ сирѣть на нее не хотѣлъ, все со-рачивался и рѣже чѣмъ когда-то приходилъ домой.

Разъ, однакоже, онъ пришелъ и денегъ, должно быть, не было, потому что онъ выпилъ меньше обыкновеннаго. Пришелъ и хотѣлъ было закричать, чтобы ему ужинъ подавали, но вдругъ становился

Около Вари стояла жена на к-

лѣняхъ и не повернулась даже, когда услышала его шаги. Головка дѣвочки лежитъ у нея на плечѣ, онъ что-то говорятъ.

— „Мама“, говоритъ дитя слабымъ голосомъ, „кабы папа пришелъ, я бы его стала цѣловать, просить чтобы онъ любилъ тебя“. Цѣловать! Боже мой! За все его побои, за всю его жестокость! Павель задрожалъ.

— „Варя, родная моя, отвѣчаетъ мать“, я ему скажу, что ты его цѣловать хотѣла, можетъ быть это спасетъ его“.

— „Мама мнѣ дышать трудно...“ и Варя потянулась ручками кверху... Бѣдная мать побѣднѣла, приподняла головку ребенка и цѣловала ее холодное личико.

— „Христосъ ѣ тобой, моя крошечка“, шепталъ она „легче мнѣ тебя Богу отдать, чѣмъ на твое страданіе глядѣть“.

Варя раздѣшала слово Христосъ, и грохо, ясно повторила.

— „Хрис-съ“.

Въ эту минуту чья-то голова опустилась подлѣ нея на одѣяло, чья-то рука схватила посинѣвшія ручки, она открыла глаза и съ радостнымъ удивленіемъ сказала: „Папа“.

Она наклонилась впередъ, схватила руку отца, потянула ее къ себѣ и крѣпко поцѣловала эту руку! Эту страшную, жестокую руку! Павель точно самъ себя не зналъ, плакалъ, метался, хватался за ребенка, наконецъ выпалъ изъ устъ его слово: „прости“, и много разъ повторялъ онъ это, съ отчаяніемъ глядя на дѣвочку. Варя схватила своими руками его голову, еще разъ его поцѣловала и, глядя на него, проговорила одно только слово: „мама“.

Потомъ ручки ея опустились, голова упала къ матери на грудь. Павель все стоялъ на колѣняхъ, мать все стояла на колѣняхъ, подерживая ребенка и такъ, на рукахъ у нея, Варя окончила свою земную жизнь.

Не дышала она уже, а мать все не двигалась, все держала ее. Такъ прошло много времени, наконецъ Павель всталъ, тихонько, осторожно положилъ дѣвочку на подушку, потомъ подошелъ къ бѣдной, измученной женѣ своей и поцѣловалъ ее. Тутъ она заплакала. Онъ ее посадилъ, сталъ ее уговаривать, но слезы ея остановить не могъ. Сидя подлѣ ребенка, глядя на нее, она плакала долго, долго, вырвалось наконецъ накопившееся горе, и облегчилось бѣдное сердце. Павель сидѣлъ, опутивъ голову, Варя лежала съ улыбкой на устахъ; такъ и ночь наступила...

Все въ той-же комнатѣ сидитъ за шитьемъ одинокая женщина, худая, блѣдная, но сидитъ она на мягкомъ стулѣ, въ комнатѣ тепло, въ уголку столъ накрытъ. Тихо растворяется дверь, входитъ Павель съ работы. Жена поднимаетъ голову съ улыбкой, оставляетъ шитье, и ставитъ ужинъ на столъ.

У Павла что-то въ рукахъ, онъ вынимаетъ изъ бумаги теплый, мягкій платокъ и надѣваетъ ей на плечи. Она говоритъ: „Зачѣмъ, мнѣ и такъ тепло, и такъ хорошо“, а онъ смотритъ на нее заботливо, говоритъ съ ней тихо, ласково. Видно, ни на минуту не можетъ онъ забыть что послѣднее Варина слово было: „мама“.

ВЕЧЕРЯ.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго: сокровище духовное отъ міра собираемое).

На знатной міра сего вечера всякое добро бываетъ къ утѣшенію и услажденію сидящихъ и пирующихъ.

Подобно будетъ и въ небесной Вечери. Тамъ всякое добро, но несравненно лучше земнаго будетъ. Тамъ люди Божіи, святые, насытятся всѣхъ благъ небесныхъ, ко-

которыя уготовалъ имъ благій и человеколюбивый Господь.

„Они не будутъ уже ни алкать, ни жажда, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной: ибо Агнецъ, Который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ, и отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ“¹⁾.

„Рабы Мои будутъ ѣсть,.... будутъ пить,.... будутъ веселиться,.... будутъ лѣтъ отъ сердечной радости“²⁾.

„Насыщаются отъ тука дома Твоего и изъ потока сладостей Твоихъ, Ты напоишь ихъ. Ибо у Тебя источникъ жизни; во свѣтъ Твоемъ мы видимъ свѣтъ“³⁾.

Такъ говоритъ Господь: „Вотъ, Я направляю къ нему миръ, какъ рѣку, и богатства народовъ, какъ разливающийся потокъ для наслажденія вашего; на рукахъ будутъ носить васъ и на колѣняхъ ласкать. Какъ утѣшаетъ кого либо мать его, такъ утѣшу Я васъ и вы будете утѣшены въ Иерусалимѣ. И увидите это и возрадуется сердце ваше“⁴⁾.

„Теперь мы видимъ, какъ-бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда-же — лицомъ къ лицу“⁵⁾.

„Увидимъ Его, какъ Онъ есть“⁶⁾.

„Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его“⁷⁾.

Блаженство-же тамъ будетъ сіе:

1) Увидимъ Бога лицомъ къ лицу; отъ чего неизреченное утѣшеніе, веселіе, радость и восклицаніе сердечное произойдетъ.

Увидимъ лицо Божіе, и отъ радости будемъ восклицать.

2) Увидимъ Господа и Искупителя нашего Іисуса Христа, въ Бо-

жественной Его славы; Того, Который за насъ пострадалъ, и по-носною смертию умеръ, и такъ насъ отъ смерти избавилъ.

3) Насладимся тогда всѣхъ даровъ святаго Духа, какъ Источника животворящаго.

4) Будемъ имѣть любезное дружество со святыми Ангелами и всѣми святыми, отъ созданія міра угодившими Богу.

5) Будемъ торжествовать надъ всѣми врагами нашими. „Смерть! Гдѣ твое жало! Адъ, гдѣ твоя побѣда! Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ!“⁸⁾

Христіанинъ! Богъ милосердый еще зоветъ всѣхъ! Полно уже гоняться за временнымъ и земнымъ, поспѣшай скорѣе на небесную оную вечерю, гдѣ Богъ видится лицомъ къ лицу и отъ Котораго, какъ отъ Источника животворящаго, и притекущаго, истекаетъ всякое утѣшеніе, и наслажденіе и всѣ радости восклицанія. Поспѣшай, пока еще двери не затворены, да поздно пришедши, не будешь ты внѣ стоять и бесполезно стучать въ дверь, говоря:—„Господи, Господи, отвори намъ“⁹⁾.

Бываетъ на вечерѣ міра сего, что хозяинъ пришедшимъ гостямъ говоритъ: „вотъ вамъ блага предложенныя на трапезѣ моей, ядите, пейте и веселитесь!“

Такъ человеколюбивый Господь возблагодетъ послушавшимъ званіе Его и пришедшимъ на небесную Его вечерю. Вотъ вамъ блага, которыя уготовалъ вамъ, которыя обѣщаль вамъ, которыхъ вѣрою и надеждою ожидали вы отъ Меня, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило! Вотъ вамъ блага Мои, обѣщанныя вамъ! Обѣщаль я вамъ воскресеніе мертвыхъ вашихъ тѣ-

лесъ: вотъ видите то! Воскресли изъ мертвыхъ. Обѣщаль Я вамъ тѣло нетлѣнное, духовное и безсмертное; вотъ имѣете то! Обѣщаль Я вамъ тѣло прославленное, чистое, свѣтлое и сіяющее: вотъ сіяете какъ солнце и какъ звѣзды небесныя. Обѣщаль Я вамъ вѣчную жизнь: вотъ имѣете жизнь вѣчную! Живите во-вѣки. Обѣщаль Я вамъ царство небесное: вотъ даю его вамъ! Наслѣдуйте и царствуйте во-вѣки. Обѣщаль Я вамъ явить лице Мое: вотъ вамъ лице Мое, зрите и веселитесь! Обѣщаль Я вамъ вѣнецъ жизни, вѣнецъ неувядаемый: вотъ вамъ вѣнецъ этотъ! Обѣщаль Я вамъ честь и славу: вотъ вамъ слава, какъ чадамъ Моимъ! Обѣщаль Я утѣшить васъ: вотъ утѣшаю васъ, какъ мать утѣшаетъ дѣтей своихъ! Обѣщаль Я вамъ дать миръ непрестанный въ сердцахъ вашихъ, какъ рѣку: миръ Мой даю вамъ! Обѣщаль Я отнять отъ васъ печаль, болѣзнь и воздыханіе: вотъ отошла болѣзнь, печаль и воздыханіе отъ сердецъ вашихъ! Обѣщаль Я вамъ пищу и питье, сладости и радости вѣчныя: вотъ вамъ это утѣшеніе и наслажденіе, „Ѣшьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!“¹⁰⁾

Въ путь узкій вошедшіе, крестъ свой взявшіе, и Мнѣ послѣдовавшіе вѣрою! Приидите, насладитесь, ибо Я уготовалъ вамъ почести и вѣнцы небесныя. Тогда исполнится написанное:

„Какъ слышали мы, такъ и увидѣли во градѣ Господа силу, во градѣ Бога нашего; Богъ утвердитъ его на вѣки“¹¹⁾.

Христіанинъ, упившійся любовью міра сего! Отрезвись, пока еще время не ушло и поищи небесныхъ благъ, которыя обѣщаль Богъ любящимъ Его; — да не пожелаешь ихъ потомъ, и не получишь!

¹⁾ Откр. 7, 16, 17.

²⁾ Исаи, 65, 13, 14.

³⁾ Псаломъ 35, 9, 10.

⁴⁾ Исаи, 66, 12—14.

⁵⁾ 1 Корин. 13, 12.

⁶⁾ 1 Иоан. 3, 2.

⁷⁾ 1 Корин. 2, 9.

⁸⁾ 1 Корин. 15, 5—57.

⁹⁾ Лука, 13, 25.

¹⁰⁾ Пс. пѣс. 5, 4.

¹¹⁾ Пс. 47, 9.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ доставк. 60 к. съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ПОМИРИЛИСЬ!
Встрѣча Іакова съ Исавомъ.

(Быт. Гл. 33).

ПОМИРИЛИСЬ.

Помирились! А вражда была горькая и долгая между Іаковомъ и Исавомъ—внуками Авраама. Исавъ былъ старшій, любимецъ престарѣлаго отца своего Исаака. Іаковъ похитилъ у него то благословеніе, которѣе принадлежало первородному, и никакими слезами и мольбами не могъ Исавъ этого отмѣнить. Онъ разгнѣвался на брата, возненавидѣлъ его страшною ненавистью и грозилъ убить его. Бѣжалъ младшій отъ руки старшаго прочь изъ

родительскаго дома, къ дальнему родственному и тамъ скрывался многіе годы.

Настало время возвратиться на родину, въ то мѣсто, гдѣ покоился прахъ Авраама и Исаака, то мѣсто, которое назначено было Богомъ для Израиля. Но вотъ, тамъ врагъ въ этой странѣ, и этотъ врагъ—это братъ. Припомнился Іакову страшный его гнѣвъ и онъ испугался и воззвалъ къ Господу.

Встрѣча неминуема. Какъ встрѣтятся эти двое,—братья по плоти, и враги по душѣ?

И вотъ „взглянулъ Іаковъ и увидѣлъ, и вотъ идетъ Исавъ, и съ нимъ четыреста человѣкъ“.

Іаковъ двинулся впередъ, поклонился брату своему до земли семь разъ и подошелъ къ нему. А Исавъ, суровый, грозный Исавъ побѣждалъ къ нему на встрѣчу и обнялъ его, и цѣловалъ его, и оба заплакали. Эта минута покрыла все прошлое; и младшій унаслѣдовавшій благословеніе, молитъ старшаго: „Прими благословеніе мое, которое я принесъ тебѣ“. Простили другъ друга вполне, и съ об-

легченнымъ, умиротвореннымъ сердцемъ продолжали каждый свой путь.

Друзья дорогие! Глядя на эту картинку и размышляя объ этомъ событіи, спросимъ себя: не стоитъ ли и на нашемъ пути такой человѣкъ, къ которому надо намъ подойти и можетъ быть поклониться ему до земли семь разъ, чтобы онъ принялъ насъ и помирился съ нами. Много говоритъ Св. Писаніе о прощеніи Божіемъ и о прощеніи человѣка. Великое значеніе имѣетъ это прощеніе и часто, часто нуждаешься въ немъ. Новая заповѣдь любви Христовой принесла на землю и прощеніе, прощеніе полное, совершенное, и отъ Бога къ человѣку, и отъ человѣка къ человѣку. Между тѣмъ, какъ трудно дается это прощеніе нашему сердцу. Трудно? Нѣтъ, братъ мой, оно легко, вспомни только о той милости, которая снова и снова покрываетъ столько твоихъ беззаконій. Господь, тебя прощающій, говоритъ тебѣ: „прости“. И какъ легко тебѣ это, какъ льется прощеніе изъ сердца твоего, если только подумаешь ты о Немъ. Трудно простить, — говоритъ міръ, засушенный своими страстями; да и какъ можетъ онъ дать прощеніе, когда онъ самъ такъ бѣденъ и такъ суетенъ! Какъ обнять ему ближняго тою широкою, вольною, щедрою любовью, которая все покрываетъ, когда онъ стѣсненъ и скованъ грѣхомъ со всѣхъ сторонъ? Зато, какъ легко прощаетъ такое сердце, которое создало свою нищету и богатство благодати пріемлющаго его Господа! Оно прощаетъ безъ усилія, не дѣлая изъ этаго заслуги; прощаетъ смиренно и радостно. Каковъ бы ни былъ проступокъ, какъ велико бы ни было оскорбленіе, кто бы его ни совершилъ, ближе всего звучитъ ему одинъ небесный голосъ; этотъ Голосъ, точно называя виновнаго по имени, гово-

рить: „прости ему“¹⁾. Какъ же не простить!

Другъ мой! теперь годъ подходитъ къ концу. Будешь ты сводить твои счеты, и кое-что перебирать въ своемъ умѣ. Можетъ быть, подарокъ кому нибудь сдѣлаешь, и себѣ подарокъ примешь. Да напомнимъ тебѣ Господь, про такого человѣка, которому ты можешь подарить твое прощеніе; и подари его отъ искренняго сердца, не словами только, а на дѣлѣ.

Люди много грѣшатъ, потому томятся грѣхомъ своимъ и поэтому прежде и больше всего нуждаются въ прощеніи. На эту великую нужду отвѣтилъ Спаситель міра, проливая кровь Свою во оставленіе грѣховъ. Прощеніемъ успокоилъ Онъ много обремененныхъ душъ. На эту кричащую нужду откликнемся и мы, если называемъ себя христіанами. Ради великаго, кровью пріобрѣтеннаго прощенія нашихъ грѣховъ, — будемъ прощать и мы. Быть можетъ, замыкаетъ гордость сердце брата нашего, и не отверзаются уста его, чтобы просить этого прощенія. Не говори же ему о твоёмъ прощеніи: этимъ ты можешь обидѣть его; но покажи ему на дѣлѣ, что ты прощаешь его: этимъ ты смягчишь и утѣшишь его. Пойди на встрѣчу къ нему, преклонись передъ нимъ до земли, хотя бы и былъ онъ много виноватъ передъ тобой; и смотри, не устоитъ онъ противъ смиренной твоей любви.

Какъ Исавъ, бросится онъ тебѣ на шею, и заплачетъ отъ радости.

„Ахъ, какъ желалъ бы я чтобы мнѣ люди все простили!“ вздыхалъ одинъ тяжело виновный узникъ. Этотъ крикъ не умолкаетъ въ многихъ сердцахъ. Крѣпко уповаешь на прощенье Божіе, но какъ жаждешь прощенія и отъ людей! Такъ сильно хочется, чтобы люди покрыли, изгладили, забыли; а люди такъ долго помнятъ, такъ

жестoko укоряютъ, такъ безпощадно отплачиваютъ за каждый проступокъ!

„Тяжело мнѣ очень“ взывалъ Давидъ; но пусть впаду я въ руки Господа, ибо велико милосердіе Его, только бы въ руки человѣческія не впасть мнѣ“²⁾!

О, да не будутъ руки и сердца наши жестоки для братьевъ нашихъ! Пожалѣемъ и помилуемъ ихъ!

„Блаженны милостивые!“²⁾

ПОРТНОЙ И ЕГО ЖЕНА.

Въ маленькой комнаткѣ, у окошка, сидѣлъ Илья Петровичъ за работой. Онъ шилъ платье небогатымъ людямъ и работалъ искусно, безъ усталости, день за днемъ, съ утра до вечера. Даже и воскресныхъ дней не соблюдалъ и отдыхъ себѣ давалъ только изрѣдка, — почитать газету или зайти въ сосѣдній трактиръ на часокъ побесѣдовать съ знакомыми.

Илья былъ не пьяница, нѣтъ, нѣтъ, онъ даже очень громко порицалъ тѣхъ, которые предаются этому пороку; самъ онъ былъ во всемъ человѣкъ умѣренный, трудолюбивый, а главное, самъ собою очень довольный. Говорилъ онъ мало, а ужъ когда что скажетъ, то почти всегда въ похвалу себѣ. Толкуютъ ли о погодѣ, а онъ увѣряетъ, что впередъ зналъ, какая, именно, будетъ погода: солнце-ли, дождикъ-ли, морозъ-ли, все это онъ угадалъ раньше всѣхъ; ничто его не удивитъ. Жена его, иногда дерзала робко замѣтить что онъ, кажется, обѣщалъ хорошую погоду, а между тѣмъ, вотъ дождь льетъ; но слова замирали у нея на устахъ, потому что Илья бросалъ на нее взглядъ, такой презритель-

¹⁾ 2 Царствъ 24, 14.

²⁾ Матѣ. 5, 7.

¹⁾ Луки 17, 3.

ный взгляд, что она мгновенно умолкала и въ смущеніи опускала голову.

Илья относился крайне благосклонно къ самому себѣ, зато былъ очень строгъ къ другимъ. Самъ онъ всегда во всемъ правъ, зато все другіе почти всегда виноваты; и выказывалъ онъ это какъ то рѣзко, насмѣшливо и многихъ этимъ обижалъ, чаще всего, конечно, жену. Скучно жилось ей бѣдной женщи-нѣ: почти цѣлый день сидѣла она въ уголку маленькой мастерской и пила молча то, что приказывалъ мужъ; выглянуть за окошко она боялась, даже поднять голову и отдохнуть нѣсколько минутъ не смѣла. Вѣчно шить, шить безъ остановки,—вотъ и вся ее жизнь; и оставлять работу позволялось только на самое короткое время, чтобъ присмотрѣть за обѣдомъ или обогатъ въ лавку.

Илья самъ былъ какой-то жесткій человекъ, и жизнь ему нрави-лась жесткая; не цѣнилъ онъ того чтобы вокругъ него было уютно, привѣтливо, свѣтло, и жена его къ этому принаровилась, и то что въ молодости знала другого, получше, почище, поприятнѣе,—она все это забыла.

Безпрестанно придирался къ ней мужъ; поминутно нападалъ на нее то за то, то за другое. Но ужъ и она же сама, что за неловкая, недогадливая была! Сошьетъ ему чтонибудь, и выйдетъ криво, или не на ту сторону, такъ что придется все распарывать; поставить самоваръ къ чаю безъ воды, потомъ, одумается, схватится за голову и говорить: „Ахъ, голова-то моя!“

— „Голова твоя“, повторяетъ мужъ такъ насмѣшливо, что она просто готова сквозь землю провалиться.

Чѣмъ больше онъ нападаетъ, тѣмъ она больше во всемъ провиняется. Наконецъ, ужъ ей стало какъ будто все равно—ходить ка-кая-то растерянная, все криво и

косо дѣлать, и сердитые взгляды и слова переносить равнодушно.

Въ воскресный день, послѣ обѣда, мужъ обыкновенно давалъ ей не-много свободы и тутъ она или хо-дила погулять, или садилась у окошка въ сосѣдней маленькой кухнѣ и выглядывала на большой домовый дворъ, гдѣ, часто особен-но въ праздники, проходило до-вольно много народу.

Иной разъ, когда проходили мимо люди, по виду довольные, свободно и ласково другъ съ дру-гомъ разговаривая, Марѳа вдругъ что то захватывало за сердце, но это было только на минутку и она скоро опять успокоивалась.

Долгая привычка какъ то сло-мила ее, такъ что она ужъ пере-стала чегонибудь желать, душа ее точно ничего болѣе не просила и довольствовалась этими нѣсколь-кими одинокими часами однообраз-наго отдыха.

Теплый былъ день, воскресный, Марѳа открыла окошко и сидѣла сложа руки, безсознательно глядя передъ собою. Сначала она смот-рѣла на прохожихъ, а потомъ сама не знала, куда глядѣла и о чемъ думала. Вдругъ послышался го-лосъ снизу, который ясно и громко что-то говорилъ. Она высунула голову и стала прислушиваться.

Кто-то читалъ и читалъ какія-то слова, которыхъ Марѳа давно не слыхала. Первое слово, которое долетѣло до нея было „Иисусъ“. Она скрестила руки и притаила ды-ханіе, чтобы слышать дальше. Даль-ше она разслышала: „сказалъ“... и потомъ еще дальше: „приидите ко Мнѣ все труждающіеся и обре-мененные, и Я успокою васъ“. Тутъ голосъ умолкъ на минуту и Марѳа задумалась, крѣпко и глу-боко задумалась.

Что это за слова такіа, от-куда они? Что-то они напоминаютъ хорошее, святое, что-то новое въ нихъ, не похожее на обыденную, унылую, мрачную жизнь, куда-то уносятъ они мысли, далеко, и меж-

ду тѣмъ какъ-то близко стучатся въ сердце.

Марѳа все сидитъ и думаетъ, наконецъ, она очнулась, подняла голову, а голосъ продолжалъ чи-тать. Должно быть перечитывались тѣ же самыя слова, потому что Марѳа опять услышала: „Иисусъ сказалъ“, а потомъ что-то другое:

„Славно Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и от-крылъ то младенцамъ“.

Послѣ этого голосъ замолчалъ и послышался разговоръ. Тутъ Марѳа вспомнила, что недавно въ квартирку нижняго этажа, переѣ-халъ сапожникъ съ семействомъ и что раза два Илья съ усмѣшкой называлъ его ханжей. Должно быть это онъ читалъ. Марѳа еще посидѣла у окошка, поджидая че-го-то, но тутъ вдругъ раздался рѣзкій голосъ мужа и она вспо-мнила, что вѣрно пора ему чай по-давать. Она встала и подошла къ двери, Илья съ кѣмъ-то разгова-ривалъ; Марѳа узнала другой го-лосъ: это былъ Трофимъ, сапож-никъ, который, окончивъ свое чте-ніе, вѣроятно зашелъ къ сосѣду.

— „Вѣдь это Самъ Богъ ска-залъ“, говорилъ спокойный голосъ Трофима.

— „Что такое?“ вскричалъ Илья съ раздраженіемъ.

— „Сказалъ, что шесть дней надо работать, а седьмой день святить“.

— „Святить“, повторилъ пор-тной, съ усмѣшкой.

— „Да, святить; это значитъ, что этотъ день—для молитвы, для слу-женія Богу“, сказалъ сапожникъ благоговѣнно.

— „А по моему такъ“: возра-зилъ Илья, „кто работаетъ, тотъ и молится“. И онъ съ особеннымъ усердіемъ воткнулъ иглку въ сук-но, и принялся шить.

— „По Божьему не такъ“: на-стаивалъ Трофимъ, „работать мы должны конечно, и трудъ нашъ Онъ благословляетъ, если мы и въ

другомъ Ему послушны. Онъ хочетъ, чтобъ мы и душу свою кормили, не только тѣло; чтобы мы словомъ Его питались и душу свою безсмертную къ Нему возносили. Мы рабочіе люди, въ будни намъ отдыхать некогда, зато воскресный день намъ для души данъ, а душа и у рабочаго человѣка питанія просить“.

— „Ну, и питайте свою душу“, воскликнулъ Илья, „а мнѣ не до того. Мнѣ надо себя и свою безтолковую бабу прокормить и одѣть, а съ читаніемъ да съ моленіемъ недалеко уѣдешь“.

— „А вѣдь вотъ у меня также и жена есть, и дѣтей семь человѣкъ, но помогаетъ же Господь прокормить семью. Слава Тебѣ, Господи, особенной нужды не терпѣли, хоть и отдыхали и занимались Божіимъ Словомъ въ воскресный день. Не обидѣлъ Господь и рабочаго человѣка, назначилъ и ему день покоя“.

— „У твоей жены, братъ, можетъ быть голова на плечахъ, оттого дѣло на ладъ и идетъ, и отдыхать вамъ время есть, а у моей жены совсѣмъ головы нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ головѣ ничего нѣтъ, вотъ мнѣ и не до отдыха. Понялъ?“

И Илья взглядомъ своимъ ясно добавилъ: „больше объ этомъ ни слушать, ни говорить не стану“.

Трофимъ вздохнулъ, простился и вышелъ. Илья еще разъ поднялъ голову и глядя вслѣдъ ему проговорилъ:

„Тебѣ одно, а намъ другое, намъ съ безголовой женщиной совсѣмъ другое“.

Похвалилъ самъ себя Илья что ему такъ ловко удалось выпроводить сосѣда, и сталъ самодовольно расправлять свое шитье; а Марѳа, Марѳа все слышала за дверью и ей стало такъ стыдно, стыдно, какъ никогда еще не бывало. Глупая она, безтолковая, ни на что негодная, да, все это правда.

Она опустила голову и вся съе-

жилась, точно ее что-то давило. Мужу она въ тягость, изъ-за нея онъ долженъ въ воскресный день работать, ни къ чему она не пригодна, во всемъ она виновата. Все ниже опускалась голова ея. Въ эту минуту мужъ позвалъ ее.

— „Сейчасъ, сейчасъ“, откликнулась она, и боязливо пошла въ комнату.

— „Самоваръ готовъ?“ спросилъ онъ грозно, не поднимая на нее глазъ.

— „Сейчасъ, сейчасъ поставлю“, и она тревожно засуетилась, съ необычайной скоростью насыпая уголья въ самоваръ.

Илья взглянулъ на нее, и взялъ газету.

— „Смотри, воды не наливай въ самоваръ, такъ онъ сейчасъ закипитъ“, сказалъ онъ насмѣшливо.

Она испуганно приподняла крышку самовара, онъ былъ полонъ воды.

— „Налить, налить“, радостно повторяла она, „сейчасъ закипитъ“.

— „Знаемъ мы это „сейчасъ“, сказалъ мужъ и продолжалъ читать газету, только изрѣдка поглядывая на самоваръ, но одни эти взгляды чего стоили.

Пожалуй, многимъ приходилось испытать какое это бѣдствіе когда непременно надо чтобъ скорѣе закипѣлъ самоваръ, и вотъ онъ, какъ нарочно, не кипитъ. Раздуваешь, раздуваешь, ходишь вокругъ, уголья подбавляешь и все онъ не кипитъ.

Марѳа просто не знала что дѣлать, старалась изо всѣхъ силъ, съ тоскливымъ безпокойствомъ глядѣла на самоваръ, поминутно трогала его, и все ни къ чему. Наконецъ, зашумѣлъ и, вслѣдъ затѣмъ, показался первый клубъ пара.

— „Кипитъ!“ вырвалось изъ стѣсненнаго сердца ея; она поспѣшно заварила чай и подала его мужу.

Онъ не удостоилъ ее ни однимъ словомъ, смотрѣлъ въ газету и продолжалъ читать, запивая свое

чтеніе чаемъ. А Марѳа притаилась въ своемъ уголку; уже смерклось, она сидѣла молча, и вдругъ какія-то странныя, давно не бывалыя мысли охватили ее и унесли куда-то далеко. Далеко отъ этой унылой, непривѣтливой комнаты, прямо на деревенскій зеленый лужокъ, залитый солнцемъ; тутъ бѣгаютъ веселыя дѣти и всѣхъ веселѣе изъ нихъ Марѳуша, мельникова дочка. Недалеко отъ лужка стоитъ тесовая мельница, вокругъ нея высокія деревья шумятъ, на порогѣ стоитъ отецъ и киваетъ Марѳушѣ, зоветъ ее ужинать. Бѣжитъ она запыхавшись домой, кидается ему на шею, а дома мать около стола хлопочетъ, Марѳушѣ цѣлую тарелку ягодъ приготовила, бѣлую булочку спекла. Вотъ и коровушки домой идутъ, мать идетъ доить и Марѳуша за ней съ маленькимъ ведерочкомъ, которое отецъ нарочно для нея купилъ. Мать наливаетъ ей туда парного молока, и Марѳуша пьетъ прямо изъ ведерочка, а мать приговариваетъ: „пей на здоровье, мое дитятко, Христосъ съ тобою!“

Слезы хлынули изъ глазъ Марѳы, она посмотрѣла на свои жесткія, костлявыя руки, на свой разорванный, запачканный передникъ, потомъ оглянулась вокругъ — на темный, невымытый полъ, на запыленные, закоптѣвшія окна, и вдругъ глухой стонъ послышался въ комнатѣ.

— „Ничего не подѣлаешь, ничего не подѣлаешь“, сказала она, прерывающимся голосомъ.

Илья съ удивленіемъ поднялъ голову.

— „Какую ты тамъ бѣду надѣлала?“ спросилъ онъ.

— „Бѣду? Теперь? Нѣтъ... ничего...“ отвѣтила она съ замѣшательствомъ.

— „Не теперь? Такъ когда-же?“ спросилъ онъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Онъ увѣренъ былъ, что она что

нибудь разбила, испортила и не смѣла сознаться.

— „Давно, давно уже, теперь прошло“, отвѣтила она, и торопливо принялась убирать чайную посуду.

Илья наблюдалъ за нею нѣсколько минутъ; темнѣло въ комнатѣ но онъ все таки могъ разглядѣть ея лицо и его поразило выраженіе печали на немъ. Также поразила его необычайная скорость, съ которой она все прибирала; но ни слова больше она не выговорила. Онъ успокоился на томъ, что особенно важной бѣды кажется не приключилось и опять углубился въ газету.

Черезъ нѣсколько времени онъ всталъ, сказалъ ей: „я рано вернусь, смотри про ужинъ не забудь“, взялъ шапку и вышелъ.

Дверь за нимъ затворилась, Марѳа осталась одна. Это случалось часто, и она, не смѣя выходить изъ дому, обыкновенно тогда садилась у окошка и развлекалась тѣмъ, что происходило на дворѣ.

Но на этотъ разъ ей было не до того. Вся душа ея какъ-то странно была потрясена, она не сѣла у окошка, ей не было охоты смотрѣть на прохожихъ, что-то въ ней проснулось и она не могла оторваться отъ этого видѣнія, которое вдругъ такъ живо ей представилось, отъ этого мѣста, гдѣ она провела дѣтство, гдѣ она была дома, гдѣ ее любили. Пробудилось все давно минувшее, слезы катились по исхудалымъ ея щекамъ, за слезами послѣдовали рыданія и сквозь рыданія она повторяла: „По дѣломъ мнѣ, по дѣломъ мнѣ! Сама виновата... Отецъ, матушка, ахъ, прошлаго не вернешь!...“

Горькое чувство противъ мужа вдругъ охватило ее. Чѣмъ живѣе возникали воспоминанія, тѣмъ болѣе накоплялось этой горечи. Онъ уговорилъ ее, молоденькую, почти ребенка, уйти изъ родительскаго дома и обвинчаться съ нимъ противъ воли родителей. Онъ пона-

дѣлся на богатое ея приданое, а когда приданого не оказалось, потому что мельница сгорѣла, и почти все имущество погибло, то онъ сталъ обращаться съ нею грубо, сурово, и засушилъ ея сердце.

Жила она себѣ счастливо, спокойно, а онъ пріѣхалъ въ деревню, погостить у родныхъ и вскружилъ ей голову: одѣтъ былъ такъ хорошо, не по деревенски, ремесло имѣлъ выгодное, говорилъ такъ плавно и умно что всѣ заслушаются. Она была веселая, беззаботная, рѣзвая, и собой красавица. Понравилась ему; ума хоть въ ней большаго и нѣтъ, да это и не нужно, говорилъ онъ самъ себѣ и рѣшилъ посватать Марѳушу. Пришелъ разъ говорить съ родителями, и какъ удивился Илья, когда ему отказали. Отказали потому, что не знали его хорошо, что не хотѣли такъ рано отдавать дочку замужъ, боялись отпустить ее далеко отъ роднаго гнѣзда. Онъ разсердился и рѣшилъ, что заставитъ ихъ поплатиться за эту обиду. Не трудно ему было уломать Марѳушу. Онъ рассказывалъ ей про всѣ чудеса городской жизни, увѣрялъ, что любить ее больше души своей, что родители ея напрасно ему не довѣряютъ, будетъ она съ нимъ счастлива, узнаютъ про хорошее ея житіе, и смилуются и признаютъ, что были неправы.

Разъ, когда мельникъ по дѣлу уѣхалъ въ сосѣднее село и жена поѣхала съ нимъ провѣдать болѣную сестру, Марѳуша осталась дома хозяйничать, подоить корову, приготовить ужинъ.

Возвращаются домой, дверь заперта на замокъ, корова мычитъ недоенная, въ домѣ темно и пусто...

На слѣдующій день узнали, что Марѳушу кто-то встрѣтилъ съ Ильей на телегѣ гдѣ-то далеко, и поняли отецъ съ матерью, что покинула она ихъ.

Илья, обвинчавшись съ Марѳушей, привезъ ее въ городскую

квартирку и оттуда написалъ родителямъ письмо, въ которомъ объявлялъ имъ, что дочь ихъ очень счастлива и что лучше бы имъ съ нею помириться.

Отвѣтъ пришелъ опять не такой, какого онъ ожидалъ. Родители писали, что не даютъ своего благословенія на этотъ бракъ, что онъ заключенъ былъ тайно, противъ воли отца и матери, значить и противъ воли Божіей. Не можетъ тутъ быть настоящаго счастья, писали они; въ концѣ письма было слово прямо къ дочери: ее они по прежнему любили, за нее Богу молились и готовы были принять ее, когда бы ее мужъ къ нимъ ни отпустилъ.

„Совсѣмъ съ ума сошли!“ воскликнулъ Илья съ досадой и разорвалъ письмо, не показавъ его женѣ.

Немного времени прошло, и онъ убѣдился, что добрая, веселая дѣвушка которая ему такъ приглянулась, когда была подъ крыломъ матери, вовсе еще не годилась въ хозяйки дома. Мать ко многому ее не приучала, многое дѣлала за нее, жалѣя ея молодость, и говорила себѣ: „еще успѣетъ потрудиться, замужъ отдавать не поторопимся“. Ошиблась тутъ бѣдная мать; неразумно жалѣла дочку, и росла она у нея такъ, что ни заботъ, ни труда не знала. Не особенно ловка и проворна была Марѳуша, но мать на нее за это не пѣняла, нужды у нихъ въ домѣ не было а дѣвочка послушная, добрая, ласковая; ну, и Богъ съ ней.

Но вотъ Марѳуша сама поторопилась. И тутъ-то оказались вся ея неопытность и неспособность. Марѳуша безъ руководства не сумѣла ничего держать въ порядкѣ, не сумѣла мужу угодить, стала неряшлива, разсѣянна, мужъ сталъ браниться, насмѣхаться; такъ и пошло все хуже да хуже.

Вскорѣ послѣ ея замужества, умеръ отецъ; мать звала ее къ себѣ повидаться, но мужъ не пу-

стиль, поплакала Марѳуша украдкой, а потомъ сказала себѣ: „дѣлать нечего“, и перестала плакать. Не долго спустя, сгорѣла мельница, потомъ умерла и мать на чужихъ рукахъ, и оторвалось отъ Марѳуши все ея прошлое. Дѣтей у нея не было, сердце какъ будто заглохло, такъ и жила она, годъ за годомъ.

И вотъ она сидитъ и раздумываетъ объ этомъ, въ этотъ воскресный вечеръ, и вздыхаетъ и плачетъ. Вздыхала она и раньше иной разъ, не не такъ какъ теперь.

Теперь ее вдругъ стало душить такое горе, какого она никогда не испытала. Такая сильная нашла тоска, что вся душа заныла; такъ и вѣпился бы въ это прошлое обѣими руками, отца и мать точно видишь передъ собою. Марѳа захотѣлось бѣжать куда нибудь отъ этой тоски, и вдругъ вспомнила она слова, читанныя подъ окномъ ея въ этотъ-же день.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

О ДУХОВНОЙ ЖАЖДѢ.

Изъ слова преосв. Евсевія архіепископа Могилевскаго.

„Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“. (Іоан. 7, 37).

„Кто жаждетъ“, говоритъ Иисусъ Христосъ, „иди ко Мнѣ и пей“. О какой жаждѣ, и о какомъ питіи говоритъ Господь? И какъ приходитъ къ Нему и пить?

Кто жаждетъ. Спаситель говоритъ не о той жаждѣ, которая ощущается тѣломъ и утоляется водою или другимъ питіемъ, но о жаждѣ духовной, которая чувствуется разумною душою человека.

Что же это такое, чего жаждетъ наша душа? Гдѣ источникъ, утоляющій жажду нашей души? Господь Спаситель даетъ намъ отвѣтъ.

Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей.

Кто жаждетъ, кто сознаетъ свою духовную бѣдность, свои грѣхи; кто чувствуетъ свои духовныя потребности и ищетъ удовлетворенія имъ; кто ищетъ того, чего жаждетъ безсмертная душа: тотъ иди къ Иисусу Христу. Онъ есть Источникъ **воды живой, текущей въ жизнь вѣчную** (Іоан. 4, 14). Кто пьетъ воду, которую подаетъ Иисусъ Христосъ, тотъ не будетъ жаждать во вѣки.

Иисусъ Христосъ говоритъ: **кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей**:—не повелѣваетъ, а призываетъ къ Себѣ жаждущихъ, также какъ Онъ призываетъ къ послѣдованію за Собою, когда говоритъ: „если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“ (Матѣ. 16, 24). Къ Иисусу Христу приходятъ не по принужденію, но по доброй волѣ. Путь къ достиженію нравственнаго совершенства не есть путь внѣшняго принужденія, а есть путь разумнаго, свободнаго, добровольнаго стремленія къ достиженію нравственнаго добра: такъ и путь приближенія къ Господу Иисусу есть путь свободнаго, добровольнаго, искренняго стремленія къ Нему, Спасителю всѣхъ человѣковъ. Господь говоритъ: „приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ“. (Іоан. 6, 37). Такъ и въ словахъ: **кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей**, Господь, никого не принуждая, всѣхъ призываетъ къ приснотекущему Источнику живой воды, утоляющей жажду безсмертной души.

А какъ можемъ мы приходиться къ Господу? Какъ можемъ пить живую воду, текущую въ жизнь вѣчную? Въ читанномъ нынѣ Евангеліи слышали, что Господь сказалъ,—непосредственно послѣ предложенныхъ словъ: **кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей**,—„Кто вѣруетъ въ Меня“, присовокупилъ Господь, „у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“. (Іоан. 7, 38).

Такъ, вѣрою мы приходимъ къ

Иисусу Христу. Вѣрою, или по силѣ вѣры, Христосъ вселяется въ сердца наши (Еф. 3, 17). Необходима вѣра живая и дѣятельная, то есть, оправдываемая дѣлами, или, какъ говоритъ Апостолъ: „вѣра дѣйствующая любовію“: „Ибо во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію“. (Гал. 5, 6). Вѣра, соединяемая съ любовію, приближаетъ насъ къ Иисусу Христу, какъ Источнику живой воды, текущей въ жизнь вѣчную.

„Кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“. Значеніе сихъ словъ показываетъ Евангелистъ, присовокупляя: „Сіе сказалъ Онъ о Духѣ, котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него“. (Іоан. 7, 39). Это та дивная вода, о которой пророкъ Ісаія говорилъ: „И въ радости будете почерпать воду изъ источниковъ спасенія“. (Ісаія 12, 3) И чрезъ пророка Іоіля Богъ говорилъ: „И будетъ послѣ того: излію отъ Духа Моего на всякую плотъ, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцамъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія. И также на рабовъ и на рабынь въ тѣ дни излію отъ Духа Моего“. (Іоан. 2, 28, 29). У пророка Іезекіиля читаемъ слова Господа: „И окроплю васъ чистою водою, и вы очиститесь отъ всѣхъ сквернъ вашихъ, и отъ всѣхъ идоловъ вашихъ очищу васъ. И дамъ вамъ сердце новое, и духъ новый дамъ вамъ; и возьму изъ плоти вашей сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотяное. Вложу внутрь васъ духъ Мой, и сдѣлаю то, что вы будете ходить въ заповѣдяхъ Моихъ, и уставы Мои будете соблюдать и выполнять“. (Іез. 36, 25—27).

Духъ Святой излился на св. Апостоловъ въ день Пятидесятницы, и съ того времени донынѣ, по неизрѣченной благодати Отца небеснаго, изливается на всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Иисуса Христа.

Апостоль Павелъ говоритъ: „Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его“. (Рим. 8, 9) т. е., Кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ не ученикъ Христовъ, тотъ не христіанинъ, или не истинный христіанинъ.

Иисусъ Христосъ говоритъ: **кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой.** Такъ изображаетъ Господь обиліе даровъ Святаго Духа, сообщаемыхъ вѣрующимъ въ Него, Спасителя міра. Исполняемые Духомъ Святымъ, не только сами утоляютъ свою духовную жажду сею благодатною водою, но и другимъ сообщаютъ это небесное питіе своимъ наставленіемъ, примѣромъ и молитвами, что видимъ на св. Апостолахъ и ихъ преемникахъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ Апостоль Павелъ говоря: „Насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся, мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ“. (2 Кор. 6, 10).

Что говорилъ Апостоль о себѣ и другихъ Апостолахъ, то можетъ испытывать на себѣ и каждый благочестивый христіанинъ, ревностно послѣдующій Господу Спасителю. Онъ—неимѣющимъ Духа Христова также можетъ казаться скорбящимъ, но онъ имѣетъ радость въ Святомъ Духѣ. Пусть онъ будетъ нищъ земными благами; но, обладая дарами Святаго Духа, онъ и словомъ назиданія, и добрымъ примѣромъ, и своими молитвами къ Богу многихъ обращаетъ къ ихъ спасенію. Пусть онъ ничего не будетъ имѣть; но имѣя въ себѣ Бога, онъ все имѣетъ: ибо всецѣло ввѣряетъ себя Богу и во всемъ на Него уповаетъ, и всего отъ Него ожидаетъ.

Господь говоритъ: „кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“. (Іоан. 4, 14). Кто вѣруетъ въ Иисуса Христа, и соблюдаетъ запо-

вѣди Его; тотъ, питая крѣпкую любовь къ Богу, и всецѣло предаваясь Ему, и уповая на Него, въ Немъ имѣетъ все возжелѣнное для своей души; не ищетъ и не желаетъ никакого высшаго блага, потому что въ Богѣ имѣетъ онъ высочайшее благо. Въ Богѣ находитъ онъ полное успокоеніе, котораго никто и ничто не можетъ лишить истиннаго христіанина, если онъ неизмѣнно будетъ вѣренъ Господу Иисусу. Такое успокоеніе обѣщаетъ Господь говоря: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ!“ (Матѣ. 11, 28, 29).

Земныя блага, въ которыхъ человѣкъ, по заблужденію, хочетъ найти себѣ успокоеніе, съ продолженіемъ времени, оказываются неспособными удовлетворить потребностямъ безсмертной души. **Водоемы разбитые**, по слову Пророка, „которые не могутъ воды содержать“. (Іер. 2, 13), которые не имѣютъ того, чего жаждетъ безсмертная человѣческая душа, и человѣкъ, испытавъ тщету мнимыхъ благъ, ищетъ новыхъ, и никогда не успокоивается. А христіанинъ, вѣрою, надеждою и любовью приходящій къ Господу Иисусу, чѣмъ болѣе симъ путемъ приближается къ Нему, Спасителю и Богу, тѣмъ совершеннѣе сознаетъ и чувствуетъ свое счастье и блаженство въ единеніи съ Нимъ, какъ высочайшимъ Благомъ и Подателемъ всѣхъ благъ, во времени и въ вѣчности. „Иисусъ Христосъ вчера и сегодня, и во вѣки тотъ же!“ (Евр. 13, 8).

Иисусъ Христосъ говоритъ: „Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь хлѣбъ жизни“. (Іоан. 6, 47, — 48). „Слушающій слово Мое, и вѣрующій въ посланнаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную; и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь“. (Іоан.

5, 24). „Я есмь путь, и истина, и жизнь“. (Іоан. 14, 6). „Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа“. (Іоан. 17, 3).

Вѣрующій въ Иисуса Христа и послѣдующій Его ученію носитъ въ себѣ залогъ или начатокъ вѣчной жизни: ибо онъ пребываетъ въ единеніи съ Источникомъ вѣчной жизни, Иисусомъ Христомъ. Питая крѣпкую любовь къ Иисусу, въ Немъ имѣетъ миръ и радость, среди всякихъ земныхъ обстоятельствъ; уповая на Него, не боится и смерти, потому что онъ идетъ прямою дорогою къ вѣчной жизни, послѣдуя Иисусу Христу. Онъ и въ настоящей жизни предвкушаетъ жизнь вѣчную, потому что его душа, и мыслями и желаніями, всегда стремится къ Богу Отцу и Господу Иисусу Христу. А это, по слову Господа, **есть жизнь вѣчная, да знаютъ единого истиннаго Бога, и посланнаго Имъ Иисуса Христа** (Іоан. 17, 3).

Братія! Вамъ, которые жажду своей души утоляете изъ Источника живой воды, текущей въ жизнь вѣчную, слово Господа говоритъ: „Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“. (Матѣ. 26, 41). Будьте тверды въ послѣдованіи Господу. Помните всегда, что нѣтъ другаго источника живой, спасительной воды, утоляющей всѣ духовныя потребности нашей безсмертной души, кромѣ Господа Иисуса Христа; ибо „нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“, (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Христа Иисуса, Спасителя міра. Никакіе соблазны и никакія скорби да не смущаютъ васъ и не увлекаютъ съ пути истины, и да не удаляютъ васъ отъ Христа Спасителя. Среди скорбей и всякихъ трудностей жизни, испытываемыхъ въ послѣдованіи Господу Спасителю, помните Его слова: „Въ мірѣ будете имѣть скорбь;

но мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“. (Іоан. 16, 33).

А вы, братія, еще неутвердившіеся на пути истины и спасенія! Будьте внимательны къ самимъ себѣ, къ внутреннимъ желаніямъ вашей безсмертной души, всегда жаждущей благъ, соотвѣствующихъ ея безсмертной природѣ, т. е. благъ духовныхъ, вѣчныхъ. Смотрите, какъ всѣ земныя блага мало удовлетворяютъ духовнымъ желаніямъ нашей души; какъ все, къ чему человѣкъ въ настоящей жизни обыкновенно привязывается, непостоянно, кратковременно и суетно, и какъ, при обладаніи всѣми земными благами, душа человѣка, создающаго свое назначеніе, всегда остается недовольною, и жаждущею неземныхъ благъ.

Помните слова Апостола: „Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего. И міръ

проходить, и похоть его, а исполняющій волю Божию пребываетъ во вѣкъ“. (1 Іоан. 2, 15—17. И страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ, и корыстолюбіе и честолюбіе не отъ Бога получили свое начало, но отъ грѣха человѣческаго. И люди, и всѣ предметы земные, къ которымъ люди привязываются, или которыми питаются страсти человѣческія, скоро проходятъ, — кто не видитъ этого! и какъ часто собственнымъ опытомъ познаемъ это! А исполняющій волю Божию, тотъ, кто внимаетъ ученію Господа Іисуса Христа и послѣдуетъ Ему, кто любитъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душою и соблюдаетъ заповѣди Его: тотъ и на землѣ живетъ благодатною жизнію въ Іисусѣ Христѣ, и по исходѣ изъ этой жизни, наслѣдуетъ жизнь вѣчную, въ обителяхъ Отца небеснаго.

Внимайте гласу Господа Іисуса: **Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей.** Если та или другая страсть привязываетъ кого къ земнымъ бла-

гамъ: то брось идола, и иди къ Господу Іисусу; внимай Его ученію; послѣдуй Ему вѣрою и любовью, уповая на Его благодатную помощь. Сознавая свои немощи и удобопреклонность ко грѣху, моли и проси Его Божеской помощи, взывая и повторяя: О сладчайшій Іисусе! вѣрую; Твоею благодатію помоги моему маловѣрію. Уповаю на Тебя; утверди мою надежду. Люблю Тебя; силою Духа Твоего укрѣпи мою любовь къ Тебѣ, чтобы я всегда исполнялъ заповѣди Твои, и всегда пламенѣлъ любовію къ Тебѣ, и въ счастіи и въ несчастіи, и въ радости и въ скорби, и въ жизни и въ смерти, и душою и тѣломъ всегда прославлялъ Тебя, съ Отцемъ Твоимъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Подписка принимается и на будущій 1886-й годъ.

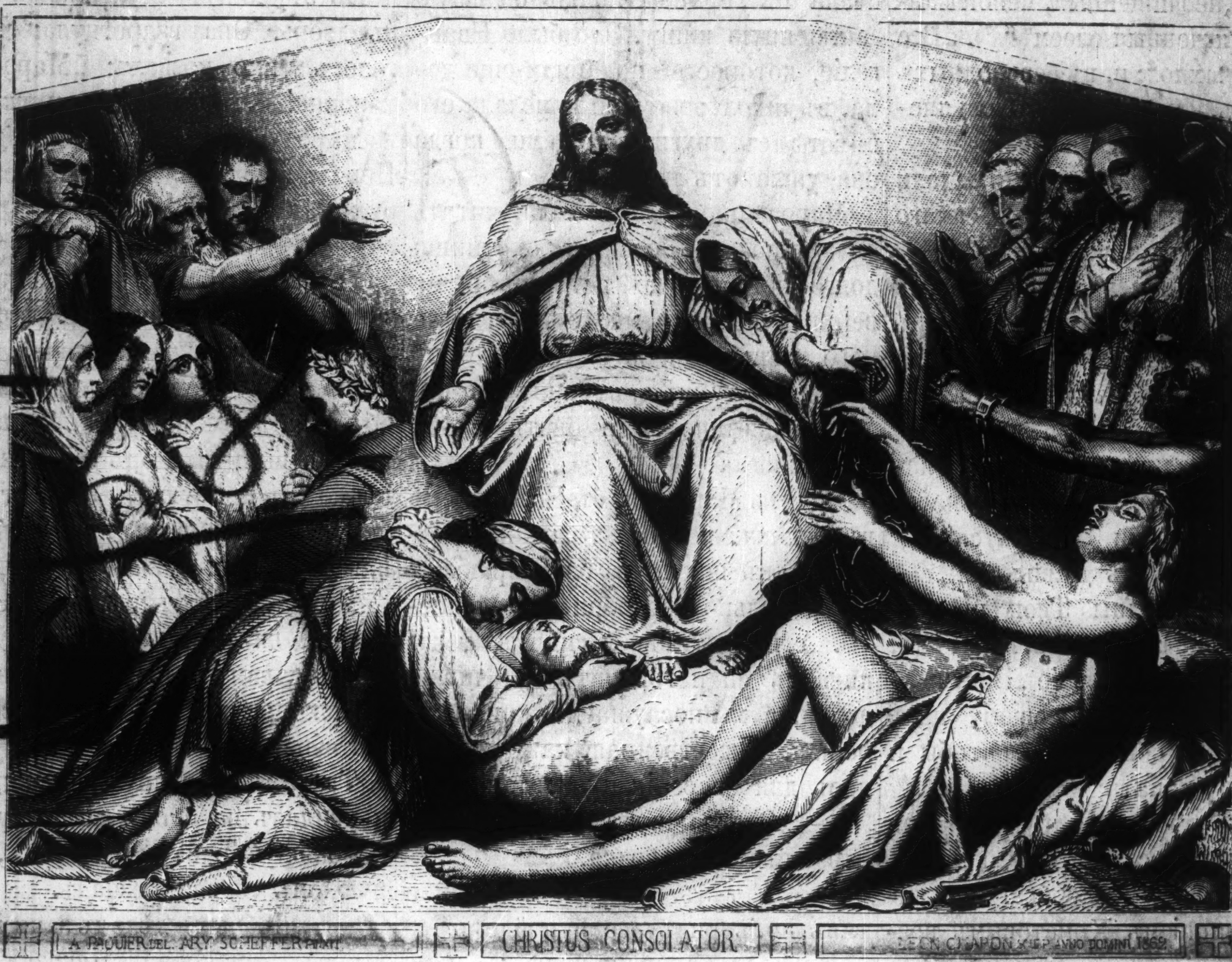
Журналъ будетъ издаваться на прежнихъ условіяхъ: по одному руб. въ годъ, съ пересылкою.

Сердечное спасибо нашимъ доброжелателямъ за сочувственныя письма. Просимъ прощенья, что не имѣли возможности отвѣтить на каждое изъ нихъ отдѣльно; зато всѣ они, съ благодарностью, хранятся у насъ и много насъ ободряютъ.

Снова поручаемъ нашъ листокъ молитвамъ дорогихъ друзей нашихъ, — и отъ души желаемъ каждому изъ нихъ самыхъ лучшихъ и вѣчныхъ благъ.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ доставк. 60 к. съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

ХРИСТОСЪ УТѢШИТЕЛЬ.

ХРИСТОСЪ УТѢШИТЕЛЬ.

„Чающій утѣшенія“¹⁾; такъ описывается въ Евангеліи тотъ благочестивый старецъ, который принялъ на руки свои Младенца Іисуса. Принялъ Его, и узналъ въ Немъ—**Утѣшителя**.

Началь Божественный Утѣшитель Своё служеніе среди людей скорбящихъ и неутѣшенныхъ, — и они, безумные, утѣшеніе свое отвергли; ожесточились нищѣ, плѣнные, измученные, противъ Того, Кто принёсъ имъ исцѣленіе и свободу. Но не всё; нѣтъ, не всё.

Бѣдныя сестры, оплакивающія брата, къ Нему послали вѣсть, Ему излили свою печаль. „Многіе изъ Іудеевъ пришли... утѣшать ихъ... но Марѳа, услышавъ, что идётъ Іисусъ,

пошла на встрѣчу Ему“²⁾. Человѣческое участіе недостаточно; нуженъ **Утѣшитель**.

Встревоженная, измученная мать къ Нему понесла свою горе, издалика пришла, и звать не переставала, пока не утѣшилась. Молчитъ Господь, отталкиваютъ ученики, но все таки она чувствуетъ, что тутъ всемогущій Утѣшитель и неотступно молить: „Господи помози!“³⁾.

Ученики, испуганные ночью бурей, къ Нему прибѣгли съ крикомъ: „Погибаемъ“⁴⁾!

Умирающій разбойникъ къ Нему обратилъ предсмертную мольбу свою, — и утѣшенный на вѣки, предалъ душу⁵⁾.

²⁾ Іоан. 11, 19, 20.

³⁾ Матѳ. 15, 22—28.

⁴⁾ Лук. 8, 24.

⁵⁾ Лук. 23, 43.

За Нимъ бѣжали изъ разныхъ городовъ, голодные, страждущіе, изнуренные и разбѣянные, какъ овцы безъ пастыря, и не обмануло ихъ сердце. Утѣшитель **сжалился** надъ ними и снялъ съ нихъ бремя ихъ⁶⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ „чающій утѣшенія“ старецъ прижалъ къ сердцу своему живое, Богомъ посланное утѣшеніе, — много времени прошло, много горя было пережито людьми, много слезъ пролилось, много было чающихъ, жаждущихъ утѣшенія. Куда склонили они голову? Ахъ, были такіе, которые кидались во всѣ стороны, хватились за людей, за разныя земныя опоры, надѣялись облегчить больную душу мірскими утѣжденіями. Но раны

⁶⁾ Матѳ. 9, 35, 36.

¹⁾ Лук. 2, 25.

остались „неочищенные, необязанные, несмягченные слезы“ ⁷⁾. „Все сердце изчахло“; и, въ безплодныхъ стenanіяхъ или безумномъ опьяненіи, прошла вся жизнь.

Были такіе, которые страдали сильно и долго; но среди самаго страданія, нашли **покой**.

Они устремились всею своимъ сердцемъ, къ **Утѣшителю**, — и Онъ утѣшилъ ихъ. Полна была чаша скорби, но чаша утѣшенія залила ее. Насытились они печалью; но еще болѣе насытились тѣмъ блаженствомъ, которое дается плачущимъ, — „ибо они утѣшались“ ⁸⁾. Могли сказать, съ Давидомъ: „всѣ воды Твои и волны Теои прошли надо мною“ ⁹⁾; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и принести благодареніе „Богу всякаго утѣшенія, утѣшающему насъ во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утѣшаться“ ¹⁰⁾...

Да; и утѣшать другихъ они могли; и принесли „мирный плодъ праведности“ ¹¹⁾, скорбью посѣянный, утѣшеніемъ Христовымъ возвращенный, — и блаженство они узнали такое, которое только утѣшенными страдальцами познается.

Иди, страдалецъ, къ **Утѣшителю**. Мало ли, велико ли твое страданіе, какая бы ни была ему причина, — иди къ **Утѣшителю**.

Грѣхъ ли томить тебя, или горе, — неси его къ **Утѣшителю**: „и скажешь въ тотъ день: Славлю Тебя, Господи; Ты... утѣшилъ меня“! ¹²⁾.

ПОРТНОЙ И ЕГО ЖЕНА.

(Окончаніе).

Что-то знакомое было для нея въ этихъ словахъ: какъ-будто она ихъ когда-то, гдѣ-то, раньше слышала.

Марѳа встала на табуретку и до-

стала съ верхней полки большую запыленную книгу. Это было Евангеліе, которое ей подарили еще дома, въ школѣ; мать ей прислала его вмѣстѣ съ другими вещами, когда она ушла отъ нея.

Марѳа про него забыла, читать она была не большая охотница; долго лежало оно нетронутое на верхней полкѣ, и много налегло на него пыли. Теперь она тщательно стираетъ эту пыль, смотритъ на потертый переплетъ и опять что-то воспоминаетъ.

Сидитъ Марѳуша, съ Евангеліемъ въ рукахъ, которое только-что получила въ школѣ за благонравіе, и самодовольно переворачиваетъ листы. А напротивъ ея сидитъ отецъ, киваетъ ей и говоритъ: „почитай, дочка, а мы послушаемъ, книга хорошая, божественная, каждому изъ насъ для спасенія души дана“.

— „Откуда читать, батюшка?“ — спрашиваетъ дѣвочка.

— „А тамъ, сначала начинай и такъ подъ рядъ все и пойдешь“.

Начала Марѳуша сначала, и по вечерамъ, какъ отецъ вернется съ работы, читала подъ рядъ одно за другимъ, многого не понимала, зато кое-что и запомнила.

Вотъ помнится ей, что тутъ гдѣ-то, недалеко отъ начала, были тѣ самыя слова, которыя читалъ сегодня Трофимъ подъ окномъ ея.

Захотѣлось ей опять найти то мѣсто; она зажгла лампочку, надѣла очки и стала медленно перебирать одну страницу за другой, проводя пальцемъ подъ каждой строчкой.

Такъ прошло нѣсколько времени, наконецъ, вдругъ палецъ остановился и Марѳа почти вскрикнула: „Вотъ, вотъ оно и есть!“ „Иисусъ сказалъ“, потомъ про „младенцевъ“, которымъ открылся Богъ, потомъ про „труждающихся и обремененныхъ“, и про „покой“.

Марѳа все пристальнѣе глядѣла на страницу и старательно перечитывая слова, старалась вникнуть въ нихъ.

Въ эту минуту послышался стукъ въ дверь. Она вздрогнула; чей-то голосъ тихо позвалъ: „Марѳа Семеновна! отворите на минутку“.

Марѳа встала и отворила дверь. Передъ нею стоялъ Трофимъ сапожникъ.

— „Извините, сказалъ онъ“, гляди на нее добродушно, „я только зашелъ вамъ напомнить, что ужъ теперь позднечко; пожалуй, мужъ скоро дома будетъ, не пора-ли вамъ обѣ ужинѣ похлопотать? Я съ нимъ вмѣстѣ вышелъ и онъ говорилъ, что вѣрно вы про ужинъ забудете; я и подумалъ, что вамъ не обидно покажется, если я зайду напомнить“.

Марѳа совсѣмъ растерялась отъ такого вниманія: „спасибо вамъ, спасибо вамъ“, повторила она нѣсколько разъ. „Я сейчасъ все приготавливаю“.

Трофимъ заглянулъ въ комнату, и увидалъ на столѣ лампочку, очки и большую раскрытую книгу, которую онъ сейчасъ узналъ.

— „Добрымъ дѣломъ занимались, Марѳа Семеновна“, сказалъ онъ ласково. „Въ этой книгѣ все потребное для души своей найдешь“.

Марѳа многое хотѣла отвѣтить и спросить, но ничего не сумѣла выговорить, только глядѣла на добраго сосѣда какими-то голодными глазами, которые точно просили: ну, поговори со мной еще хоть немножко, Христа ради.

Сапожникъ и раньше замѣчалъ ея унылое лицо, слышалъ брань и насмѣшки, которыя попадались ей на долю, и жалѣлъ ее. Теперь, онъ понялъ ея взглядъ и сказалъ:

— „Кабы вы къ намъ иной разъ въ воскресный день заходили, мы бы вмѣстѣ о Божьемъ словѣ побесѣдовали; а тамъ, въ будни, кабы вамъ Господь помогъ попроворотѣ дѣло справлять, вотъ и жить стало бы легче“.

— „Я бы рада, я бы рада“ проговорила Марѳа, „если только онъ отпуститъ. Вѣдь его воля надо мною“.

— „Воля Божія надъ вами“, —

⁷⁾ Исая 1. 5, 6.

⁸⁾ Матѳ. 5, 4.

⁹⁾ Псал. 41. 8.

¹⁰⁾ 2 Кор. 1, 3, 4.

¹¹⁾ Евр. 12, 11.

¹²⁾ Исая 12, 4.

сказалъ сапожникъ и какъ-то успокоительно улыбнулся. „А теперь вамъ пора за дѣло, до свиданія...“

И Марѳа принялась за дѣло: комнату прибрала, столъ накрыла и когда Илья вернулся, онъ не такъ все нашелъ, какъ ожидалъ; сѣлъ за столъ, покушалъ и легъ спать. Ни слова не было сказано ни мужемъ, ни женою. Его мысли, повидимому, были заняты чѣмъ-то, о чемъ онъ толковалъ со своими пріятелями и на жену некогда было обратить вниманія.

Особенной переменъ онъ въ ней не примѣтилъ ни въ этотъ вечеръ, ни въ послѣдующіе дни, но почему-то поменьше сталъ насмѣхаться надъ нею, а она старалась угождать ему во всемъ. Можетъ быть, думала себѣ, и отпустить онъ меня въ воскресенье стѣ добрыхъ людей уму-разуму научиться, и не буду я больше безтолковая баба, ни на что не годная.

И старалась Марѳа изо всѣхъ силъ, шила усердно и внимательно, начиная шовъ, спрашивала: такъ-ли? чтобы потомъ не приходилось распарывать, обѣдъ и чай подавала во время и лицо у нея стало болѣе осмысленное. Видно было, что она не только работаетъ, но и думаетъ. Конечно, не все шло гладко: случалось ей часто въ томъ или другомъ провиниться, и мужъ не упускалъ случая бранить, но все-таки была переменна къ лучшему.

— „Я очень стараюсь“, сказала она разъ сапожнику, встрѣтившись съ нимъ на лѣстницѣ, „теперь получше стало. Можетъ быть, онъ и отпустить меня къ вамъ“.

— „Помоги вамъ Богъ“, отвѣтилъ онъ, „просите у Него помощи. Онъ не откажетъ“.

Просить помощи... ей еще это въ голову не приходило. Какъ молиться такъ, чтобы Богъ услышалъ? Она раздумывала объ этомъ весь тотъ день, а на слѣдующее утро, когда она по обыкновенію сидѣла за шитьемъ, Трофимъ, съ разорванной курточкой сына въ рукахъ, во-

шелъ въ комнату. Марѳа такъ обрадовалась, что чуть было даже что-то не сказала, но удержалась и продолжала работу.

Трофимъ подошелъ прямо къ Ильѣ и попросилъ починить курточку.

— „Новую ему пора“, сказалъ тотъ, „плоха ужъ эта“.

— „Жена думаетъ, что еще починить можно, только ей самой сегодня некогда — она стираетъ, а мальчику завтра надѣтъ надо. Я къ вамъ и пришелъ“.

— „Дѣла не смыслятъ, оттого и говорятъ зря; что-же тутъ чинить? Не люблю я, кто много мудритъ, а дѣла не разумѣетъ“.

— „Да, это плохо“, сказалъ Трофимъ спокойно, „вотъ и въ Слово Божіемъ я вчера читалъ: „видать-ли ты человека мудраго въ своихъ глазахъ; на глупаго больше надежды, нежели на него“.

Илья продолжалъ негодобрительно разсматривать курточку, какъ будто не слышалъ послѣднихъ словъ Трофима, — видно, не понравились они ему.

„Глупые“, пробормоталъ онъ наконецъ. „Терпѣть я глупыхъ не могу. Хорошо, кабы ихъ вовсе въ мірѣ не было“.

— „Когда придетъ конецъ міра, такъ и не будетъ ихъ больше. Господь осудитъ ихъ и они погибнутъ. Слово Божіе не по нашему судить: оно не тѣхъ называетъ глупыми, у которыхъ ума мало, а которые Бога не знаютъ“.

Илья поморщился и сквозь зубы нетерпѣливо проговорилъ:

— „Ханжество, все это ханжество“.

— „Нѣтъ, не ханжество“, возразилъ сапожникъ „все это истинная Божія правда. По мірскому выходитъ, что тотъ уменъ, который на то или другое земное дѣло способенъ, умѣетъ пріобрѣтать или мудрствовать, а по Божьему тотъ уменъ, кто за вѣчную жизнь ухватился. Вотъ я, на примѣръ, хоть и не больно уменъ, да не тужу объ этомъ. Лишь бы мнѣ небесныхъ

благъ не лишиться. Все вспоминаю Слова Христовы: „что пользы человеку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою погубитъ?“

Илья не сразу нашелся что отвѣтить и только бросилъ взглядъ на жену: слышитъ-ли она, или нѣтъ.

Голова ее была опущена надъ работой, такъ что онъ лица разглядѣть не могъ. Если бы онъ видѣлъ, какъ дрожали губы, какъ старалась она удержать слезы, — то убѣдился бы, что не такъ она тупа, чтобы не понять все сказанное. Во всякомъ случаѣ, онъ почему-то побоялся, что такого рода разговоръ можетъ унижить его передъ ней, и желая, чтобы она и мысленно не выходила изъ полного подчиненія и покорности, вдругъ сказалъ:

— „Ступай, купи мнѣ селедокъ, слышишь, кричатъ на дворѣ“.

Какъ не хотѣлось ей уходить! Но нечего дѣлать. Пришлось ей спуститься по длинной лѣстницѣ, потомъ другихъ покупателей переждать, да еще поторговаться съ селедочникомъ; такъ прошло довольно много времени, и когда она вернулась — сапожника уже не было. Курточка лежала у Ильи на колѣняхъ; должно быть, согласился ее починить.

— „Чего такъ долго мѣшкала, сказалъ онъ сварливо. Ужъ давно обѣдать пора“.

Марѳа ничего не отвѣтила, пошла готовить обѣдъ и покуда она чистила селедку, все не выходили у нея изъ головы эти слова: „пріобрѣтетъ весь міръ, — душу свою погубитъ“.

Послѣ обѣда сѣла она опять за работу, и такъ до вечера, все раздумывала о томъ же самомъ.

Наконецъ, настала суббота.

— „Чего не идешь работать, что ты тамъ дѣлаешь?“ крикнулъ Илья женѣ, которая занята была въ кухнѣ.

— „Я глажу тебѣ рубашку къ завтраму“, отвѣтила она.

— „Поспѣетъ еще рубашка, надо шитье кончать“.

— „Я кончила все“, сказала она спокойно.

— „Кончила?“ онъ не могъ удержаться отъ удивленія. „Ну, ужъ вѣрно завтра отпрашиваться будетъ куда нибудь надолго“, прибавилъ онъ про себя.

Дѣйствительно, утромъ Марѳа знала, что ей изъ за обѣда нельзя будетъ уйти; но послѣ обѣда она все прибрала и съ замирающимъ сердцемъ попросила мужа отпустить ее.

— „А, вотъ оно что!“ сказалъ онъ, „ну, ступай пожалуй, только смотри, черезъ два часа назадъ приходи. Я потомъ самъ уйду“.

Марѳа вышла, спустилась по лѣстницѣ и робко постучалась въ дверь сапожника.

Ее привѣтствовали какъ нельзя лучше, такъ что она даже совсѣмъ оробѣла. Жена сапожника усадила ее въ единственное кресло, дѣти ласково пришли съ ней здороваться.

Трофимъ вскорѣ раскрылъ Евангеліе и сталъ читать въ 15-й главѣ Евангелія отъ Луки, про потерянную овцу и потерянную драхму. Прочиталъ до конца, потомъ сказалъ:

— „Слышалъ я сегодня утромъ въ церкви проповѣдь на это и припомнить хотѣлось бы, что сказано было. Какъ потерялся человѣкъ во грѣхахъ своихъ, какъ онъ ушелъ изъ Божьяго дома и скитается во тмѣ, все равно, какъ если бы кто изъ дѣтокъ моихъ ушелъ отъ меня и сталъ бы бродить одинъ по пустынь“.

Марѳа вздрогнула.

„Отецъ родной не найдетъ, иной разъ, свое дѣтище, продолжалъ Трофимъ, мать сокрушается по немъ, и не знаетъ, гдѣ его искать, но небесный Пастырь углядитъ за нимъ, и гдѣ бы оно ни затерялось, какъ бы ни испачкалось, найдетъ его, и домой возвратитъ. Еще сказано было, что вѣдь овца сама по себѣ глупая, неразумная, дороги найти не

сумѣетъ; такъ и человѣкъ, запутавшійся во грѣхахъ. Но вѣдь не въ нашемъ разумѣ дѣло, а въ Божіей любви, которая путь указываетъ и къ спасенію призываетъ“.

Марѳа заплакала. „Глупая, неразумная“, повторяла она сама себѣ, „вѣдь это про меня говорятъ, значитъ и все остальное до меня касается“.

Долго еще побесѣдовали вмѣстѣ; наконецъ, Марѳа испуганно вскочила съ мѣста: кажется, ужъ время чай пить, пора скорѣй домой.

Она торопливо простилась и побѣжала наверхъ.

— „Другой разъ такъ запоздаешь, такъ и сиди дома всѣ праздники“, сказалъ Ильѣ, когда она вошла въ комнату.

— „Виновата“, прошептала она тихо и принялась ставить самоваръ. Самоваръ на этотъ разъ необыкновенно быстро закипѣлъ, такъ что чай скоро былъ готовъ.

— „Заболталась вѣрно съ дворничихой, что даже время забыла“.

— „Я ея и не видала“, отвѣчала она.

— „А, такъ новое знакомство завела? Видно, веселое какое-нибудь. Все чего-то усмѣхаешься“.

— „Да, есть чему усмѣхаться“, прошептала она.

Ильѣ дальше не спрашивалъ и вскорѣ ушелъ, говоря:

— „Смотри, у окошка такъ не засидись, чтобъ про ужинъ забыть“.

— „Не забуду“, отвѣтила она.

У окошка! На что ей теперь окошко, у нея другое на умѣ. Какъ только мужъ вышелъ, она опять достала старое Евангеліе и принялась искать то, о чемъ сегодня у Трофима говорили. Запомнила, въ какомъ Евангеліи и проискала не долго, тутъ оно и есть.

Перечитывала она нѣсколько разъ про пропавшую овцу и съ радостію вспомнила, что и глупая она была, и неразумная, и все-таки не пропала у Бога совсѣмъ. Слава тебѣ Господи! повторяло ея сердце, и какое-то мягкое, теплое чувство ох-

ватило всю душу. Такъ просидѣла она долго; но про ужинъ не забыла, во время закрыла книгу, и принялась хлопотать, только большія, роговыя очки забыла снять. Въ очахъ засталъ ее мужъ, когда вернулся домой и это его удивило: она ихъ одѣвала только когда шила очень тонкую работу, а теперь ей, кажется, шить было нечего.

Съ того времени онъ съ любопытствомъ сталъ наблюдать за ней. Что-то на нее нашло странное, совсѣмъ другое. Все еще иной разъ бывала она и неловка и разсѣянна, но далеко не то, что прежде.

Она стала такъ усердна, терпелива, а главное, она какъ-то ожила, и довольство въ ней было какое-то непонятное, невозмутимое. Чѣмъ-же она могла быть довольна?

Ужь не пьетъ-ли она вина? раздумывалъ онъ, глядя на нее, какъ она, съ полу-улыбкой на устахъ, проворно шила жесткій, кожаный передникъ, который онъ далъ ей кончать. Бывало, нахмурится надъ такой работой, а теперь веселье какое-то на нее нашло. Да нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ она пить начала. Вѣдь, она все на глазахъ, да и денегъ лишнихъ нѣтъ. Откуда же ей вина взять? Недоумѣвалъ Ильѣ, и рѣшилъ еще ближе слѣдить за ней, а спросить ее—гордость не позволяла. Не надо, чтобы ей и въ голову приходило, что онъ чего нибудь можетъ не понимать. Чѣмъ это занимается она, когда его дома нѣтъ,—захотѣлось ему узнать. Раньше она все у окошка сидѣла, а теперь какъ будто не то. Сидѣла у окошка и была унылая, угрюмая, безтолковая, а теперь стала другая, значитъ, и занятіе вѣрно другое.

Придумалъ Ильѣ хитрость: уйдетъ онъ изъ дому, какъ будто надолго, а потомъ вдругъ вернется, точно забылъ что-нибудь и тутъ онъ накроетъ ее неожиданно и увидитъ, что она дѣлаетъ. А она не догадается, въ чемъ дѣло. Такъ и сдѣлать.

Ушелъ въ воскресенье, какъ-будто на весь вечеръ, а тамъ вдругъ, черезъ полчаса, опять къ себѣ постучался.

Марѳа въ очкахъ сидѣла передъ раскрытымъ Евангеліемъ, углубившись въ чтеніе. Постучались два раза, прежде чѣмъ она услышала, и не думая что это мужъ, все оставила, какъ есть, и пошла открыть. Входитъ Илья, она такъ и остолбенѣла, но ужъ не спрячешь тутъ ничего. Илья взглянулъ на книгу, узналъ ее и пробормотавъ, что онъ газету забылъ и только за ней зашелъ, опять вышелъ.

„Такъ вотъ оно что!“ думалъ онъ самъ себѣ, выходя на улицу, „вотъ на что очки потребовались, — кто-бы думалъ... Вѣдь, казалось-бы, ума не хватитъ, чтобъ и одинаго слова въ книжкѣ понять!.. А вѣдь вотъ читать принялась. Скажите, пожалуйста“.

Поразила его эта раскрытая книга, но еще болѣе книги поразило его то необычайно-свѣтлое выраженіе, которое еще не успѣло сойти съ лица Марѳы, хоть она и смутилась неожиданнымъ его приходомъ. Никогда, никогда еще, даже въ дни ея молодости, когда она была счастливая, беззаботная, въ родительскомъ домѣ, не видѣлъ онъ у нея такого взгляда оживленнаго, осмысленнаго, какъ теперь.

Илья сидѣлъ за чайнымъ столикомъ съ пріятелями, въ знакомомъ трактирѣ, и пересуживали вмѣстѣ о разныхъ дѣлахъ житейскихъ, а передъ глазами у него совсѣмъ не то. Видитъ онъ большую раскрытую книгу на столѣ. Передъ этой книгой сидитъ женщина, въ очкахъ, и старательно разбираетъ каждое слово; не только разбираетъ, но вникаетъ и понимаетъ. Свѣтлыя мысли наполняютъ ея голову, какая-то сила и отрада вливаются ей въ сердце, и эта женщина—это его жена, которую онъ считалъ почти безмысленной!

Не сидѣлось ему долго съ товарищами въ этотъ вечеръ: захотѣ-

лось домой. Дома все приготовлено, столъ накрытъ, онъ сѣлъ ужинать сперва молча, потомъ вдругъ взглянулъ на жену и сказалъ:

„Проворная ты что-то хозяйка стала, все у тебя во время поспѣваетъ“.

Она такъ смутилась, что ничего не сумѣла отвѣтить. Сколько лѣтъ ужъ отъ него похвалы не слыхала!

— „И сама такъ пріодѣлась, что не узнать-бы тебя“, продолжалъ Илья.

На ней было ситцевое платье, очень старое, полинялое, но чисто вымытое и разглаженное. Она взглянула на него съ грустной улыбкой, вспоминая, что носила его еще дома. Илья вспомнилъ то-же самое:

— „Ты, вѣдь, его еще въ дѣвцахъ носила?“ спросилъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ:

„Что это онъ вздумалъ тѣ времена поминать, неужели въ наемѣшку?“

Нѣтъ, насмѣшки не было на лицѣ его.

— „Ты думаешь, я позабылъ прошлое?“ сказалъ онъ. „Нѣтъ, мы съ тобою оба плохи стали съ тѣхъ поръ. А?“

— „Не знаю, отвѣтила она, я вѣдь глупая такая, безтолковая: гдѣ мнѣ разсудить? Помню, что дома было мнѣ хорошо, а была-ли я сама хорошая, или худая—не знаю. Вѣрно худая, а то бы... она вдругъ остановилась.“

— А то бы не ушла отъ родителей?... подсказалъ Илья.

— „Да... это было худо, такъ худо!“ вскричала она горестно.

— „И за меня бы замужъ не пошла?“ спросилъ онъ еще.

Она молчала.

— „Пожалуй, что мало проку изъ этого вышло для насъ обоихъ“, замѣтилъ онъ.

— „Что дѣлать“, сказала она, „для себя мнѣ теперь все равно, а для тебя я буду стараться, сколько силы есть“.

— „Старайся, старайся“, отвѣ-

тилъ онъ почти ласково „и если будешь продолжать какъ начала, такъ, кто знаетъ, не поправитъ-ли это насъ обоихъ“.

Марѳа была такъ тронута, что не могла удержать слезъ. Илья всталъ изъ-за стола, и хотѣлъ было спать ложиться, но еще разъ оглянулся на нее и сказалъ:

— „Вздумаю-ка и я когда нибудь въ твою книжку заглянуть, надъ которой ты по вечерамъ сидишь. Ужъ больно ты отъ нея поумнѣла“.

Тутъ ужъ Марѳа отъ радости чуть не выронила тарелки, которыя убирала, и долго въ эту ночь спать не могла, такъ волновало ее все то новое, небывалое, что случилось въ этотъ вечеръ.

На другой день все пошло по прежнему, т. е. не совсѣмъ попрежнему: работа была прежняя, а люди—не тѣ. Илья хоть и подсмѣивался иной разъ, но какъ-то добродушно, такъ, что никто бы обидѣться не могъ. Онъ сталъ разговаривать съ женой, какъ съ человѣкомъ, который можетъ и понять, и даже отвѣтъ дать. Она работала съ какою-то спокойною увѣренностью, безъ торопливости, но и безъ отдыха, и все дѣлала исправно.

Трофиму Илья кивнулъ изъ окна такъ ласково, что тотъ не могъ надивиться и подъ вечеръ зашелъ провѣдать сосѣда.

— „Милости просимъ, садитесь“, сказалъ портной и дружески разговорился съ нимъ, не стараясь его переспорить и передъ нимъ своимъ умомъ похвастать.

Послѣ ужина, когда Илья сложилъ оконченную работу, Марѳа достала съ полки свое Евангеліе и молча, трепетно, положила его передъ нимъ.

Илья сначала, какъ будто не замѣтилъ, потомъ взглянулъ на книгу, сталъ перелистывать ее и вдругъ остановился. Его что-то поразило: это были слова Апостола Павла въ посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ говорится, что „Богъ избралъ премуд-

дрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное“.

Онъ невольно посмотрѣлъ на жену.

— „Поди сюда“, сказалъ онъ ей и указалъ пальцемъ на эти слова.

Она надѣла очки и со вниманіемъ прочитала ихъ.

— „Понимаешь?“ спросилъ онъ.

— „Не совсѣмъ“, робко отвѣтила она.

— „Ну, а я понимаю“, сказалъ онъ.

Она не сомнѣвалась въ томъ, что онъ всегда все понимаетъ, и смиренно отошла; а онъ долго еще сидѣлъ въ раздумьи.

Да, немудрая, немощная, она покорила его, считающаго себя и мудрымъ, и сильнымъ. Сломилась его гордость на столько, что онъ сталъ почитать ее; болѣе того, сталъ желать быть на нее похожимъ.

Ей было легко и мирно на душѣ—это видно было. Онъ позабавлялъ ей и порадовался за нее. Наконецъ настала для нея пора отрады послѣ долгихъ, унылыхъ годовъ.

Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ открывалось большое Евангеліе и накоплялось небесное сокровище въ обоихъ сердцахъ. Еще нѣсколько времени спустя, прекратилась и воскресная работа въ комнатѣ портного. Это случилось само собой, безъ усилія, какъ и все, что изъ убѣжденія сердца исходитъ. Съ особеннымъ благоговѣніемъ относился всегда Илья къ той книгѣ, которая такъ преобразила его жену, и разъ даже полупуга сказалъ Трофиму:

— „Если-бъ я только зналъ, что это ее такъ перемѣнитъ и столько ей ума придастъ, я-бы давнымъ давно ей Евангеліе передъ глазами положилъ“.

Не только почиталъ онъ ее теперь, но и довѣрялъ ей во всемъ, и даже на разумъ ея полагался. И она заслуживала это довѣріе: ни-

когда ни въ чемъ не лукавила, никогда ничего не скрывала, никогда не лгала, чтобы оправдаться въ какомънибудь проступкѣ. Все это видѣлъ Илья и дивился. Одного только не видѣлъ и не зналъ онъ: сколько тихихъ, усердныхъ молитвъ возносилось изъ сердца Марѳы за него къ Богу.

Нѣсколько лѣтъ еще провели такъ вмѣстѣ и насталъ конецъ земной жизни для Марѳы. Она отошла такъ покойно, какъ корабль, который въ тихую погоду, мирно причаливаетъ къ пристани, а онъ остался осиротѣлымъ. Осталась ему Книга святая на утѣшеніе; иной разъ томило его воспоминаніе о томъ, какъ много обидъ приняла отъ него жена его, какъ мало знала она съ нимъ покоя и счастья. Но Илья за это время также научился взывать къ Тому, Кто прощаетъ грѣшниковъ. Марѳа же ему давно все простила; онъ это зналъ. Говоря про нее, онъ часто прослезившись, повторялъ:

„Добрая была душа!“ и всегда прибавлялъ: „спасибо ей“.

Семья сапожника Трофима приютила его одинокаго; т. е. жить онъ остался въ прежней комнатѣ, только похаживалъ къ нимъ часто душу отвести, и полюбилъ ихъ очень и за жену свою, и за себя.

Пересталъ Илья осуждать людей, только особенными своими поговорками любилъ наставлять ихъ. Напримѣръ: „Убьешь воскресный день, всю недѣлю схоронишь“, и тому подобное.

Многія слова Св. Писанія слагались въ душѣ его, и обогащали ее истинною мудростью, но дороже всѣхъ, кажется, до конца осталось ему то слово, которое первое ему открылось:

„Богъ избралъ не мудрое“.

Тутъ вспоминалъ Илья свою Марѳу, тутъ вспоминалъ онъ свой грѣхъ, тутъ смирялся и утѣшался онъ передъ Богомъ.

ПРОЩАНІЕ.

«Тогда немалый плачъ былъ у всѣхъ, и падая на шею Павла, цѣловали его, скорбя особенно отъ сказаннаго имъ слова, что они уже не увидятъ лица его».

(Дѣян. 20 38).

Много и много бываетъ прощаній на этой землѣ!

Съ горестью прощались Ефесскіе пресвитеры съ Апостоломъ Павломъ, возлюбленнымъ наставникомъ, который „день и ночь, непрестанно, со слезами, училъ каждого изъ нихъ“. И сколько разъ съ тѣхъ поръ приходилось людямъ прощаться съ тѣми, которые какъ бы на рукахъ ихъ носили, и за которыхъ они ухватывались, какъ за необходимую опору! Кажется, и жить безъ нихъ невозможно;—и вотъ ихъ нѣтъ!

Бываютъ и другія прощанія не менѣе тяжелыя. Вотъ, мать отпускаетъ сына своего въ далекую сторону. Быть можетъ, славное поприще открывається тамъ передъ нимъ; а все таки какъ болить ея сердце при мысли, что не увидитъ она его болѣе! Не можетъ оторваться она отъ дѣтища своего, забыла все, въ чемъ онъ когда либо могъ провиниться передъ нею; ничего нѣтъ въ ней, кромѣ любви и безконечнаго сожалѣнія; пожалуй, и не переживетъ она разлуки.

Друзья искренніе, близкіе, разлучаются на долгіе годы, часто навсегда; одинокъ становится путь каждого, трудно было сказать: прощай; трудно было взглянуть, въ послѣдній разъ, въ лицо любимаго спутника; но не миновать этой горькой чаши на этой скорбной землѣ!

Каждый знаетъ, что значитъ прощаться,—сколько слезъ надъ этимъ проливается, потому что сверхъ силъ человѣческихъ иной, разъ, бываетъ разлука. Многіе знаютъ, что значитъ, послѣ долгой борьбы, отпустить отъ себя того, кого любишь; какъ трудно съ этимъ помириться; какъ долго, долго еще бѣжитъ сердце въ слѣдъ за отшед-

шимъ, послѣ того какъ глазами его уже не видишь.

„Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить“, сказала Руфь, Моавитянка, свекрови своей, не соглашаясь съ нею разстаться. И при сколькихъ прощаніяхъ, повторяетъ сердце эти самыя слова ¹⁾!

Съ малолѣтства уже начинается челоѣкъ страдать отъ разлуки. Какъ горько иной разъ плачетъ ребенокъ, отчаянно протягивая ручки къ матери, которая оставляетъ его только на нѣсколько часовъ. Она для него и защита, и опора, и успокоеніе, и все; — и безъ нея, онъ хотя и безсознательно еще чувствуетъ себя безпомощнымъ и одинокимъ. А дальше? Дальше, — все прощанія и прощанія, именно тамъ, гдѣ оно всего труднѣе. Часто бываетъ и такъ, — что люди рядомъ живутъ, и видятся ежедневно, а душой разлучились. То, что было родное, стало чужое, — и тутъ-то точно смертельный холодъ охватываетъ душу. Неумолима эта разлука; невозвратна эта потеря!

Цѣлый рядъ прощаній встрѣчаемъ мы въ Св. Писаніи. Припомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Какъ горько было прародителямъ нашимъ прощаться съ чуднымъ райскимъ жилищемъ, уготованнымъ для нихъ Богомъ! Грѣхъ причинилъ эту первую разлуку и созданныхъ по образу и по подобию Божію, сдѣлалъ изгнанниками ²⁾! Велѣдъ за этимъ, другая страшная, общая разлука, — въ тотъ день, когда потопъ залилъ всю землю, и оторвалъ людей другъ отъ друга и отъ всего, что составляло ихъ жизнь ³⁾.

Въ книгѣ Царствъ описано намъ трогательное прощаніе Давида съ Ионафаномъ. Друзья были вѣрные, любили другъ друга самою чистою, искреннею любовью, и пришлось разстаться. „Цѣловали другъ дру-

га, и плакали оба вмѣстѣ, и сказалъ Ионафанъ Давиду: иди съ миромъ... Господь да будетъ между мною и между тобою“ ⁴⁾. Потомъ, настала еще иная разлука, когда Ионафанъ погибъ на полѣ брани, и Давидъ, разодравъ одежды свои, съ плачемъ и рыданіемъ, воскликнулъ: „Скорблю о тебѣ, братъ мой, Ионафанъ; ты былъ очень дорогъ для меня“ ⁵⁾!

Содогнулось сердце у Пророка Іезекіиля, когда Господь сказалъ ему: „сынъ челоѣческій; вотъ, Я возьму у тебя... утѣху очей твоихъ; но ты не сѣтуй, и не плачь, и слезы да не выступаютъ у тебя. Вздыхай въ безмолвіи; плача по умершимъ не совершай“ ⁶⁾. И къ вечеру того же дня умерла жена его!

Да; разлуки внезапныя, или постепенныя, краткія, или долгія, ахъ, всѣ вы тяжелы! Всѣ вы многихъ слезъ стоите!

Но есть еще одна разлука, одно прощаніе ужасное, безнадежное, которое еще не настало, но о которомъ дай Господь помыслить каждому изъ насъ. Придетъ день, когда цѣлый міръ предстанетъ передъ Престоломъ Божіимъ. Весь родъ челоѣческій раздѣленъ будетъ на двѣ половины, произнесется судъ, и затѣмъ — прощаніе на вѣки! Въ этотъ послѣдній день, Самъ „Господь отдѣлитъ однихъ отъ другихъ“ ⁷⁾, и кто возможетъ сочетать то, что Онъ раздѣлитъ!

„Одинъ возьмется, а другой останется“ ⁸⁾, говоритъ Спаситель. Небесныя жнецы, Ангелы, отберутъ пшеницу отъ плевель; одно поидетъ въ житницу, другое сгоритъ; и то, что вмѣстѣ росло, на землѣ, разлучится на всегда ⁹⁾! Великій будетъ вопль и плачь, страшное, безутѣшное терзаніе души! Что такое всѣ прочія разлуки, въ сравненіи съ вѣчнымъ прощаніемъ, въ

тотъ день, когда Господь, окруженный благословенными Своими, скажетъ другимъ: „отойдите отъ Меня“! Прощаніе съ надеждою и съ жизнью; прощаніе съ радостью, и свѣтомъ, и любовью. Прощаніе съ тѣми, которые когда то были близки и которыхъ Самъ Богъ отдѣлилъ на всегда...

Внезапно, неожиданно наступитъ эта разлука.

Міръ не будетъ приготовленъ къ этой минутѣ. Міръ будетъ ѣсть, и пить, и тѣшиться ¹⁰⁾ временнымъ, и заглушать Голосъ Божій грѣхомъ. Міръ будетъ твердить: еще не скоро; будетъ насмѣхаться надъ предостереженіями; но „когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба... и не избѣгутъ“ ¹¹⁾. Этотъ день приближается, быстро приближается.

Братъ мой, ты будешь стоять тамъ, передъ этимъ великимъ Престоломъ, въ тотъ день; и я буду тамъ. Не спрашиваю тебя: готовъ ли ты къ этому, — пусть спроситъ это у тебя Самъ Богъ.

Но какъ хотѣлось бы имѣть возможность обойти всю землю и умолять всѣхъ и каждого, отъ Имени Того, Кому преданъ судъ надъ людьми: „Будьте готовы“ ¹²⁾!

Еще одно слово: Оглядываясь назадъ на минувшій годъ, на истекшіе года, и припоминая все то, съ чѣмъ ты простился за это время, что скажешь ты? Скажешь: жаль того, жаль другого; поплачешь надъ тѣмъ, что ушло отъ тебя; но не легче тебѣ будетъ отъ этого.

Другъ мой, читалъ ли ты когданибудь въ Евангеліи, что есть такая „благая часть“ ¹³⁾, вѣрная, и вѣчная, которая не отнимется отъ челоѣка никогда? Читалъ ли ты, что были такіе люди, которые за сокровище неоцѣненное, нетлѣн-

¹⁾ Кн. Руфь. 1. 16.

²⁾ Быт. 3. 28.

³⁾ Быт. 7. 17—24.

⁴⁾ Царствъ 20. 42.

⁵⁾ 2 Царствъ 1. 26.

⁶⁾ Іезек. 24. 16—18.

⁷⁾ Матѣ. 25. 32.

⁸⁾ Лук. 17. 36.

⁹⁾ Матѣ. 13. 37—42.

¹⁰⁾ Матѣ. 24. 28.

¹¹⁾ Фессал. 5. 3.

¹²⁾ Матѣ. 24. 44.

¹³⁾ Лук. 10. 42.

ное, неизмѣнное, крѣпко ухватились—и это сокровище—это Любовь Божія во Христѣ Іисусѣ? И знаешь ли ты, что они сказали про это сокровище? Они, все земное потерявшіе, много страдавшіе, съ радостью сказали, что отъ этого сокровища не можетъ отлучить ихъ никакая сила, и никакая тварь ¹⁴⁾. Тутъ не будетъ разлуки, не будетъ прощанья.

Что же ты скажешь? Вмѣсто того, чтобы оплакивать то, что ушло отъ тебя,—простри руки къ тому, что не покинетъ тебя никогда.

Ты станешь богатъ, ты возрадуешься, ты принесешь хваление, вмѣсто плача; ты съ другимъ полюбишься, который еще бѣденъ; ты будешь прощаться, въ надеждѣ, предавая себя и свое Любви Божіей, до той поры, когда настанетъ вѣчное свиданіе передъ Лицомъ Его.

„ОТКУДА ТЫ... И КУДА ИДЕШЬ“?

(Быт. гл. 16 ст. 8).

Бѣдная женщина, по имени Агарь, убѣжала въ пустыню отъ домашнихъ огорченій. Скиталась она тамъ, одинокая, бездомная; вдругъ, слышитъ: зоветъ ее чей то голосъ. Это голосъ Ангела и онъ спрашиваетъ: „Откуда ты пришла, и куда идешь“? Созналась Агарь, что она убѣжала отъ притѣсненій госпожи своей; и Ангелъ говоритъ ей: „возвратись... и покорись“; затѣмъ, утѣшаетъ ее словами „услышалъ Господь страданіе твое“.

Агарь смирилась, воскликнула: „Ты Богъ видящій меня“, и пошла туда куда посылать ее Господь.

Откуда и куда? Нѣтъ ли такого голоса, который и у насъ это спрашиваетъ сѣгодня? Откуда пришелъ ты и стоишь теперь на порогѣ

этого новаго года? Скажи, откуда ты? Гдѣ жила твоя душа, и когда оглянешься назадъ на пройденный путь,—что ты увидишь? Увидишь быстро пролетѣвшіе дни; какъ стрѣла промчались они, одинъ за другимъ, и чѣмъ были наполнены? Что унесли съ собою? Помнишь, были у тебя добрыя желанія, хотѣлъ ты Бога любить, говорилъ себѣ: стыдно такъ жить,—хотѣлъ по новому начать. И что?

Помнишь еще: посѣтилъ тебя Господь болѣзною, потревожилъ душу твою испытаніемъ, чтобы ты къ Нему сердце вознесъ. Послалъ Онъ тебѣ милость нежданную, избавилъ тебя отъ той или другой невзгоды, сохранилъ жизнь твою, опять таки чтобы ты къ нему сердце вознесъ; и что же?

Помнишь, сколько обѣщаній ты не исполнилъ, сколько грѣха накопилъ; рѣшался на хорошее, и все тотъ же остался, только состарѣлся и поближе подвинулся къ концу.

Откуда ты,—изъ свѣта, или изъ тьмы пришелъ сюда? Подумай, и совѣсть твоя пусть отвѣтитъ.

Куда идешь? Да; вотъ это очень важно. Куда направился человѣкъ, туда онъ и дойдетъ. Куда идешь? Неужели—куда глаза глядятъ, скажешь ты?

Ахъ, мало ли въ какую тьму глядятъ глаза человѣческія,—и глядятъ охотно, безстрашно! Они тьмы не боятся, они на грѣхъ такъ наглядѣлись, что свыклись съ нимъ, и тѣшатся имъ. Пойдешь ты туда куда глаза твои глядятъ,—въ какую ты бѣду попадешь! Столько разъ попадалъ,—и опять попадешь, непременно.

Слышишь, чей то голосъ говорить тебѣ: „Око Мое надъ тобою; буду руководить тебя“ ¹⁾. Это голосъ не Ангела, а Самаго Господа. Око Его, чистое, святое, благое,

надъ тобою. Оно видѣло какъ ты заблуждался, оно видитъ ту мрачную полосу грѣха, которую ты оставилъ позади себя, и указываетъ тебѣ путь новый и живой, указываетъ тебѣ ту свѣтлую тропу, по которой Самъ ступалъ, когда былъ на землѣ.

Другъ, глядя впередъ, рѣшишь куда ты пойдешь. Не туда, куда глаза глядятъ, и гдѣ погибель, а куда указываетъ тебѣ Глазъ Божій. А тамъ, что тебя ожидаетъ? Кто испыталъ, тотъ пусть и отвѣтитъ: „Ты укажешь мнѣ путь жизни; полнота радостей передъ Лицомъ Твоимъ; блаженство въ десницѣ Твоей во вѣкъ“ ²⁾.

„РУССКІЙ РАБОЧИЙ“

будетъ издаваться и въ 1886-мъ году. Плата для иногородныхъ подписчиковъ: 1 руб. въ годъ, съ пересылкой. Для городскихъ — 75 коп. съ доставкой на домъ. Безъ доставки — 60 коп.

Редакція объявляетъ, что годовыхъ экзмп. за 1876, 1878 и 1880 года больше не имѣется, ни въ листахъ, ни въ оберткѣ.

Можно получить годов. экз. только за 1877, 1879, 1883, 1884 и 1885 года, по слѣдующимъ цѣнамъ:

1877 и 1879 (въ оберткѣ) по 60 коп. съ перес. 1883 1884 и 1885 (въ оберткѣ) по 1 руб. съ пересылкой 1883, 1884 и 1885 (безъ обертки) по 80 коп. съ перес.

¹⁴⁾ Римл. 8. 35—39.

¹⁾ Псал. 31. 8.

²⁾ Псал. 15. 11.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.